Н.Н. Лупарева

«ОТЕЧЕСТВОЛЮБЕЦ»: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ВЗГЛЯДЫ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ГЛИНКИ

ВОРОНЕЖ
2012

УДК 94(47+57)«1775/1847»(092)
ББК 63.3(2)521.1
Л 85

Научный редактор:
доктор исторических наук **А.Ю. Минаков**

Лупарева Н.Н.
«Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. – Воронеж: Новый взгляд, 2012.

Монография представляет собой первое целостное исследование идейно-политической биографии одного из видных представителей русского консерватизма первой четверти XIX столетия. В книге раскрывается вклад С.Н. Глинки в формирование патриотических настроений в русском обществе накануне Отечественной войны 1812 г. Это направление его деятельности было связано с изданием журнала «Русский вестник», который впервые выразил все основные идеи консервативно-националистического направления того времени, и материалы которого подробно проанализированы в монографии. В книге также раскрыт отмеченный современниками вклад С.Н. Глинки в создание московского ополчения и в сохранение порядка в первопрестольной столице в 1812 г., когда он был правой рукой московского главнокомандующего Ф.В. Ростопчина.

Автором исследования затронут еще один крупный консервативный проект С.Н. Глинки – «Русская история», которая внесла вклад в становление официальной историографии николаевского царствования. Книга освещает не анализировавшиеся ранее в отечественной и зарубежной историографии проблемы внешнеполитических взглядов С.Н. Глинки и эволюции его идейно-политических убеждений в последние годы жизни.

УДК 94(47+57)«1775/1847»(092)
ББК 63.3(2)521.1

Н.Н. Лупарева, 2012 г.
Новый взгляд, 2012.

Памяти моего отца
Лупарева Николая Владимировича

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы проблема возникновения русского консерватизма и национализма заняла значимое место в отечественных исторических исследованиях. Рост интереса к этой проблеме вполне закономерен. В дореволюционной историографии наиболее важные исследования по этой теме были созданы в рамках либерального дискурса, а потому отличались сильной тенденциозностью в оценках консервативного лагеря. Историки-марксисты рассматривали консерватизм как идеологию эксплуататорских классов, потерпевших политическое банкротство в ходе революции и уже потому не заслуживавшую серьезного научного анализа. Результатом стало возникновение диспропорции в изучении общественно-политической мысли: на фоне детального исследования революционного движения консервативная мысль оказалась не просто в пренебрежении; она оценивалась исключительно негативно, за деятелями консервативного лагеря были закреплены ярлыки «реакционеров», «обскурантов», «мракобесов».

Демократизация российского общества, начавшаяся в 90-х гг. XX столетия, открыла широкие возможности историкам для преодоления этой диспропорции в изучении общественно-политической мысли. Началось активное изучение деятельности наиболее ярких представителей раннего русского консерватизма, таких как А. С. Шишков, Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин. Вклад Сергея Николаевича Глинки в оформление консервативно-националистического течения в России не привлек должного внимания исследователей. Между тем, это одна из самых значимых фигур консервативно-националистического лагеря начала XIX в.

С 1808 г. С. Н. Глинка стал известен как издатель журнала «Русский вестник», который выразил все основные идеи консервативно-националистического направления того времени: критику галломании русского образованного общества, идею самобытности отечественной культурно-исторической традиции, особого национального характера русских, и, соответственно, необходимости создания национальной системы образования и приоритета в ней русского языка как транслятора национального менталитета. Следующим крупным консервативным проектом Глинки стало написание «Русской истории», внесшей вклад в становление официальной историографии николаевского царствования. С. Н. Глинка явился видным деятелем войны 1812 г. Будучи правой рукой

московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина, он внес большой вклад в формирование московского ополчения, в которое записался первым ратником, и в сохранение порядка в столице в военный период.

Однако до сих пор отсутствует обобщающее исследование о С. Н. Глинке как о ярком представителе первой плеяды русских консерваторов. Немногочисленными остаются работы, раскрывающие отдельные аспекты идейно-политических взглядов и деятельности С. Н. Глинки. Между тем, системное изучение мировоззрения и богатой событиями деятельности Глинки существенно обогатит представления о генезисе и сущности раннего русского консерватизма и национализма, уточнит особенности его становления.

Историография. Первое исследование о С. Н. Глинке, появившееся еще при его жизни, - брошюра Б. М. Федорова «Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки»[1]. Сам повод к написанию данной работы (в 1794 г. увидела свет первая опубликованная работа С. Н. Глинки «Песнь Великой Екатерине») и консервативные взгляды ее автора предполагали панегирическую форму изложения материала. На основе воспоминаний современников Глинка характеризовался как бескорыстный «писатель-патриот»[2], а его «Русский вестник» - как собрание большого числа «важных материалов для русской истории и народности»[3]. В том же ключе написана статья другого консервативного историка И. Н. Божерянова, которая так и называется «Сергей Николаевич Глинка»[4]. Также приуроченная к определенной дате – публикации «Записок» С. Н. Глинки в 1895 г. – работа носит компилятивный характер и представляет собой обширные выдержки из собственно «Записок», воспоминаний современников и появившихся во второй пол. XIX в. обобщающих исследований А. Д. Галахова, М. И. Богдановича, А. И. Попова, в которых жизнь и деятельность Глинки рассматривались лишь в связи с затрагиваемой проблематикой и которые не подняли концептуально новых для нашей темы вопросов[5].

Пожалуй, самым ярким дореволюционным исследованием идейно-политических взглядов С. Н. Глинки являются две главы о нем в книге Н. Н. Булича «Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в.»[6]. Автор являлся последователем либеральной трактовки проблем общественно-политических течений первой четверти XIX в., заложенной А. Н. Пыпиным в его работе «Общественное движение в России при Александре I»[7]. Для Пыпина всякий консерватизм, в противовес либеральным тенденциям, «вообще весьма непривлекателен»[8], «бессодержателен»[9] и «мнимо-историчен»[10]; с этих позиций он и оце-

нивал деятельность представителей первой плеяды русских консерваторов. В частности, его отзывы о Глинке весьма ироничны: «если его патриотическая пропаганда заслуживала полного сочувствия и была совершенно естественна в минуту опасности, то его ретроспективный патриотизм, его «беседа с праотцами» стала с самого начала смешна». Тем не менее, Пыпин считал Глинку «едва ли не самым характеристичным представителем тогдашней литературы»[11]. Для Булича А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин и др. также олицетворяли собой «ретроградное направление»[12], но по сравнению с Пыпиным он уделял гораздо больше внимания каждому из них. Так, опираясь на воспоминания С. Н. Глинки, Булич первым проследил его эволюцию от «в душе совершенного француза», симпатизировавшего французской революции (замечание, которое не могли себе позволить консервативные историки), каким он вышел из Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса[13], до «самого пылкого патриота», начиная с 1806 г.[14] Его оценки не столь предвзяты: например, утверждение о том, что «Русский вестник» выражал «узко сословный патриотизм, глубоко консервативный и ненавидящий все новое»[15], смягчается замечанием, что «издатель не восставал прямо против нового развития России», что он «видит в нем довольно истинного и полезного и требует, по-видимому, только, чтоб приобретенное было соединено с своим собственным»[16]. Говоря о «консервативной привязанности» «Русского вестника» к старине, Булич первым обратил внимание на парадоксальное толкование этой старины. Отметив, что «воспоминания общего европейского образования… постоянно жили в его (Глинки – Н. Л.) голове», автор пришел к выводу, что «его (образования – Н. Л.) содержание он искал в древней Руси», «знакомые ему по образованию образы и идеи он желал или мечтал найти в незнакомой ему до того родной жизни»[17]. Таким образом, Булич впервые высказал мысль о присутствии в сознании Глинки просветительских интеллектуальных схем – тезис, подхваченный уже современной историографией. Сочинение Н. Н. Булича явилось основой для статьи В. Н. Бочкарева «Консерваторы и националисты в России в начале XIX в.», соответственно, оценка деятельности Глинки последним автором полностью повторяла суждения первого[18].

Колоритная фигура С. Н. Глинки не могла не привлечь внимания исследователей накануне столетней годовщины победы России в войне 1812 года. В 1912 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» была напечатана статья И. В. Евдокимова «Забытый патриот 1812 года»[19]. Историографическая ценность этой работы заключается в достаточно обстоятельном

рассмотрении общественной деятельности С. Н. Глинки в 1812 г., т.к. ни до, ни после этот сюжет подробнее не раскрывался. Причем Евдокимов придает большее значение именно участию Глинки в московских событиях во время Отечественной войны, а не его издательской деятельности. Весьма показателен вывод автора: «Общественная жизнь, русская журналистика первой четверти XIX в., народные настроения, волнения и движения не могут быть поняты без рассмотрения деятельности С. Н. Глинки»[20].

В том же 1912 г. появилась статья либерального историка И. И. Замотина, впервые обратившегося к материалам «Русского вестника» как к теме, заслуживающей отдельного и пристального внимания[21]. Но он не смог разглядеть в содержании журнала ничего, кроме «наивного возвеличивания русской самобытности и мощи», которое было необходимо издателю «не само по себе, а прежде всего для того, чтобы вырисовать на нем отрицательное отношение к Западу и в частности к французам»[22]. Т.е. Замотин коснулся лишь антизападнической, а точнее – антифранцузской направленности «Русского вестника». Несмотря на свойственное большинству исследователей либерального толка иронично-насмешливое восприятие творческого и публицистического наследия Глинки, Замотин отдал должное вкладу издателя «в великое дело спасения родины»[23], заметив при этом, что «статьи Глинки воздействовали на патриотизм читателей, несомненно, с большей силой, чем Ростопчин своими афишами», что «ограничивать историческое значение журнала Глинки только этим воздействием на наивное патриотическое чувство среднего человека и, главным образом, провинциала, конечно, нельзя. Надо думать, что к журналу несомненно прислушивалась иногда и родовитая русская знать и передовая русская интеллигенция. То серьезное и важное, к чему надо было прислушаться заключалось в энергическом подчеркивании действительной опасности как внешнего, так и внутреннего завоевания со стороны французов»[24]. Сам Глинка, с точки зрения Замотина, «одна из интереснейших разновидностей того общественно психологического типа, который, независимо от официальной народности, но не без влияния войны с Наполеоном, складывал в нашей общественности консервативно-патриотическое направление»[25]; хотя сам автор статьи осветил скорее националистический пафос журнала, нежели его консервативную составляющую.

Единственной по сей день работой, охватывающей всю жизнь и творчество С. Н. Глинки, является обширная библиографическая статья К. Сивкова в «Русском биографическом словаре»[26], опубликованная в 1916 г.

Но в силу специфичности жанра словарной статьи, она не может рассматриваться как полноценное историческое исследование.

Названными работами ограничивается круг дореволюционных исследований о С. Н. Глинке. Как видно, его фигура не вызывала особого интереса историков. Оценки его личности, публицистической, общественной деятельности зависели от общественно-политической позиции автора: историки консервативного толка отличались не просто позитивными, но чаще апологетическими отзывами, что снижает их ценность как исследователей. Для них Глинка, прежде всего, «истинный патриот»[27], деятельность которого внесла огромный вклад в развитие предвоенных и военных событий 1812 г.; так, И. Н. Божерянов считал именно Глинку основоположником всего «патриотического направления» той поры, а А.С. Шишкова называл лишь его последователем[28], что на наш взгляд является неверным утверждением. Позиция либеральных историков варьировала от более или менее объективных трактовок (Булич, Евдокимов, Замотин) до уничижительных, вроде резких высказываний С. П. Мельгунова, который расценивал Глинку как «человека неглубокого ума и поверхностного образования», а тон «Русского вестника» характеризовал как «грубо шовинистический», называя журнал «органом шаблонных… нападок на галломанию русского общества» и «органом крепостнического консерватизма»[29]. Однако именно в рамках либеральной историографии были созданы наиболее плодотворные исследования, ибо их критическое отношение помогало нащупать наиболее противоречивые моменты темы, на основе которых формулировались проблемы для будущих исследований.

В советской историографии С.Н. Глинку характеризовали как реакционного защитника существовавшего режима, а «Русский вестник» - как орган правительства и крепостников[30]. Можно предположить, что в отдельных случаях подобные оценки не вполне отражали реальные взгляды авторов, вынужденных считаться с жестким идеологическим контролем в сфере гуманитарных наук. Это, в частности, видно на примере работ А. В. Предтеченского. Так, в своей неопубликованной статье о «Русском вестнике»[31], он, подобно Замотину, рассматривал журнал Глинки как орган националистической пропаганды. В отличие от большинства советских историков, он указывал на оппозиционный характер журнала в довоенный период. Но, находясь в рамках марксистской методологии, автор не мог дать полноценного анализа истоков национализма Глинки и его современников. Для него «Русский вестник» не более чем «знамя воинствующего дворянского патриотизма»[32], сыгравшее «крупную

роль организатора общественного мнения широких дворянских масс» между 1808 и 1813 гг.[33] Тем не менее, Предтеченский дал в целом положительную оценку издательской деятельности С. Н. Глинки. В то же время, в опубликованной книге того же автора «Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в.» содержатся более тенденциозные отзывы о Глинке, вполне отвечающие господствовавшим идеологическим шаблонам: он, наряду с А. С. Шишковым и Ф. В. Ростопчиным, причислен к стану реакционеров, выполнявших «функции борьбы с революционными идеями»[34].

Из общего ряда исследований советского периода также выбивается работа С. Н. Дурылина[35], в которой Глинке даны весьма комплиментарные оценки. Это легко объясняется тем, что книга была издана в разгар Великой Отечественной войны, когда меры идеологического характера требовали поиска примеров героизма и патриотизма в прошлом. Но в ряде случаев такие меры обернулись намеренным искажением данных исторических источников. Так, Дурылин утверждал, что «Записки о 1812 годе» «посвящены одной теме: народной войне», а «основная мысль Глинки в том, что ни усилия правительства, ни искусство полководцев, ни мастерство дипломатов, а единодушный и повсеместный народный отпор был причиною гибели Наполеона»[36]; что пожар Москвы Глинка рассматривал, якобы, как «великий народный подвиг»[37] и т.д. Прямо противоположное видение данного сюжета можно обнаружить у Б. С. Мейлаха. Адекватное прочтение вышеупомянутых «Записок» дало ему основание заявить об их «общей реакционной концепции» и отнести Глинку к разряду «реакционных писателей»[38]. «Русский вестник» Мейлах рассматривал как журнал «отчетливо монархического, охранительного направления» (понятно, что для него эта характеристика имела однозначно негативный смысл), переполненный «псевдопатриотической и псевдосвободолюбивой фразеологией», а его издателя обвинял в «политической спекуляции» на стремлении народа к свободе[39].

Первым среди советских историков, занимавшихся нашей проблематикой, отошел от утвердившегося стереотипного отношения к консервативным деятелям В. В. Познанский, что позволило ему более или менее объективно исследовать творчество С. Н. Глинки. Прежде всего, он обратился к установленному еще дореволюционными исследователями факту сложной взаимосвязи Глинки с просветительской мыслью: «он с самого первого номера обрушился на просветительскую философию, хотя в форме мышления во многом от нее зависит»[40]. Это обстоятельство позволило Познанскому заметить неоднозначность его патриархальной концепции

общественного устройства, исторических взглядов и отношения к современной действительности. Так, автор указал не только на характерную для определенного периода оппозиционность Глинки правительственной политике (как это сделал Предтеченский), но и на его неприятие состояния современного ему общества[41]. Познанский первым среди советских историков идентифицировал деятельность С. Н. Глинки как «пропаганду идеализированных патриархально-феодальных *нравственных* (выделено нами – Н. Л.) отношений», сопряженную с поиском уходящего в прошлое нравственного идеала в простом народе[42]. Если тот же Предтеченский акцентировал внимание на сугубо продворянской ориентации «Русского вестника», то Познанский указал на широкую читательскую аудиторию, отметив, что «консервативная проповедь Глинки привлекла внимание даже крестьян»[43].

Интересна работа Ф. Я. Приймы, который, ссылаясь на юношеское увлечение Глинки произведениями Я. Б. Княжнина и А.Н. Радищева, призывал пересмотреть господствующую в исследовательской литературе «характеристику политического облика С.Н. Глинки как реакционера и монархиста»[44]. Как представителя «прогрессивной мысли» классифицирует Глинку Э.А. Акопян[45], единственный по сей день автор, обратившийся к абсолютно неисследованному аспекту творчества издателя «Русского вестника». В своей статье об истории становления русского армяноведения, он на основе работ Глинки[46], посвященных истории армянского народа, изучает его вклад в данной области, прежде всего, с историко-литературной точки зрения. Акопян не только ставит С.Н. Глинку в один ряд с А.Н. Радищевым, но и позиционирует его как последователя декабристской литературы и историографии, и соответственно его труды – как отражение «настроений передовой русской общественности в отношении армянского народа»[47].

Преодолеть односторонний подход к избранной нами теме удалось представительнице тартуской школы Ю.М. Лотмана Л.Н. Киселевой. Она впервые сделала С.Н. Глинку предметом систематических исследований в ряде статей, написанных на основе ее кандидатской диссертации «Идея национальной самобытности русской литературы между Тильзитом и отечественной войной (1807-1812)». Поставив целью своей работы выявление корней «центральной, по общему исследовательскому определению, проблемы русской литературы начала XIX в.»[48], Киселева рассмотрела ее как сложный комплекс вопросов патриотизма, национального характера, языка, истории, народности литературы, вызванный к жизни специфическими внутри- и внешнеполитически-

ми условиями и господствовавшими культурными парадигмами. Для решения поставленных перед собой задач исследовательница обратилась к анализу сочинений «шишковистов», которые выразили идею национальной самобытности русской культуры в рассматриваемый период с наибольшей отчетливостью. К ним Киселева причислила и С.Н. Глинку, чей «Русский вестник» явился журналом, «для которого идея национальной самобытности культуры была четко выраженной программной установкой»[49]. В статье «Система взглядов С.Н. Глинки»[50] Киселева, используя метод семиотического анализа, рассмотрела все материалы его периодического издания как единый текст. Такой подход позволил ей увидеть за многочисленными патриотическими тирадами издателя, наивно-идиллическими картинами отечественного прошлого и настоящего общую, объединяющую их дидактическую цель - преподать положительный пример жизненной позиции своим современникам всех социальных слоев. Для этого, как утверждала Киселева, на страницах журнала была сконструирована социально-политическая утопия государства-семьи, реализация которой не требовала ломки существующего строя. Ее достижение могло быть обеспечено лишь нравственным усовершенствованием общества в соответствии с предложенной Глинкой программой, которая была основана на своеобразно понятых «отечественных добродетелях» и концепции национального прошлого. Следуя направлению, намеченному Н. Н. Буличем и В. В. Познанским, Киселева заявила, что, хотя вышеизложенная система взглядов С. Н. Глинки носила ярко выраженный антипросветительский характер, она брала свое начало в той же просветительской философии, в ее руссоистском варианте. Обоснованию этого тезиса посвящена ее следующая статья «С.Н. Глинка и кадетский корпус»[51], в которой на основании ряда принципиально значимых источников, прежде всего «Записок» С.Н. Глинки, реконструируется характер корпусного образования в годы его пребывания в данном учебном заведении. Киселева дала исчерпывающее, систематическое изложение воспитательной программы корпуса, которая была основана на принципах просветительской педагогики, тесно связана с классической культурой античности и культивировала такие ценности, как «гражданственность, свободомыслие и республиканские добродетели»[52]. На основании сопоставительного анализа рассказа С.Н. Глинки о корпусе и брошюр «Говорящая стена» и «Рекреационная зала» Киселева доказала, что именно здесь в общих чертах сформировались его общественно-политические взгляды, причем последние не претерпели почти никаких изменений в течение жизни Глинки.

Большой интерес представляют две следующие статьи Киселевой, взаимосвязанные между собой. В первой – «Еще раз о С. Н. Глинке - читателе «Слова о полку Игореве»[53] - раскрывается роль Глинки как активного популяризатора «Слова…» в начале XIX в. Но основное значение имеет источниковая база данного исследования, а именно две литературно-критические статьи из «Русского вестника» «Известие о книге под заглавием: «Петр Великий, Лирическое песнопение в осьми Песнях, сочинение князя Сергия Шихматова; с присовокуплением некоторых замечаний» и «Замечания о языке славянском и о Русском или светском наречии». В исследовательской литературе долгое время их авторство приписывалось Федору Глинке. Киселевой удалось убедительно доказать, что обе статьи принадлежат перу Сергея Глинки. Это позволило ей в статье «К языковой позиции «старших архаистов» (С.Н. Глинка, Е.И. Станевич)»[54] проанализировать его лингвистические воззрения – тему, к которой до нее исследователи не обращались. Между тем, для «старших архаистов» во главе с А. С. Шишковым, в стан которых Киселева зачислила Глинку, «отождествление языковых и общественных проблем было важнейшей, системообразующей»[55] стороной мировоззрения. Таким образом, Л.Н. Киселева, которая, безусловно, учитывала наработки предшественников, вовлекла в научный оборот значительный массив ранее поверхностно или вовсе не рассматривавшихся источников – это касается, прежде всего, материалов «Русского вестника» за 1808-1812 гг., – что позволило ей создать, на наш взгляд, первое полнокровное исследование мировоззрения С.Н. Глинки. Несмотря на то, что оно создано в рамках филологической науки, его с незначительной корреляцией в сторону исторических дисциплин использовали занимавшиеся данным вопросом историки, и оно сохраняет свою актуальность по сей день.

Последней в рамках советской историографии работой, в которой затрагивается публицистическая деятельность С.Н. Глинки, является статья И.В. Попова «Преддекабристская публицистическая критика о патриотизме»[56], демонстрирующая традиционную для марксистской методологии интерпретацию данной проблематики. Автор выделил два направления патриотизма, существовавших накануне, в период и в первые годы после войны 1812 г., - «прогрессивное» и «реакционно-охранительное, приближающееся к казенному». Ко второму, наряду с А.С. Шишковым и Ф.В. Ростопчиным, он отнес С.Н. Глинку, который в своем «Русском вестнике» «закрепил», «развернул» и «материализовал» начатую Шишковым реакционно-патриотическую линию. Характеризуя ее, Попов неизбежно должен был оценить «реакционно-охранительную» мысль на-

чала XIX в. вообще, и он трактует ее как «субъективно-идеалистическую и антипросветительскую в своей основе»[57]. Однако Попов заметил, что «при всей его «благочестивости» С.Н. Глинка был близок духу нового века. Прежде всего – по тенденциям оппозиционным. Причем оппозиционность Глинки, как это ни парадоксально, прямо связывалась с его реакционностью, с характером идеализации им русской старины, - с той создаваемой им утопией патриархального государства, от лица которой он предъявлял свои претензии текущему моменту»[58]. В целом же, с точки зрения Попова, программа журнала сводилась «к требованию сужения гласности, к эксплуатации народной темноты и невежества, к проповеди обскурантизма и к откровенной националистической демагогии»[59].

С начала 90-х гг. XX в. времени тенденция стойкого интереса к русскому консерватизму идет по нарастающей, что связано с целым рядом причин академического, политического и социально-психологического свойства[60]. Издается большое количество работ, исследующих творчество русских консервативных мыслителей, прежде всего, второй половины XIX в. (Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Ф. М. Достоевского, К.П. Победоносцева и др.), но также и представителей раннего консерватизма (А. С. Шишкова, Н. М. Карамзина, Ф. В. Ростопчина и др.). На наш взгляд, в сравнении с другими персоналиями, фигура С. Н. Глинки пользуется незаслуженно малым исследовательским спросом (причиной тому, возможно, кажущаяся «незначительность» его творческого наследия и сложность типологизации его взглядов).

В 2000 г. увидело свет исследование О. Проскурина «Литературные скандалы пушкинской эпохи», в котором С. Н. Глинке посвящена глава «Калмыцкий журналист»[61]. Проскурин смог доказать, что прежде считавшаяся посвящением А. С. Шишкову сатирическая сказка В. В. Измайлова «Калмык Оратор» в действительности целилась в С. Н. Глинку и по-своему отражала восприятие частью общества его патриотической деятельности.

К неизученному аспекту деятельности Глинки, а именно к его историческому труду, обратилась Т. А. Володина в своей статье «Русская история С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в.»[62]. Думается, что исследовательница выбрала верный ракурс рассмотрения этого вопроса. Она не предъявляла «Истории» Глинки строго научных требований, а видела в ней выражение нарождавшегося в условиях национального подъема первого десятилетия XIX в. массового исторического сознания, потребности общества осознать себя и свое прошлое. Соответственно, ценность его труда не в следовании научным критериям, а в фор-

мировании, пусть и не в сложившемся виде, образа национальной идеи, репрезентирующей Россию как «особый мир, который понять можно не «умом», а только «сердцем», причем – русским сердцем»[63].

Еще одна статья Володиной о С. Н. Глинке появилась в сборнике статей «Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия»[64]. Сам этот сборник весьма примечателен как первая коллективная монография, в которой предпринимается попытка анализа феномена раннего русского консерватизма через биографии его ярчайших представителей (что, безусловно, свидетельствует о стремлении к обобщению накопленного фактического материала). Здесь С.Н. Глинка занял свое почетное место среди таких общепризнанных корифеев русского консерватизма первой волны, как А.С. Шишков, Н.М. Карамзин, Ф.В. Ростопчин, А.А. Аракчеев, А.Н. Голицын, М.Л. Магницкий и др. Данная статья интересна тем, что Володина, помимо раскрытия консервативно-националистического пафоса «Русского вестника», обратила внимание на смещение взглядов «позднего» Глинки в сторону либерализма, что никогда не подчеркивалось исследователями.

«Русской истории» С.Н. Глинки посвящена статья М. Велижева и М. Лавринович «Сусанинский миф»: становление канона»[65], в которой убедительно доказано, что именно в историческом труде С.Н. Глинки «сусанинский сюжет» был сформулирован в том виде, в котором он вошел в официальную историографию николаевского царствования.

Знаменательным можно назвать тот факт, что в вышедшем в свет в 2003 г. четвертом томе многотомника «Очерки русской культуры XIX в.», который является одним из самых заметных обобщающих исследований современной историографии российской общественно-политической мысли XIX в., С.Н. Глинка ставится в один ряд с А.С. Шишковым, Н.М. Карамзиным, Ф.В. Ростопчиным[66]. Кроме того, книга дает возможность установить преемственность идейно-политических взглядов С.Н. Глинки с воззрениями более поздних представителей российской общественно-политической мысли, например, со взглядами славянофилов[67].

В 2004 г. была издана монография А.Л. Зорина[68], которая являет собой обзор идеологических моделей, выдвигавшихся в качестве государственной идеологии Российской империи в царствования Екатерины II, Александра I и Николая I. Свои исследовательские выводы автор основывает на нетривиальных в данном случае источниках: одах, трагедиях, исторических романах упомянутого периода. Так, в главе, рассматривающей идеологические наработки периода наполеоновских войн, искавших

основу в событиях Смутного времени, его, наряду с другими, интересуют идеологические метафоры, созданные Глинкой в его драме «Минин».

Принципиальное значение имеют работы А. Ю. Минакова, который вполне отчетливо характеризует Глинку как одного из главных идеологов русского консерватизма первой четверти XIX в. В статье «Роль событий 1812 года в становлении русского консерватизма»[69] он сформулировал афористичный тезис о том, что на именование себя «детьми 1812 года» консерваторы могли претендовать с не меньшими основаниями, чем декабристы, ибо именно в канун Отечественной войны русский консерватизм «оказался максимально востребованным», «причем потребность в нем была столь велика, что из «маргинального течения» он превращается в стержневое»[70]. Эту мысль доказывает характеристика деятельности самых ярких консерваторов по мере выражения ими соответствующих взглядов. Касаясь Глинки, автор отметил, что его «Русский вестник» стал журналом, который наиболее ярко и полно выразил основные идеи национально-консервативного направления того времени»[71]. Символично, что в вышедшей в 2005 г. энциклопедии «Общественная мысль России XVIII-начала XX в.», которая сама по себе представляет важную ступень в развитии современной исторической науки, С.Н. Глинке посвящены две статьи этого же автора (одна из них написана совместно с автором данного исследования – Н.Л.)[72].

Одним из последних исследований стала статья уже упоминавшегося М. Велижева «Об истоках «петровской» концепции С.Н. Глинки»[73]. В ней, помимо обстоятельного рассмотрения круга источников, которыми пользовался С.Н. Глинка при конструировании образа Петра I, прослежена эволюция последнего от материалов «Русского вестника» к тексту «Русской истории».

В 2010 г. увидели свет энциклопедия «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века», где сразу две объемные статьи оказались посвящены С.Н. Глинке и его «Русскому вестнику»[74], и монография Е.Б. Мирзоева «С.Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России»[75]. Эта работа посвящена анализу публицистики «Русского вестника» накануне и в период Отечественной войны 1812 г. Автор акцентирует внимание на противопоставлении образов Франции и России, французов и русских. Вместе с тем не рассмотрены некоторые принципиально важные вопросы, например, позиция С.Н. Глинки в языковой полемике начала XIX в. Несколько необоснованным нам показался ряд выводов автора, например, утверждение, что критика просветительских идей и их распростра-

нения в России привела Глинку к мысли, что «массовая грамотность среди простолюдинов опасна»[76]; заявление, что Наполеон в глазах Глинки представлял опасность «не столько политическую, сколько культурно-идеологическую»[77]; мысль о том, что важнейшей задачей отечественного воспитания в условиях наполеоновских войн С.Н. Глинка считал «военно-патриотическую подготовку»[78] и др. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что автор не вполне глубоко проработал материалы «Русского вестника». Возможно, Мирзоеву лучше удалось бы воссоздать нарратив публицистики Глинки в случае привлечения архивных материалов, но при написании монографии они не были использованы. Заслугой автора можно считать постановку вопроса о границах понятия Россия в публицистике Глинки[79]. Однако в целом работа видится скорее как конъюнктурная.

Фигура С. Н. Глинки не осталась без внимания и в зарубежной историографии. Пристального внимания заслуживает статья американского исследователя Ф. Уолкера, в которой на весьма показательном примере братьев Сергея и Федора Глинок рассматривается проблема соотношения «реакционной» и «радикальной» мысли в России эпохи царствования Александра I. Внимание автора привлек тот факт, что ставший «реакционером» Сергей и «членом секретного общества» Федор отталкивались от единой культурной, интеллектуальной платформы – «антитиранического неоклассицизма, сентиментализма Руссо, морализма Н. И. Новикова и Д. И. Фонвизина»[80]. Отметив, что в годы становления декабризма братья придерживались решительно противоположных взглядов относительно самодержавия и проблемы освобождения крестьян: «для декабристов сама структура самодержавия и крепостничества была злом, которое можно преодолеть только через революцию», а «Сергей считал политический строй столь же похвальным, сколь и социальный»[81], - автор нашел в их сочинениях «одинаковое видение моральных задач, использование идентичной фразеологии и национальной мифологии»[82]. Заявив, что «во взглядах братьев больше моментов для сравнения, чем для противопоставления», Уолкер сделал следующий вывод: «русские писатели, несомненно, усваивали западно-европейские культурные модели, но отражали и специфику собственной страны. Сергей и Федор Глинки не могут быть поняты вне связи с идеями Руссо, Монтескье и Вольтера, но их также необходимо рассматривать в контексте творчества Ломоносова, Княжнина, Державина, Шишкова и Карамзина, традиций новгородской свободы, противостояния русских князей монгольским завоевателям, борьбы за сохранение государства в годы Смуты… Братья Глинки, безу-

словно, продукты эры просвещения, но в ее русской версии»[83]. Вместе с тем, акцент автора явно смещен в сторону феномена декабризма. Так, делая вывод, что «декабризм» в лице одной из ведущих своих фигур, имел корни более сложные, нежели единственно труды известнейших западноевропейских конституционалистов»[84], Уолкер не формулирует само собой напрашивающееся заключение о столь же неоднозначной природе, следуя его терминологии, «реакционной» мысли. Однако поднятая им проблема сложносоставности общественно-политических тенденций начала XIX в. и необходимости рассмотрения их как на фоне общеевропейского интеллектуального пространства, так и с учетом специфических российских условий и в свете взаимодействия друг с другом, заслуживает особого внимания вообще всех исследователей общественно-политической мысли начала XIX в.

Автором первого обобщающего исследования о русском консерватизме эпохи царствования Александра I стал американский историк А. Мартин[85]. Значительное место в его монографии отведено общественно-политической концепции С.Н. Глинки. Мартин предпринял попытку классифицировать взгляды представителей первой плеяды русских консерваторов и выделил три направления в рассматриваемом общественно-политическом течении: дворянский (Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин) и религиозный (А. Н. Голицын, Р.С. и А. С. Стурдзы) консерватизм и романтический национализм. К последнему он причислил А. С. Шишкова и С. Н. Глинку, указывая на их обращение к нетронутой влиянием Запада культуре простого народа как противоядию от «тлетворной» европеизации[86]. Обратившись к Глинке, Мартин привлек гораздо больший круг источников, нежели Л. Н. Киселева, но преимущественное внимание также уделил «Русскому вестнику» 1808-1812 гг., когда его консервативно-националистическая составляющая была выражена наиболее ярко. В частности, значительное место отведено отражению в журнале проблемы русской национальной самобытности, то есть оригинальных концепций общественного устройства, истории, языка и национального характера. В целом, трактовка Мартина схожа с точкой зрения Киселевой, но в его работе присутствует более четкая общественно-политическая привязка взглядов С. Н. Глинки и больший акцент на влияние западно-европейского просвещения и романтизма на их становление. Тот же подход обнаруживается и в ряде статей, написанных на основе его монографии[87].

В книге Р. Уортмана[88], вышедшей в 2004 г., исследуется символика придворных церемониалов русских государей, система трансляции создаваемых ими образов на общество и их восприятие последним. В каче-

стве одного из материалов привлечен и «Русский вестник» С.Н. Глинки и сформированный им образ Александра I.

Книга не могла быть написана без привлечения ряда обобщающих исследований, посвященных русскому консерватизму и национализму и персоналиям видных русских консерваторов. Наиболее значимыми для нас явились работы В. А. Твардовской, посвященные общественно-политическим взглядам М. Н. Каткова и Ф. М. Достоевского[89]; исследование Н.И. Цимбаева о славянофилах[90]; коллективная монография о русском консерватизме XIX в. В.Я. Гросула, Б.С. Итенберга, В.А. Твардовской, К.Ф. Шацилло и Р. Г. Эймонтовой[91]; исследование Ю.И. Кирьянова о правых партиях в России начала XX в.[92]; монография И.А. Христофорова о консерваторах периода Великих реформ[93]; исследование М.Д. Карпачева, посвященное общественно-политической мысли России пореформенной эпохи[94]; работа А. В. Репникова, рассматривающая консервативные концепции переустройства России[95]; книга В.Н. Шульгина о русском консерватизме первой половины XIX в.[96] Безусловно, особенно значимой для написания данного исследования оказалась вышедшая в 2011 г. монография А.Ю. Минакова «Русский консерватизм в первой четверти XIX века», которая раскрывает понятие и основные черты раннего русского консерватизма через призму деятельности консерваторов эпохи александровского царствования. Деятельность С.Н. Глинки в данной работе оказывается вписана в широкий исторический контекст.

Таким образом, современная историография признает за С.Н. Глинкой роль одного из ведущих идеологов раннего русского консерватизма, что делает необходимость создания обобщающего исследования о нем еще более настоятельной. В настоящий момент его жизнь, деятельность и общественно-политические взгляды изучены фрагментарно. К тому же долгое время исследователи пользовались весьма ограниченным кругом источников при поверхностном их анализе. Количество привлекаемых материалов и качество их обработки стали расти сравнительно недавно. Все же, остается не вовлеченным в научный оборот основной пласт архивных материалов, да и многие опубликованные труды С.Н. Глинки. Между тем, на их основе можно проанализировать ряд ярких, но до сих пор не исследованных вопросов.

Это, прежде всего, уточнение деталей генезиса консервативно-националистической концепции С.Н. Глинки, акцентирование внимания на ее российских корнях, то есть рассмотрение ее и как отражение российских реалий, порождение отечественной интеллектуальной мысли, а не только идей просвещения. Несмотря на кажущуюся изученность мате-

риалов «Русского вестника», ощущается необходимость в более детальном их рассмотрении и соответственно более качественном анализе и системном изложении концептуальной линии журнала. В уточнении нуждается общественно-политическая деятельность Глинки в 1812 г., а также анализ восприятия им Отечественной войны. Важным также видится выявление идеала российского политического развития, отраженного в «Русской истории» С.Н. Глинки, изучение его педагогических проектов 1810-1820-х гг., рассмотрение его взгляда на восточный вопрос во внешней политике России начала николаевского царствования, совершенно не изученного исследователями. Особого внимания заслуживает абсолютно не исследованная эволюция идейно-политических взглядов С.Н. Глинки в последние годы его жизни.

Источники. Комплекс источников, на основе которых написано данное исследование, можно разделить на две большие группы: неопубликованные (архивные) и опубликованные источники.

Для написания монографии были использованы архивные материалы из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), единственного архива, в котором существует личный фонд Сергея Николаевича Глинки; Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), где находится совместный фонд Федора Николаевича и Авдотьи Павловны Глинок; Рукописного отдела Института русской литературы и искусства – «Пушкинского дома» (РО ИРЛИ), где документы Глинки отложены преимущественно в фондах журнала «Русская старина». К исследованию были также привлечены фонды современников Глинки и исследователей, писавших о нем, этих же архивов. Большая часть использованных нами неопубликованных материалов впервые вводится в научный оборот.

Безусловно, наибольший интерес для нас представляли материалы единственного личного фонда С. Н. Глинки, и на его описании стоит остановиться поподробнее. Фонд включает в себя 29 единиц хранения, среди которых встречаются художественные, публицистические произведения С.Н. Глинки, его мемуары и переписка. Эти материалы представляли неодинаковый интерес для данного исследования. Так, оказались не столь значимыми такие единицы хранения, как рукопись 1844 г. «История России (отрывок об Иване IV)»[97]; рукопись 1840-х гг. «История России. Отрывки: 1. «Петр Великий, князь Я. Ф. Долгорукий и князь Владимир Долгорукий»; 2. «Екатерина II и Смоленск 1787 года»[98], так как она дублирует материалы Глинки, опубликованные им в «Русском чтении»[99]; по той же причине не была привлечена рукопись

1845 г. «Люди века Екатерины II»[100]; рукопись предположительно 1844 г. «История Древнего Рима (об императоре Веспасиане)»[101]; пять художественных рассказов, датированных 1835 г.[102]; рассказ, написанный в 1840-е гг. «Не все из денег, хотя деньги и камень долбят»[103]; рукопись тех же лет «Заметка богословского характера (об апостолах)»[104]; также относящиеся к 1840-м гг. очерки «Картины искусства и природы, Фивы и Омирова Илиада», «Слог библейский», «Очерк истории всемирной», «Мильтон, сочиняющий рай потерянный», «Сравнение Александра с Кесарем», «Взгляд на историю Римской державы и французские переводы»[105]; автограф Глинки, представляющий собой конспект книги Канфига «Европа при консуле и императоре Наполеоне» «Кутузов и русские в Германии 1805 года»[106]; рукопись начала XIX в. «О различных наименованиях Бога и о заблуждениях из того проистекших»[107]; автограф 1841 г. «Памятник Москве 1812 г.»[108], так как его содержание опять же совпадает с опубликованными сочинениями Глинки, посвященными Отечественной войне; рукопись на французском языке «Обзор событий, предшествовавших нашествию Наполеона в Россию и основных причин его отступления из Москвы»[109]. Однако изучение этих материалов также оказалось полезным, так как уточнило общие представления о Глинке, сфере его интересов, позволило понять его психологическое настроение в последние годы жизни. Кроме того, ряд единиц хранения фонда составили опубликованные материалы, например отрывки из «Записок» Глинки[110], печатавшиеся на страницах «Вестника Европы»[111] и «Современника»[112], сочинение Б. Федорова об С.Н. Глинке, речь о котором шла выше[113]. О материалах архива, привлеченных к исследованию, будет сказано ниже.

В группе архивных источников можно выделить ряд разновидностей: документы, содержащие сведения о Глинке биографического характера, мемуары, исторические и публицистические сочинения и статьи С.Н. Глинки, переписка, неопубликованные исследования о Глинке.

Краткие автобиографические сведения, начиная с 1795 г., содержатся в записке Глинки от 18 сентября 1830 г.[114] В ней для нас особенно полезной оказалась информация об общественно-политической деятельности в 1812 г.

При написании монографии нами был проработан комплекс черновиков «Записок» С. Н. Глинки, основной массив которых сохранился в фондах «Русской старины» РО ИРЛИ и частично в фондах ОР РНБ и РГАЛИ[115]. Анализ этих материалов показал, что «Записки» Сергея Николаевича Глинки были изданы достаточно небрежно и с купюрами. Вы-

резанные из «Записок» фрагменты были частично включены в данное исследование и позволили уточнить ряд фактов биографии Глинки, преимущественно в период его цензорства.

Значительно обогатить представления о жизни и деятельности С.Н. Глинки позволила его переписка. Особенно интересными оказались письмо С.Н. Глинки к П.А. Плетневу, в котором освещались годы его службы в гвардии[116]; письма С.Н. Глинки к Д.П. Руничу, позволившие уточнить представление о становлении его консервативно-националистических взглядов[117]; письмо Глинки к А.И. Михайловскому-Данилевскому от 31 января 1824 г., отражающее бедственное материальное положение С.Н. Глинки[118]. Письмо Глинки к А.В. Старчевскому освещает деятельность первого, направленную на поддержание «Русского вестника» в 1840-е гг.[119], а письма к Ф.Н. Глинке раскрывают бытовую сторону последних лет жизни С.Н. Глинки[120].

Большую ценность составляют неопубликованные сочинения С.Н. Глинки, написанные им на склоне лет: впервые введенная в научный оборот книга «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества»[121], статья «Взгляд на русскую народность в XVIII столетии»[122] и, также рассматривающиеся впервые, две главы исторического сочинения, посвященные крестьянскому вопросу в России[123]. Эти произведения позволили изучить ранее не привлекавшую внимания исследователей эволюцию взглядов С.Н. Глинки в последние годы его жизни.

К исследованию были привлечены и письма современников Глинки. Например, письмо к нему одного из членов «Беседы любителей русского слова» Д. И. Хвостова, с благодарностью за издание «Русского вестника»[124], письмо М. А. Максимовича к В. П. Гаевскому, в котором содержится информация о цензорстве Глинки[125].

При написании книги были использованы неопубликованные работы о С.Н. Глинке. Это статья о нем его сына Василия Сергеевича Глинки, ценная рядом биографических сведений[126]. Особняком стоит работа дореволюционного консервативного историка Ивана Васильевича Евдокимова «Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность)»[127], никогда прежде не вводившаяся в научный оборот и даже не упоминавшаяся ни в одном из исследований об С.Н. Глинке. Книга была обнаружена автором настоящей работы в фонде И.В. Евдокимова в РГАЛИ, и судя по прилагавшемуся к ней докладу явилась результатом двухлетних обстоятельных изысканий историка[128]. В книге содержится ряд интересных и прежде не встречавшихся автору монографии фактов биографии и оценок деятельности С.Н. Глинки. Например, сведения об утерянной главе «Записок»

Глинки, об использовании его воспоминаний о войне 1812 г. Л.Н. Толстым при написании романа «Война и мир», и др.

В группе опубликованных источников можно выделить мемуары С.Н. Глинки и его современников, сочинения различных жанров и публицистику Глинки, его переписку и переписку современников, в которой содержится информация о нем, сатирические произведения, отражающие восприятие творчества С. Н. Глинки некоторой частью общества.

Важным источником для написания всех глав диссертационного исследования явились «Записки» С. Н. Глинки. Как и всякая мемуарная литература, они субъективны. Их литературный стиль отличает пафос, патетика, многочисленные риторические отступления. Однако они не только сообщают биографические сведения об С. Н. Глинке до конца 1820-х гг., но и позволяют проследить эволюцию его идейно-политических воззрений, глубже раскрыть суть многих его сочинений, объяснить логику его поступков на разных этапах жизни.

«Записки» отрывочно стали публиковаться еще при жизни С. Н. Глинки: в журналах «Русский вестник»[129], «Современник»[130], в прибавлении к журналу Министерства Народного Просвещения[131]. В полном виде «Записки» были изданы «Русской стариной» в 1895 г.[132] Главы из «Записок» о детстве, кадетском корпусе и службе Глинки в гвардии были изданы в сборнике «Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания»[133]. В настоящем исследовании было использовано последнее полное издание «Записок»[134].

К жанру мемуаров относятся также «Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения»[135] и «Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года»[136]. Обе книги являются важным источником для освещения участия Глинки в московских событиях 1812 г. и оценки им исторического смысла Отечественной войны – сюжетов, которые мало привлекали внимание исследователей.

Важное значение для анализа становления консервативно-националистических взглядов С. Н. Глинки имеют его драматические произведения, написанные в период антинаполеоновских войн и послетильзитский период – «Сумбека, или Падение Казанского Царства»[137] и «Михаил, князь Черниговский»[138].

Собственно консервативно-националистическая концепция С.Н. Глинки в наиболее полном и развернутом виде была представлена на страницах журнала «Русский вестник», который он издавал в Москве с 1808 по 1824 г. До 1814 г. журнал выходил ежемесячно и 3 книги состав-

ляли часть. В 1814–15 гг. вышло по 15 номеров в год без разделения на части, в 1816 – 22 номера в 11 книжках, в 1817 – 24 номера в 12 книжках (журнал стал делиться на два отделения: 1) отечественные ведомости и иностранные известия; 2) русская история), в 1818 – 24 номера в 6 книжках (I - №№ 1-2; II - №№ 3-4; III - №№ 5-6; IV - №№ 7-14; V - №№ 15-20; VI - №№ 21-24; состоял из 2 отделений: 1) отечественные ведомости и иностранные известия; 2) семейное чтение), в 1819 – 24 номера в 7 книжках (I - №№ 1-4; II - №№ 5-8; III - №№ 9-10; IV - №№ 11-12; V - №№ 13-20; VI - №№ 21-22; VII - №№ 23-24; состоял из 2 отделений: 1) отечественные ведомости и иностранные известия; 2) новое детское чтение, или вечера доброго отца семейства), в 1820 – 11, в 1824 – 9 номеров. В настоящем исследовании особо пристальное внимание было уделено материалам журнала за 1808-1812 гг., когда идейно-политическая позиция издателя проявлялась особенно ярко и находила очень широкий отклик читающей публики.

Значительный интерес вызвала книга С. Н. Глинки «Зеркало нового Парижа от 1789 до 1809 года»[139], изданная в 1809 г. и являвшая собой концептуальное дополнение к «Русскому вестнику». Эта книга позволяет более глубоко раскрыть антилиберальный характер концепции С.Н. Глинки и его франкофобские воззрения.

Следующим важным источником для раскрытия общественно-политических и историософских взглядов С.Н. Глинки явилась «Русская история», претерпевшая несколько изданий: впервые она была частично опубликована на страницах «Русского вестника» в 1817 и 1818 гг.[140], а затем выдержала три отдельных издания: в 1817-1818 гг.[141] и 1818-1819 гг.[142] она вышла под названием «Русская история в пользу воспитания» в восьми частях, в 1823-1825 гг.[143] – под названием «Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой» в 14-ти частях. В настоящей работе использовались тома всех трех изданий.

Для написания последней главы настоящего исследования принципиальное значение имели сочинения С.Н. Глинки, касающиеся восточного направления внешней политики России начала николаевского царствования. Это книги «Поэма о нынешних происшествиях или воззвание к народам о единодушном восстании против турок. Сочинение Вольтера. Подражание Сергея Глинки»[144], «Обозрение внутренности Турции Европейской, почерпнутое из древних и новых писателей»,[145] «Картина историческая и политическая новой Греции»[146], «Картина историческая и политическая Порты Оттоманской, от начала существования поколения турецкого до взятия Константинополя и до падения греческой дер-

жавы, с присовокуплением о войнах турков со времени вторжения их в Европу до 1830 года»[147]; а также две работы, касающиеся проблемы армянских земель во внешней политике николаевской России - «Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи» и «Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении, почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою»[148]. Эти работы позволили осветить ранее не затрагивавшийся исследователями аспект – внешнеполитические взгляды С.Н. Глинки.

Значимую для нашего исследования информацию содержит опубликованная переписка С.Н. Глинки. Так, его письма к Г.Р. Державину[149] позволяют раскрыть цель издания «Русского вестника»; переписка с Аракчеевым выявляет интересный эпизод сотрудничества С.Н. Глинки и графа на первых порах издания упомянутого журнала[150]. Особый интерес представляют письма С.Н. Глинки последних лет его жизни, т.к. его «Записки» не доходят до этого времени. Например, письмо Глинки к К.А. Полевому объясняет причину его переезда из Москвы в Санкт-Петербург в начале 1830-х гг.[151], письмо к В.А. Жуковскому[152] помогает уточнить круг общения С.Н. Глинки в Петербурге, письма к К.С. Сербиновичу, Н.И. и А.Н. Гречам[153] позволяют осветить почти не упоминавшийся факт сотрудничества С.Н. Глинки в «Русском вестнике» 1840-х гг.

Труды современников С.Н. Глинки, касающиеся как его биографии, так и его деятельности, можно разделить на публицистику, мемуары, сатирические произведения и переписку.

Значительный интерес представляют адресованные издателю «Русского вестника» статьи П.И. Шаликова в издававшемся им журнале «Аглая»[154]. Вместе со статьями С.Н. Глинки, в которых он отвечал Шаликову, они составляют интересный эпизод полемики между сторонниками соответственно шишковистов и карамзинистов, впервые воспроизведенный в данном исследовании.

Специфическим отражением восприятия деятельности С.Н. Глинки либеральной общественностью являются сатирические поэмы К.Н. Батюшкова «Видение на брегах Леты»[155] и А.Ф. Воейкова «Дом сумасшедших»[156], которые оказались важны для написания второй главы исследования.

К исследованию нами были привлечены все опубликованные мемуары современников С.Н. Глинки. Невелики по объему, но характеристичны воспоминания поэта, писателя, декабриста Федора Николаевича

Глинки[157], касающиеся периода обучения его родного брата в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе и его деятельности в 1812 г. «Записки» В.И. Ярославского[158] освещают важный для биографии С.Н. Глинки, но мало интересовавший исследователей период его пребывания на Украине в должности учителя. Воспоминания Ф. Ф. Вигеля[159] оказались интересны, благодаря оценке издательской деятельности С.Н. Глинки. И.И. Лажечников, литературная деятельность которого началась на страницах «Русского вестника», оставил замечательное по своей живости описание пропагандистской работы С.Н. Глинки в 1812 г.[160] Обойдены вниманием исследователей оказались воспоминания А. Н. Корсакова[161]. Он обучался в Московском кадетском корпусе вместе с сыном С.Н. Глинки и запомнил занятия последнего с кадетами в кадетском театре.

Некоторые мемуары современников С.Н. Глинки освещают его жизнь и деятельность на протяжении всей или ряда лет его жизни. К таким материалам можно отнести воспоминания М.А. Дмитриева[162], рассказывающие о ряде ранних литературных сочинений С.Н. Глинки, его «Русском вестнике», «Русской истории», деятельности на посту цензора и прекрасно характеризующие его личностные качества. П.А. Вяземский оставил впечатления о Глинке в своей «Старой записной книжке»[163]. Однако особую ценность для нашего исследования представляет написанный им некролог С. Н. Глинки[164], содержащий, на наш взгляд, очень точные оценки личности, литературной, публицистической и общественно-политической деятельности фигуранта исследования. Воспоминания С.Т. Аксакова[165] содержат информацию о Глинке в 1812 г., в период содержания им пансиона для донцов и во время его работы в Московском цензурном комитете. Схожий круг вопросов освещают воспоминания К.А. Полевого[166].

Отражает оценку разных направлений деятельности С.Н. Глинки и позволяет очертить круг его общения переписка современников. Письма А.С. Шишкова[167], К.Ф. Калайдовича[168], М.П. Погодина[169] выражают их мнение о «Русском вестнике». Письмо П.А Вяземского к Д.Г. Бибикову[170] характеризует деятельность Глинки в 1812 г., а письмо Н.М. Карамзина к А.С. Шишкову[171] содержит высокую оценку историографом «Русской истории». Для написания четвертой главы настоящего исследования важное значение имели письма Карамзина к И.И. Дмитриеву[172] и самому Глинке[173], раскрывающие обстоятельства жизни последнего в середине 1820-х гг. Наконец, письмо П.А. Вяземского к Е.М. Хитровой[174] касается положения дел Глинки после потери им места цензора и свидетельствует о ходатайстве за него автора письма.

Использование широкого круга исторических источников и исследовательской литературы позволило полностью реконструировать факты биографии, идейно-политические взгляды и деятельность С.Н. Глинки.

Автор книги выражает глубокую благодарность за помощь в создании книги своему научному руководителю д.и.н. Аркадию Юрьевичу Минакову, а также искренне благодарит за ценные советы Михаила Дмитриевича Карпачева, Николая Ивановича Цимбаева, Максима Михайловича Шевченко и Вадима Суреновича Парсамова.

---

1 Федоров Б. М. Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки. СПб., 1844.
2 Там же. С. 3.
3 Там же. С. 11.
4 Божерянов И. Н. Сергей Николаевич Глинка // Рус. вестн. 1895. №. 3. С. 155-174.
5 Галахов А. Д. Историческая хрестоматия нового периода русской словесности. СПб., 1864. Т. 2 ; Галахов А. Д. Русская патриотическая литература. 1805-1812 // Филол. зап. 1867. Вып. I. С. 1-32 ; Богданович М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869 Т. 3 ; Попов А. И. Эпизоды из истории 1812 г. // Рус. арх. 1892.
6 Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. СПб., 1902. Т. 1. С. 201-220.
7 Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1908. 587 с.
8 Там же. С. 200.
9 Там же. С. 115.
10 Там же. С. 248.
11 Там же. С. 276.
12 Булич Н. Н. Указ. соч. С. 217.
13 Там же. С. 205.
14 Там же. С. 207.
15 Там же. С. 216-217.
16 Там же. С. 210.
17 Там же. С. 214.
18 Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество. 1812 -1912. М., 1911. Т. 2. С. 194-220.
19 Евдокимов И. В. Забытый патриот 1812 года // С.-Петерб. ведомости. 1912 г. 29 авг. № 195. С. 7-26.
20 Там же. С. 26.
21 Замотин И. И. «Русский вестник» Глинки // Отечественная война и русское общество. 1812-1912. М., 1911. Т. 5. С. 130-138.
22 Там же. С. 132.
23 Там же. С. 138.
24 Там же. С. 135.
25 Замотин И. И. Указ. соч. С. 138.
26 Сивков К. Глинка С. Н. // Русский биографический словарь. М., 1995. «Герберский – Гогенлоэ». С. 290-297.

27 См. например : Богданович М. И. Указ. соч. С. 75.
28 Божерянов И. Н. Указ. соч. С. 160.
29 Мельгунов С. Глинка Сергей Николаевич // Энциклопедический словарь Русского Библиографического института Гранат. Т. 15. Гирке-Город. С. 143-145.
30 Например : Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. М., 1978. С. 133-135.
31 Предтеченский А. В. Русский вестник С. Н. Глинки // А. В. Предтеченский. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 118-132. Статья датируется началом 30-х гг. XX в.
32 Там же. С. 121.
33 Там же. С. 131.
34 Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957. С. 232.
35 Дурылин С. Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 г. М., 1943.
36 Там же.С. 18.
37 Там же. С. 17.
38 Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 189, 225.
39 Там же. С. 188-189.
40 Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры : первая половина XIX века. М., 1975. С. 47.
41 Там же. С. 47-48.
42 Там же. С. 47, 53.
43 Там же. С. 49-50.
44 Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 222.
45 Акопян Э. А. Арменоведческие взгляды А. Н. Радищева и С. Н. Глинки // Литературные связи : исследования и материалы. Ереван, 1981. Т. 3. С. 93-125.
46 Глинка С. Н. Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи. Ч. 1-2. М.,1832-1833. Ч. 1. 1832. 273 с. ; Ч. 2. 1833. 294 с. Книга была переиздана Глинка С. Н. Обозрение истории армянского народа / [Арменовед. благотворит. о-во]. – [Репринт. воспроизведение изд. 1832 г.] – Ереван, 1990. 294 с. ; Глинка С. Н. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении, почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою. М., 1831. 142 с. Книга была переиздана Глинка С. Н. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. Почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою. Баку, 1990. 142 с.
47 Акопян Э. А. Указ. соч. С. 121, 125.
48 Киселева Л. Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и отечественной войной (1807-1812): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту, 1982. С. 1.
49 Там же. С. 8.
50 Киселева Л. Н. Система взглядов С. Н. Глинки (1807-1812) // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1981. Вып. 513. С. 52-72.
51 Киселева Л. Н. С. Н. Глинка и кадетский корпус (из истории «сентиментального воспитания» в России) // Там же. 1982. Вып. 604. С. 48-64.
52 Там же. С. 60.
53 Киселева Л. Н. Еще раз о С. Н. Глинке – читателе «Слова о полку Игореве» // Finitis duodecim lustris : сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллинн, 1982. С. 97-100.

54 Киселева Л. Н. К языковой позиции «старших архаистов» (С. Н. Глинка, Е. И. Станевич) // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1983. Вып. 620. С. 18-30.
55 Там же. С. 29.
56 Попов И. В. Преддекабристская публицистическая критика о патриотизме // Писатель и критика. XIX в. : межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1987. С. 3-27.
57 Там же. С. 4.
58 Там же. С. 5.
59 Там же. С. 8.
60 Минаков А. Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: главные направления и тенденции изучения // Отеч. история. 2005. № 6. С. 134.
61 Проскурин О. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 129-142.
62 Володина Т. А. Русская история С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // Вопр. истории. 2002. № 4. С. 147-161.
63 Там же. С. 160.
64 Володина Т. А. Сергей Николаевич Глинка // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 142-170.
65 Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф» : становление канона // Новое лит. обозрение. 2003. № 63.
66 Бокова В. М. Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX в. М., 2003. Т. 4. Общественная мысль. С. 17-152.
67 Цимбаев Н. И. Либералы сороковых годов // Там же. С. 164-196.
68 Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. 416 с.
69 Минаков А. Ю. Роль событий 1812 года в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005. С. 7-18.
70 Там же. С. 17.
71 Там же. С. 15-16.
72 Лупарева Н. Н., Минаков А. Ю. «Русский вестник» // Общественная мысль России XVIII-начала XX в. : Энциклопедия. М., 2005. С. 473-474 ; Минаков А. Ю. Глинка С. Н. // Там же. С. 109-110.
73 Велижев М. Об источниках «петровской» концепции С. Н. Глинки // Петр Великий. М., 2007. С. 34-67.
74 Лупарева Н.Н. Глинка Сергей Николаевич // Русский консерватизм середины XVIII-начала XX в. : Энциклопедия. М., 2010. С. 114-117; Лупарева Н.Н. «Русский вестник» // Русский консерватизм середины XVIII-начала XX в. : Энциклопедия. М., 2010. С. 418-420.
75 Мирзоев Е.Б. С.Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России. М., 2010. 164 с.
76 Там же. С. 68.
77 Там же. С. 101.
78 Там же. С. 119.
79 Там же. С. 124-132.
80 Walker F.A. Reaction and Radicalism in the Russia of Tsar Alexander I: The Case of the Brothers Glinka // Canadian Slavonic papers. 1979 (Dec.). Vol. 21, № 4. P. 399.
81 Ibid. P. 498.
82 Ibid. P. 501.
83 Ibid. P. 501-502.

84 Ibid. P. 399.
85 Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries : Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. 294 p.
86 Ibid. P. 5.
87 Мартин А. «Воспоминание» и «пророчество»: возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 85-102; Мартин А. «Россия есть Европейская держава…» : проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли эпохи Александра I (А.С. Шишков, С.Н. Глинка, А.С. Стурдза) // Консерватизм: История и современность. Исследования по консерватизму. Пермь, 1998. Вып. 5. Политика и культура в контексте истории. С. 14-22 ; Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С. Н. Глинки (1808-1812) // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 85-116.
88 Уортман Р. Сценарии власти : мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М., 2004. Т. 1. 605 с. ; Т. 2. 796с.
89 Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. 280 с. ; Твардовская В. А. Достоевский в общественной жизни России. М., 1990. 340 с.
90 Цимбаев Н. И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX в.) М., 1986. 274 с.
91 Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А., Шацилло К. Ф., Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. 400 с.
92 Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. М., 2001. 464 с.
93 Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (к. 1850-х – сер. 1870-х гг.) М., 2002. 441 с.
94 Карпачев М. Д. Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи // Очерки русской культуры XIX в. М., 2003. Т. 4. : Общественная мысль. С. 197-399.
95 Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. 520 с.
96 Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX в. СПб., 2009. 496с.
97 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 11. 1 л.
98 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 13. 8 л.
99 Русское Чтение, издаваемое Сергеем Глинкою. Вып. 1-4. СПб. Вып. 1. Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия. 1845. 74 с. ; Вып. 2. То же. 1845. 75-143 с. ; Вып. 3. То же. 1845. 144-256 с. ; Вып. 4. То же. 1845. 257-312 с.
100 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 14. 40 л.
101 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 19. 1 л.
102 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 20. 166 л.
103 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 21. 11 л.
104 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 22. 2 л.
105 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 23. 97 л.
106 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 24. 8 л.
107 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 26. 5 л.
108 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 238 л.
109 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 29. 66 л
110 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 9, 10.

111 Вестн. Европы. 1872. № 9. С. 239-263.
112 Современник. 1865. № 9. С. 217-231.
113 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 25.
114 Автобиографическая записка Глинки Сергея Николаевича. 18 сентября 1830 г. // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Е.х. 35. 5 л.
115 РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 653-669 ; ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 10. 51 л. ; РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Е.х. 300. 1830 г. 26 л.
116 РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Е.х. 159. 4 л.
117 ОР РНБ. Ф. 859. Н. К. Шильдер. К-34. №-39. Л. 115-116; РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. Л. 160-167.
118 РО ИРЛИ. Ф. 527. Е.х. 127. Л. 10-11.
119 РО ИРЛИ. Ф. 583. Е.х. 375. 5 л.
120 РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Е.х. 220. 12 писем на 21 л.
121 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. 1 янв. 1844 г. 212 л.
122 РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 671. Б/д. 24 л.
123 История России. Отрывки: Глава 1. О быте русских крестьян до Петра I и ответы о полагаемом новом состоянии русских крестьян. Глава 2. Временное прекращение Юрьева дня и торжественное возобновление царем Борисом Юрьева дня и вольности перехода крестьян // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 12. 1844 ? 32 л.
124 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 28. 2 л.
125 ОР РНБ. Ф. 171. Е.х. 171. 1854. 3 л.
126 Глинка Василий Сергеевич. Очерк жизни Сергея Николаевича Глинки // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 675. Б/д. 20 л.
127 РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. 237 л.
128 Статьи-доклады «Сергей Николаевич Глинка», «Pro domo sua» по поводу доклада о С. Н. Глинке. Черновая запись доклада о С. Н. Глинке // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 120. 1913. 26 л.
129 Рус. вестн. 1841. № 8. С. 428-434 ; 1842. № 7. С. 1-28 ; 1861. №№ 1-2 ; 1863. № 4. С. 793-819 ; 1865. № 7. С. 205-267 ; 1866. № 1. С. 231-271 ; № 2. С. 650-686 ; № 3. С. 103-141 ; № 5. С. 211-221 ; № 7. С. 30-47 ; 1867. № 12. С. 521-560.
130 Современник. 1844. Т. 34. С. 149-154 ; 1865. Т. 60. С. 217-232.
131 Прибавление к журналу Министерства Народного Просвещения. 1845. № 1. С. 3-28.
132 Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. 380 с.
133 Золотой век Екатерины Великой : Воспоминания. М., 1996. С. 19-165.
134 Глинка С. Н. Записки. М., 2004. 464 с.
135 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. 401 с.
136 Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года, с присовокуплением статей: 1) Александр I и Наполеон; 2) Наполеон и Москва. СПб., 1837. 370 с.
137 Глинка С. Н. Сумбека, или Падение Казанского Царства : трагедия в пяти действиях. М., 1806. 79 с.
138 Глинка С. Н. Михаил, князь Черниговский : трагедия в пяти действиях. М., 1808. 107 с.
139 Глинка С. Н. Зеркало нового Парижа, от 1789 до 1809 г. Ч. 1-2. М., 1809. Ч. 1. 147 с. ; Ч. 2. 173 с.
140 См. роспись номеров «Рус. вестн.» в : Колюпанов Н. Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. I, кн. 2. С. 401-406.

141 Русская история в пользу воспитания, сочиненная Сергеем Глинкою. Ч. 1-8. М., 1817-1818. Ч. 1. 1817. 161 с. ; Ч. 2. 1817. 186 с. ; Ч. 3. 1817. 166 с. ; Ч. 4. 1817. 160 с. ; Ч. 5. 1817. 186 с. ; Ч. 6. 1818. 167 с. ; Ч. 7. 1818. 296 с. ; Ч. 8. 1818. 351 с.

142 Русская история в пользу воспитания, сочиненная Сергеем Глинкою. Ч. 1-8. М., 1818-1819. Ч. 1-2. 1818. 404 с. ; Ч. 3-4. 1818. 331 с. ; Ч. 5. 1818. 186 с. ; Ч. 6. 1818. 166 с. ; Ч. 7. 1819. 324 с. ; Ч. 8. 1819. 352 с.

143 Русская история, сочиненная Сергеем Глинкою. Ч. 1-14. М., 1823-1825. Ч. 1. 1823. 228 с. ; Ч. 2. 1823. 228 с. ; Ч. 3. 1823. 185 с. ; Ч. 4. 1823. 173 с. ; Ч. 5. 1823. 215 с. ; Ч. 6. 1823. 203 с. ; Ч. 7. 1823. 231 с. ; Ч. 8. 1823. 208 с. ; Ч. 9. 1823. 263 с. ; Ч. 10. 1823. 194 с. ; Ч. 11. 1824. 258 с. ; Ч. 12. 1824. 221 с. ; Ч. 13. 1824. 225 с. ; Ч. 14. 1825. 103 с.

144 Глинка С. Н. Поэма о нынешних происшествиях или воззвание к народам о единодушном восстании против турок. Сочинение Вольтера. Подражание Сергея Глинки. С историческими примечаниями сочинителя и подражателя. М., 1828. 30 отд. л. Книга была запрещена к печати цензурой.

145 Глинка С. Н. Обозрение внутренности Турции Европейской, почерпнутое из древних и новых писателей. С присовокуплением 12-ти картинок, изображающих окрестности Константинополя, древние и новые памятники зодчества, находящихся в стенах его. М., 1829. 94 с.

146 Глинка С. Н. Картина историческая и политическая новой Греции. М., 1829. 127 с.

147 Глинка С. Н. Картина историческая и политическая Порты Оттоманской, от начала существования поколения турецкого до взятия Константинополя и до падения греческой державы, с присовокуплением о войнах турков со времени вторжения их в Европу до 1830 года. М., 1830. 308 с.

148 Глинка С. Н. Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи. Ч. 1-2. М.,1832-1833. Ч. 1. 1832. 273 с. ; Ч. 2. 1833. 294 с. Книга была переиздана Глинка С. Н. Обозрение истории армянского народа / [Арменовед. благотворит. о-во]. – [Репринт. воспроизведение изд. 1832 г.] – Ереван, 1990. 294 с.; Глинка С. Н. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении, почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою. М., 1831. 142 с. Книга была переиздана Глинка С. Н. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. Почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою. Баку, 1990. 142 с.

149 Письмо Глинки С. Н. к Державину Г. Р. 21 марта 1807 г. // Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1876. Т. 6. С. 201-203 ; Письмо Глинки С. Н. к Державину Г. Р. 8 мая 1807 г. // Там же. С. 203-204.

150 Сергей Глинка – графу Аракчееву. 30-го марта 1808 г. Москва // Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. Пб., 1883. С. 6 ; Сергей Глинка – графу Аракчееву. 31 апреля 1808. Москва // Там же. С. 7-8.

151 Письмо Сергея Николаевича Глинки // Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., 1888. С. 352-353.

152 Письмо Глинки С. Н. к Жуковскому В. А. С.-Петербург, 1844, 15 сент. // Рус. арх. 1899. № 5. С. 90-91.

153 Письмо Глинки С. Н. Сербиновичу К. С. 18 февр. 1840 г. // Рус. старина. 1895. № 2. С. 222 ; Письмо Глинки С. Н. Гречу Н. И. 24 июля 1841 г. // Рус. арх. 1869. С. 605-606; Глинка С. Н. – Гречу А. Н. 13 окт. 1842 // Вестн. всемир. истории. 1900. № 6. С. 86-87.

154 О Русском вестнике // Аглая, издаваемая П. И. Шаликовым. 1808. Ч. 2. Кн. 1. Апрель. С. 56-60; К издателю Русского вестника // Там же. Ч. 3. Кн. 2. Август. С. 45-60 ; Скромное благодеяние // Там же. 1809. Ч. 3. Кн. 2. Ноябрь. С. 38-41.

155 Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.: Л., 1964. С. 98.
156 Цит. по : Поэты 1790-1810-х годов. Л., 1971. С. 297.
157 Глинка Ф. Н. Взгляд на прошедшее // Москвитянин. 1846. № 2. С. 37-38 ; Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 23.
158 В. И. Ярославский. Записки // Киев. старина. Т. 19. Сент. 1887. С. 109-152.
159 Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 кн. М., 2003. Кн. 1. 608 с. ; Кн. 2. 752 с.
160 Лажечников И. И. Новобранец 1812 года (Из моих памятных записок) // Собр. соч. И. И. Лажечникова: в 8 т. СПб., 1858. Т. 7. С. 270-272.
161 Корсаков А. Н. Воспоминания московского кадета // Рус. арх. 1879. Кн. 2. № 7. С. 304-326.
162 Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М, 1869. 297 с.
163 Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813-1877. М., 2003. 960 с.
164 Вяземский П. А. Глинка Сергей Николаевич // Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 435-446.
165 Аксаков С. Т. Литературные и театральные воспоминания (1812-1826) // Собр. соч. Т. 3. М., 1996. 5-142.
166 Полевой К. А. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Полевой Н. А. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. Л., 1934. С. 250-258.
167 Письмо Шишкова А. С. к Бардовскому Я. И. от 19 июля 1811 г. // Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. С. 318-321.
168 Письмо Калайдовича К. Ф. к Глинке С. Н. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 0177 примечаний.
169 Письмо Погодина М. П. к Глинке С. Н. // Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 34.
170 Письмо Вяземского П. А. к Бибикову Д. Г. // Рус. арх. 1899. № 5. С. 87-88.
171 Письмо Карамзина к Шишкову о Глинке // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 2. С. 399-400.
172 Карамзина к Дмитриеву. 10 февр. 1825 г. // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 2. С. 400.
173 Письмо Карамзина к Глинке // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 2. С. 400; Письмо Карамзина Н. М. к Глинке С.Н. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 441.
174 Письмо Вяземского П. А. к Хитровой Е. М. // Рус. арх. 1899. № 5. С. 83-87.

ГЛАВА I. СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ГЛИНКИ

§ 1. Детство Сергея Николаевича Глинки. Обучение в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе.

Сергей Николаевич Глинка родился 5 июля 1775 (по надгробной надписи) или 1776 г. (по его «Запискам»)[1] в небогатой дворянской семье, в с. Сутоки Духовщинского уезда Смоленской губернии. Род Глинок был старинный. Отдаленные предки Глинки были поляками. Во второй половине XIV в. они уже носили фамилию Глинок, по названию их поместья в Польше – Глинки, и подписывались Глинка из Глинок (Glinka de Glinki). В 1631 г. петроковским коронным трибуналом род Глинок герба Тржаска был признан древним дворянским, а немного раньше польский король Сигизмунд и его сын Владислав IV пожаловали Глинкам за какие-то особые заслуги перед Речью Посполитой поместья в Смоленской области. Когда при царе Алексее Михайловиче в 1654 г. Смоленская область отошла к России «на веки вечные», то Викторин Владислав Глинка, живший в пожалованном ему имении, принужден был для сохранения своих имуществ перейти из католичества в православие и сделаться русским подданным. Глинка перекрестился и стал зваться Яковом Яковлевичем. В 1655 г. от царя Алексея Михайловича он получил жалованные грамоты на новые поместья, а его потомки за службы государству не переставали пользоваться благоволением и милостями от следующих русских государей. В XVIII в. Глинки были уже «совершенно русскими» дворянами[2].

Сведений о раннем детстве С.Н. Глинки, проведенном в родительском доме, немного. В своих мемуарах рассказу о семье и родителях он отвел очень скромное место. Об отце Глинки, Николае Ильиче, известно лишь то, что в молодости он служил в гвардии, вышел в отставку в звании капитана и поселился в деревне, где стал заниматься сельским хозяйством. По словам Глинки, его отец был «примерным хозяином», «жил без спеси и без чванства, в мире с самим собой и со всеми»[3]. Мать Глинки, Анна Яковлевна, урожденная Каховская, была женщиной чувствительной, набожной и сердобольной: «Вдовы и сироты называли ее матерью.

Со страдальцами делилась слезами, а с бедными тем, что Бог посылал в избытках домашних. Была она и примерной хозяйкой. Все Сутокское славилось в Смоленске и отправлялось в Петербург»[4]. Помимо Сергея, в семье было еще шесть сыновей – Егор, Василий, Иван, Николай, Григорий, Федор[5] - и дочь Варвара. Видимо, семья имела скромный достаток и жила типичным для провинциальных дворян средней руки укладом, хотя в «Записках» Глинки описание быта отеческого поместья максимально приближено к сентиментальному идеалу «природного» образа жизни: «Алчная роскошь не отделяла еще тогда резкими чертами помещиков от почтенных питателей рода человеческого…, то есть от крестьян. Кроме губернского мундира, одежда будничная и праздничная почти вся была домашнего изделия. Таратайка или одноколка заменяла щегольскую и великолепную карету. Домоводство цвело изобилием, под животворным надзором хозяйским. Упитанные сельские тельцы не уступали яствам героев Омировских. Вместо часто поддельного Клико в круговых чашах Оссиановских кипел родной мед и липец, а вместо пунша ароматного подносили варенуху»[6]. Количество крепостных крестьян, судя по черновикам «Записок», не превышало 200 душ[7].

Столь же скромным был интеллектуальный уровень семьи. Характерно упоминание С.Н. Глинки о том, что «кроме некоторых духовных книг, у нас, сколько помню, вовсе не было книг»[8]. Маленького Сережу начали учить на пятом году. Его первым учителем был его дядя, майор и масон Николай Петрович Лебедев, которого Глинка характеризует как человека строгой чести и прекрасно образованного[9] и который, вероятно, оказал определенное влияние на первоначальное развитие племянника. За довольно короткий период времени он научил племянника бегло читать и неплохо писать. Затем Глинка перешел под надзор «дядьки» Иоганна, полунемца-полурусского. Последний, судя по «Запискам», мало думал об обучении воспитанника и только присматривал за ним[10]. Как видно, домашнее образование не носило систематического характера, но мальчика готовили к поступлению в одно из самых престижных в то время учебных заведений – Сухопутный Шляхетный кадетский корпус в Санкт-Петербурге.

История зачисления Глинки в это учебное заведение – отдельный интересный эпизод. В июне 1781 г. на обратном пути из Белоруссии в Петербург через деревню Глинок Холм проезжала Екатерина II. На перемене лошадей вся семья устроила ей сельское угощение. Николай Ильич в то время был капитан-исправником в Духовщинском уезде, и в знак благоволения за исправное исполнение служебных обязанностей импе-

ратрица собственноручно записала трех его сыновей в кадетские корпуса - Сухопутный шляхетный и Пажеский. Посещение Екатерины со временем превратилось в семейное предание, которое Глинка выделил в небольшую, но отдельную главу своих воспоминаний[11]. Ее содержание прекрасно передает чувства верноподданичества и пиетета к монархине и государственной власти, которыми жила семья и которые не могли не отразиться на личности С. Н. Глинки. Через год после посещения императрицы мальчика отправили в Санкт-Петербург.

«Старинный кадет, мечтатель отжившего XVIII столетия» - такова автохарактеристика Глинки[12]. С точки зрения Л. Н. Киселевой, С. Н. Глинка находился «внутри» воспитательной системы кадетского корпуса и был проникнут ее логикой даже в момент написания своих мемуаров[13]. Это утверждение можно считать небезосновательным хотя бы потому, что в стенах корпуса, изолированный от живого течения жизни, Глинка провел решающие для личностного формирования годы - с шести до 19 лет (1782-1795 гг.). Поэтому нам кажется вполне обоснованным пристальное внимание к этой странице его биографии.

Основанный в 1732 г. и долгое время являвшийся центральным в стране учебным заведением, Сухопутный Шляхетный кадетский корпус был подвергнут коренной реорганизации в к. 1760 – нач. 1770-х гг. в связи с предпринятой правительством попыткой реформирования российского образования[14]. Ее организатором и активным проводником в жизнь стал общественный деятель и педагог И. И. Бецкий. Его педагогическая теория оформилась под влиянием взглядов европейских мыслителей (Дж. Локка, Я. А. Коменского), в частности французских философов-энциклопедистов, с некоторыми из которых (Ф.-М. А. де Вольтером, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо) он был лично знаком. Сообразно с характерным для просветительской педагогики критическим отношением к действительности и представлением о необходимости изменить ее, новая школа должна была изолировать воспитанников от «пагубного» влияния окружающей среды и создать «новую породу» людей в России. Приоритет отдавался не столько наукам и художествам, сколько воспитанию. При этом религиозное воспитание было сведено к минимуму и ограничивалось изучением Закона Божиего. Бецкий провозглашал идеалы гуманитарного образования, порицал методы насилия и принуждения по отношению к учащимся. Исходя из теории «естественного человека», он считал, что задачи воспитания должны ограничиваться наблюдением и уходом за всеми самобытными, оригинальными склонностями каждого воспитанника. Бецкий полагал, что дети по природе своей не злы, источник же их

злонравия объяснял дурным жизненным опытом, а душу ребенка сравнивал с мягким воском, из которого можно вылепливать самые разнообразные формы. Сообразно с масонской философией, Бецкий воспринимал воспитанника как необработанный материал, которому в руках педагога предстоит получить огранку. Эта теория нашла отражение в двух программных документах – «Генеральном учреждении о воспитании юношества обоего пола» (1764) и обновленном «Уставе» (1766) Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса, генерал-директором которого И. И. Бецкий являлся в 1766-1773 гг.[15]

Почти треть «Записок» С. Н. Глинки посвящена воспоминаниям о кадетском корпусе, и это самые яркие и полные мемуары из всех, оставленных его воспитанниками. С особым восторгом он пишет о графе Ф. Е. Ангальте, годы директорства которого – 1786-1794, – по общему признанию современников, стали «золотым веком» в истории корпуса. Граф Ф. Е. Ангальт (Фридрих Август), четвертый сын наследного принца Вильгельма Густава, родной внук знаменитого полководца Леопольда I и родственник императрицы Екатерины II в третьем колене, будучи генерал-лейтенантом саксонской службы, перешел в 1783 г. на русскую службу и приобрел почетную известность как сподвижник Екатерины II на педагогическом поприще[16]. Будучи глубоко проникнут идеями просветительской педагогики[17], он как нельзя лучше подходил на роль реализатора воспитательной теории И. И. Бецкого.

По словам Глинки в лице графа Ангальта в корпус вступил «и начальник, и отец, и наставник»[18]. Роль «отца», центральная и связующая в этой триаде, была сознательно выбрана графом и отражает влияние на него просветительской философии. Именно в рамках французской просветительской литературы в качестве оптимальной основы для семейного, а шире – общественного и политического руководства, была сформулирована такая модель взаимоотношений между руководителем и подданными, в которой первый выступал как добрый, заботливый отец, а вторые – как благодарные, послушные дети[19]. Поведение графа Ангальта полностью соответствовало этому образцу. Будучи генерал-адъютантом, он имел немало придворных обязанностей, однако они не мешали ему ежедневно посещать корпус, невзирая на капризы петербургского климата[20]. Описывая его общение с кадетами, Глинка прибегает к таким терминам, как «отеческая забота», «терпение», «кротость», «голос любви»[21]. Эта система взаимоотношений закреплялась соответствующей фразеологией. «Любезные дети» - обычное обращение графа к кадетам[22]. Оторванные от своих семей и лишенные родительского тепла, воспитанники отвечали

ему такой же любовью. Вот надпись кадета С.Н. Глинки к портрету графа Ангальта:

Как нежный он отец
Кадет всегда любя,
Был Титом для других,
Катоном для себя[23].

Педагогическое кредо графа ярко иллюстрирует следующее высказывание: «Воспитание есть наставница кроткая, вкрадывающаяся в сердца: она неприятельница насилия и принуждения. Сия матерь нежная любит действовать силою одного убеждения; уста ея всегда произносят только то, что прилично рассудку и истине – словом, она облегчает путь к добродетели, делая ее любезною»[24]. Следуя этому принципу, граф создал в корпусе атмосферу толерантности, уважения к мнению каждого воспитанника, а процесс воспитания и обучения постарался сделать легким и «ненавязчивым». Так, окружавшую корпус стену он приспособил для записи нравственных изречений, дат исторических событий, статистических данных и общих сведений, которые, с его точки зрения было необходимо запомнить. Эта стена была названа «говорящей»[25]. Ее дополняла рекреационная зала, где помещались словари, справочные издания (например, знаменитая Энциклопедия), модели, чертежи, карты и таблицы с различными сведениями и нравоучительными афоризмами. Все свое время в корпусе граф Ангальт посвящал прогулкам с кадетами, и каждая такая прогулка «была или историческим, или нравственным уроком. Передав говорящей стене какое-нибудь изречение, он всегда прибавлял к нему свои замечания»[26]. В беседах с кадетами граф Ангальт воспитывал в них способность к размышлению и высказыванию своего мнения. Заполнявшие стену и залу высказывания он издал в виде двух брошюр – «Говорящая стена» (1790 г.) и «Рекреационная зала» (1791 г.), в которых отразилась его система взглядов. В ней нет места политической проблематике, эти две книжечки, по сути, представляют собой своеобразный морально-этический кодекс, который, вероятно, должен был стать путеводителем его воспитанников во взрослой жизни. Не случайно по окончании корпуса обе эти брошюры в подарок получал каждый кадет[27]. С. Н. Глинка был единственным учеником Ангальта, кто в 1829 г. переиздал обе его книжки под названием «Искусство учиться прогуливаясь, или ручная энциклопедия для воспитания, составленная графом Ангальтом». Ее содержание в совокупности с «Записками» позволяет реконструировать основу философии графа Ангальта.

В центре этой философии – человек и филантропия. Одна из надписей «говорящей» стены гласила: «О братия! Мы все вместе отправляемся в

путь: одни на север, другие на юг, на восток. Нам нужны и различные одежды и различные запасы жизненные, - но по душе и по сердцу мы все дети одного семейства, а вождь и отец его, дав нам различные блага, вложил в душу и в сердце нераздельную любовь к человечеству. Солнце освещает мир вещественный, а любовь освещает мир нравственный, мир человечества»[28]. Здесь также проявляется важный лейтмотив учения Ангальта – человечество как семья, равенство всех людей перед Творцом при врожденном неравенстве их качеств. Более глубокое осмысление эти темы получают в так называемой «Восточной сказке»: «Однажды, обремененный мрачными мыслями и обозря все состояния очами недовольными, я погрузился сперва в задумчивость, а наконец в глубокую дремоту: дивное представилось мне сновидение. Мне казалось, что какою-то необычайною силою перенесся я из уединения моего в отдаленные пределы от бурных волнений земного мира… Внезапно небо послало мне дар разумения наречия пернатых… со свода лазурного спустился призрак или видение… и дух произнес сии слова: «Внемлите, что повелело мне возвестить вам Вышнее Существо! Вы равны достоинствами но не сходны качествами, ибо вы назначены к различным должностям. Орел рожден для войны, крик его, выражающий силу, не может быть приятен. Сова не ловила бы под завесою ночи насекомых и пресмыкающихся, если б очи ея переносили блеск солнечный. Соловей и малиновка, одаренные сладостным и легким пением, наделены для того и нежными орудиями голоса… Будьте тем, чем вы сотворены; живите, наслаждайтесь, отриньте ропот и кичение. Наблюдайте различныя свои племена, а не недостатки»[29]. Суть этой повести сводится к следующим важным положениям: природное неравенство людей предопределяет строго иерархическое мироустройство, в котором каждому человеку отведено место, соответствующее его способностям и возможностям. Но это внешнее социальное неравенство людей отступает на второй план перед главным равенством людей по достоинству. «Достоинство, а не порода, не богатство, не степени блистательные составляют человека; прах поднимаемый ветром, все прах, а алмаз и в пыли не теряет цены своей. Истинная слава подруга истинного достоинства»[30]. Отсюда закономерно неприятие графом сословных предрассудков и воспитание в кадетах уважения к считавшимся неблагородными сословиям, прежде всего, к крестьянам: «Любезные друзья, в какой бы вы ни были службе, какие бы степени ни занимали, уважайте всегда труды земледельцев: они питают ваше отечество!»[31]. Интерес к народной тематике проявлялся и в другом важном аспекте. Значительную часть брошюр Ангальта занимали русские народные пословицы[32], с помощью

которых, вероятно, под влиянием европейских романтиков, он пытался ознакомить кадетов с национальной культурой, традициями и нравственностью[33].

В тексте брошюр интересным кажется редкое обращение к религиозной тематике. Л. Н. Киселева говорит о деистическом, в духе Руссо, характере рассуждений, что вообще вписывалось в аморфную в религиозном плане атмосферу корпуса. Иллюстрацией может служить эпизод из «Записок»: во время изучения кадетами катехизиса инспектор корпуса Фромандье принес «Задига» Вольтера и заставил иеродиакона прочитать главу о пустыннике, «в которой Вольтер так разительно представил пути Провидения»[34].

Наконец, то общее, что объединяло материалы обеих брошюр, – это этика нравственного самоанализа и самосовершенствования, трудолюбия, терпения и добронравия.

Закономерно, что при графе Ангальте в корпус вошло увлечение античностью, и он сам преподавал кадетам греческую и римскую историю, где культ личного достоинства и добродетели человека достиг своей вершины. Как вспоминал Глинка, «граф не пускался в разбор критический, а наставлял примерами и нравственными замечаниями»[35]. Кадет окружала соответствующая символика; так, рекреационная зала была уставлена статуями и изображениями богов и героев античности[36]. «Голос добродетелей древнего Рима, голос Цинциннатов и Катонов громко откликался в пылких и юных душах кадет»[37] и, как справедливо отметила Л. Н. Киселева, прочно связывался в их сознании с идеалами гражданственности, свободомыслия и республиканизма[38]. Так, С. Н. Глинка писал: «Древний Рим стал и моим кумиром. Не знал я под каким живу правлением, но знал, что вольность была душой римлян. Не ведал я ничего о состоянии русских крестьян, но читал, что в Риме и диктаторов выбирали от сохи и плуга. Не понимал я различия русских сословий, но знал, что имя римского гражданина стояло почти на чреде полубогов. Исполинский призрак древнего Рима заслонял от нас родную страну - и в России мы как будто видели и знали одну Екатерину»[39].

Таким образом, в учении Ангальта присутствовали идеологемы, опасные с политической точки зрения, и позже проявившие себя во французском революционном движении – нравственная чистота простонародья и героев античности. Потому вполне обоснованным выглядит заявление А. Мартина о том, что в случае с С.Н. Глинкой общность истоков русского консерватизма и французской революции наиболее очевидна: «Подобно Робеспьеру и Камиллу Демулену в их лицее десятилетием ранее,

Глинка был взращен на героической греческой и римской истории, на сентиментальном морализме и аморфном эгалитаризме Руссо и его последователей»[40].

Закономерно, что знакомство с античностью осуществлялось также посредством произведений французских философов-просветителей XVIII столетия. В черновиках «Записок» Глинка рассказывает о постановке в корпусном театре трагедий Вольтера «Брут» и «Смерть Кесаря». Причем его восторг и трепет вызывают следующие слова:

Что нужды римлянам,
Что нужды в том вселенной,
Что Кесарь покорит еще себе рабов?
Нет! Не хотим влачить позорных мы оков!
Свобода нам нужна…[41]

Вообще, влияние французской культуры в корпусе, где почти все преподаватели были французы и общение велось большей частью на французском языке[42], было очень велико. Так, Глинка вспоминает, что учитель французской риторики Аллер внушал кадетам «раболепное благоговение к французскому театру»[43], что даже Кампе они читали во французском переводе[44], и хоры в честь Екатерины II пели не русские, а французские[45]. И Глинка, «полюбив страстно французский язык», «затеял уверять, будто бы родился во Франции, а не в России»[46].

Еще одной приметой корпуса ангальтовских времен была свобода в отношении круга чтения кадет. Наиболее интересен факт наличия в нем запрещенных книг с явным антимонархическим содержанием: «Вадим, князь Новгородский», «Горе моему отечеству» Я. Б. Княжнина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, не говоря уже об обилии книг европейских просветителей, среди которых был и запрещенный Екатериной II роман Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании», бывший одним из основных источников устава корпуса 1766 г.[47]

Исходя из принципа «незнание существующего увлекает ум в потемки»[48], граф Ангальт стремился знакомить кадет с современными политическими событиями. В центре рекреационной залы был установлен стол с ежемесячными русскими изданиями: «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий» И.А. Крылова и А.И. Клушина, «Академические известия» и «Московский журнал» Н.М. Карамзина. Годы директорства Ангальта совпали с кульминационными событиями французской революции. По словам Глинки, граф никогда не произносил даже слова «революция»[49], но посреди той же залы был поставлен стол и с заграничными периодическими изданиями. «В корпусе, а не по выходе из него узнал я о всех

лицах, действовавших тогда на обширном европейском театре»[50], - писал С.Н. Глинка. Безусловно, эти новшества не могли понравиться официальному Петербургу, и довольно скоро граф Ангальт оказался в немилости у императрицы.

Воспитательная система графа Ангальта на деле оборачивалась неподготовленностью его воспитанников к жизни вне стен корпуса. Он пытался воспитать в них ответственных, законопослушных граждан, но в европейском понимании этого слова, то есть носителями качеств, очень сложно вписывающихся в менталитет той социальной среды, в которой им предстояло жить и трудиться. Потенциально опасным с политической точки зрения было соседство культивировавшегося в корпусе уважения к личности крестьянина и читавшегося кадетами «Путешествия из Петербурга в Москву». А завладевший кадетами героический пафос античности мог обернуться сомнительными политическими симпатиями. Так, Глинка вспоминал: «С отплытием Наполеона к берегам Египта, мы следили за подвигами нового Кесаря; мы думали его славой; его славой расцветала для нас новая жизнь. Верх желаний наших было тогда, чтобы в числе простых рядовых находиться под его знаменами. Но не одни мы так думали и не одни к этому стремились. Кто от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом»[51]. Более того, еще в корпусе Глинка перевел на русский язык «Марсельезу», текст которой получил от учителя французского языка Паша, доставлявшего кадетам сведения о французской революции после смерти графа Ангальта[52].

О силе воздействия образовательной системы Ангальта на Глинку свидетельствует сам тон его воспоминаний. Мемуары других воспитанников отличаются либо просто доброжелательностью, либо скептическим и даже критическим отношением. Воспоминания же Глинки не просто апологетичны, они по ходу всего повествования полемизируют с бытовавшим среди его современников критическим отношением к воспитательной системе Ангальта, которую прекрасно отразил его родной брат Ф.Н. Глинка: «Ангальтову систему воспитания порицали и не без основания. Метода Ангальта превращала корпус в какую-то нравственную оранжерею. Отделенные своею стеной от мира гражданского, питомцы науки и теории оставались, за этою стеною, безвыходно около двух десятилетий. ... вынося из своего уединения избыток чувствительности, доброты, часто простодушной до забавного, и романтическую наклонность к мечтам, они, несмотря на всю роскошь своего воспитания, долго не могли сделаться деловыми, годными работниками в огромной рабочей камере общественного быта»[53]. В тексте Глинки есть прямой ответ на этот выпад:

«Предложу несколько слов о предубеждении, которое и до сих пор еще существует на счет хода учения при графе Ангальте. Полагают, будто бы оно поселяло в умы наши какую-то изнеженность, отвращавшую от работ и трудов обыкновенной службы. Отвечаю на это примерами… Покойный граф Толь дослужился до всех военных почестей, кроме фельдмаршала; сенатор Полетика достиг также всех почестей и продолжает службу; П.П. Турчанинов служил постоянно и умер генерал-лейтенантом…»[54] и т.д. Но не раз в «Записках» встречаются рассказы «о кадетах, из которых одни были ограблены плутовством карточным, а другие, не стерпя пронырливых подысков, угасли на заре жизни»[55]. Биография самого С.Н. Глинки слишком совпадала с характеристикой брата, и в момент написания своих мемуаров он признавался, что «едва на западе жизни спохватился поразмыслить о действительности жизни»[56].

Уже в корпусе Глинка увлекся словесностью. По его собственным воспоминаниям, страсть к чтению «мучила» его, потому, в соответствии с принципом индивидуального подхода к каждому воспитаннику, он был назначен библиотекарем[57]. Тогда же он начал писать собственные сочинения, тематика которых позволяет говорить о том, что ряд проблем, интересовавших его на протяжении всей жизни, оформился именно в корпусе. Так, Глинка писал записки относительно вопросов воспитания[58]. Одной из его «книжных попыток» стал «Новый Жилблаз», написанный целой группой кадет. Из названия видно, что это было подражание сатирическому роману французского автора Алена Рене Лесажа «История Жиль Блаза из Сантильяны» (1715-1735). Видимо, книга также отличалась едким сатирическим содержанием, в пользу чего говорит тот факт, что корпусное начальство «пожурило» и «погоняло» авторов, а «Новый Жилблаз» пошел в огонь»[59]. Тогда же проявилось внимание и стремление Глинки отозваться на важнейшие политические события, и, «увлекаясь порывом воображения», он сочинил «стихи на тогдашние военные действия республиканского оружия, прибавя к тому и мысли мои о новой нашей борьбе в Польше»[60]. Стихи касались деликатных вопросов и, очевидно, были слишком смелые, о чем свидетельствует неодобрительная оценка Г. Р. Державина[61], которому их показал служивший в корпусе поручиком будущий известный драматург В. А. Озеров. Но эклектичное сознание Глинки наряду с вольнодумными рождало вполне официозные произведения. В 1794 г. было издано его первое печатное произведение «Песнь Великой Екатерине». Оно было написано по совету отца в изъявление благодарности за оказанные их семье благодеяния и напечатано в корпусной типографии[62]. Несмотря на упоминание в «Записках»[63], лишь один

исследователь И.В. Евдокимов указал на еще одну книгу[64], написанную Глинкой совместно с офицером Безаком, и изданную еще в бытность его в корпусе, - «Описание столичного города Санкт-Петербурга»[65]. В том же 1794 г., прослушав на экзамене по русской словесности сочинение Глинки, Кутузов вынес ему пророческий приговор: «Нет, брат! Ты не будешь служить, ты будешь писателем!»[66].

Годы, проведенные в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе, не обогатили С. Н. Глинку систематическими знаниями, но под влиянием властвовавшей в нем идеологии просвещения формировались основы его мировоззрения. Видимо, здесь в основном сложились патриархальные представления об общественном устройстве. Влиянием корпусного образования можно объяснить некоторую религиозную индифферентность, которая была характерна для Глинки в течение всей жизни, первоначальный космополитизм его взглядов, а также такие ценности как филантропия, примат нравственного достоинства человека, отрицание сословных предрассудков.

§ 2. Военная служба. Начало литературной деятельности С.Н. Глинки.

В январе 1795 г. девятнадцатилетний С.Н. Глинка вышел из кадетского корпуса в звании поручика. Поездка на родину, в Духовщинский уезд, последовавшая по выходе из корпуса, впервые ознакомила его с той реальностью, от которой он был оторван в течение 13-ти лет. Сам Глинка называет эту поездку главным впечатлением своей юности: он «получил первый урок в исследовании народного духа»[67]. Именно во время этой поездки открылось несоответствие идеализированных представлений Глинки о мире, сформировавшихся в стенах корпуса, и явлений обыденной жизни. В дороге с ним были три книги – «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжнина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна[68]. Исходя из этого, некоторые авторы делали вывод о радикализме юношеских взглядов С.Н. Глинки[69]. Безусловно, эти книги оказали определенное влияние на его мировоззрение, в частности, он всегда сохранял критическое отношение к действительности и позднее по-своему интерпретировал ряд затрагивавшихся в них проблем в своей публицистике. Но преувеличивать это влияние не стоит. Выбор Глинки был продиктован дорогой и ее маршрутом. Конечно, ему хотелось сравнить свои собственные впечатления с впечатлениями авторов, а в Новгороде его воображение вызывало образы княжнинской трагедии[70]. Но недовольство Глинки бедностью и

убогостью жизни русских крестьян, выраженное опять же словами корпусного учителя: «Как можно так сурово обходиться с людьми, которых Я.Б. Княжнин называл почтенными питателями рода человеческого!»[71], - похоже не на политический протест А.Н. Радищева, а скорее на благородное негодование[72].

Глинка настолько не вписывался в формат обычной жизни, что даже в семье им «забавлялись как ребенком; я походил на выходца из какого-то другого света, откуда появился не ведая и не зная, как живут в подлинном свете»[73].

Вскоре вместе с отцом и братом Глинка отправился в Москву, чтобы просить об отпуске, т.к. он уже был распределен в один из московских батальонов Архаровского полка. Летом 1795 г. он начал службу в должности адъютанта Юрия Владимировича Долгорукова, главного начальника московских войск[74]. После отставки последнего в конце 1795 г. Глинка вновь поехал на родину, но ненадолго, т.к. московские батальоны поступили под начальство строгого в отношении воинской дисциплины М.И. Кутузова[75]. В 1796 г. московским батальонам было приказано выступать в Литовские губернии, но после смерти Екатерины II шестого ноября 1796 г. они были возвращены в Москву[76]. В 1799 г. Глинка вызвался идти со вспомогательным для Суворова войском в поход в Италию. Но и он не состоялся, и, дойдя до Брест-Литовска, Глинка вернулся в Москву в чине капитана[77].

Военная служба не привлекала Глинку[78]. Не очень уместными для армии были его восторженность и недисциплинированность, которые, видимо, давали себя знать, т.к. по признанию Глинки, над ним подшучивали, будто он не знал дороги в свою роту[79]. Не стоит забывать, что большая часть его службы пришлась на царствование Павла I, когда требования к воинской дисциплине были максимально ужесточены, но Глинке, по его собственным воспоминаниям, «тогдашнему баловню счастья все с рук сходило»[80], а на одном из смотров император лично поблагодарил его за хорошее состояние роты[81].

Единственным сдерживающим фактором для Глинки была воля родителей, видевших сына военным. Но после смерти отца в 1800 г. Глинка вышел в отставку в чине майора[82]. В 1801 г. умерла и его мать. Перед смертью матери Глинка пообещал ей отдать все свое наследство, движимое и недвижимое имущество и 30 душ крестьян, сестре и исполнил свое слово[83]. Он вернулся в Москву, весь его капитал составляли 75 рублей, которые сразу же были проиграны в карты[84]. Таким образом, он остался без средств к существованию, потому очень кстати оказалось предложе-

ние поработать учителем трех сыновей богатого украинского помещика Д.А. Хрущева, обещавшего платить полторы тысячи рублей годового жалованья.

Здесь необходимо внести ясность относительно времени пребывания С.Н. Глинки на Украине. Некоторые исследователи, опираясь на его «Записки», называли в качестве даты его отъезда конец 1802 г.[85], тогда, имея в виду, что в поместье Хрущева он находился три года[86], в Москву он должен был вернуться в конце 1805 или в начале 1806 гг. Однако указанная в «Записках» дата – явная хронологическая неточность автора. Это было замечено, но не было обосновано исследователями, изучавшими деятельность С. Н. Глинки наиболее пристально[87]. На эту неточность указывает ряд источников и фактов биографии С.Н. Глинки. Во-первых, в своих неизданных документах Глинка сам говорит о том, что не присягал Александру I, т.к. в это время был учителем на Украине[88]. Таким образом, он прибыл туда до середины марта 1801 г., когда проходила присяга Александру I. Во-вторых, сохранились воспоминания украинского чиновника В.И. Ярославского о пребывании Глинки у Хрущева, и согласно им в декабре 1801 г. Глинка уже жил в Рясном – поместье Д.А. Хрущева[89]. В-третьих, 1800-1802 гг. – период затишья в литературной деятельности С.Н. Глинки, которой он продолжал заниматься параллельно с военной службой. Напротив, с 1803 г. он начинает активно печататься, в том числе и на страницах столичных журналов, о чем речь пойдет ниже. Следовательно, вернуться в Москву Глинка должен был в период с конца 1803 до середины 1804 г.

Вероятно, стать учителем выпускника кадетского корпуса и бывшего адъютанта одного из высокопоставленных сановников, успевшего окунуться в светскую жизнь одной из столиц, заставила не только нужда, как на это указывает Т.А. Володина, но и проявившийся еще в годы учебы интерес к проблемам воспитания. Кроме того, учительство давало Глинке прекрасную возможность заняться самообразованием, преодолеть бессистемность собственных знаний. Придя к выводу, что для процесса обучения необходимы «готовые средства, то есть общие и первоначальные книги, изложенные кратко и ясно», Глинка завел четыре тетради: для словесности, политики, истории и теории общего круга наук, куда записывал соответствующие мысли и изречения различных авторов[90]. Но, вероятно, педагогические методы С.Н. Глинки были несколько беспорядочны, в чем-то воспроизводили воспитательные приемы кадетского корпуса, на что указывают воспоминания В.И. Ярославского: «Он не имел никакой основательной системы обучения. Все уче-

ние его состояло для старших двух сыновей Александра и Петра только в чтении французских книг, любимых им, а меньшаго сына Константина в декламировании речей Гостомысла и Марфы посадницы новгородцам… Наконец все это ему прискучило; он захотел ехать в Москву, как и прежде каждый год езжал, и требовал денег. Хрущев отказал и между ними произошла ссора. Глинка грозил донести правительству об утеснении Хрущевым своих крестьян работами денно и нощно на винокуренном заводе, и уехал к Палицыну, чтобы от него ехать чрез Сумы в Москву. Хрущев в смятении уговорил меня поехать вместе с старшими его сыновьями к А. Я. Палицыну и просить его уговорить Глинку к возврату в Рясное, в чем мы и успели»[91].

Три года, проведенные на Украине, не оставили Глинке никаких денежных средств[92], но были, безусловно, важны для него. С точки зрения И.В. Евдокимова, именно «тут начался перелом в его убеждениях, приведший его впоследствии к патриотизму. Трехлетняя жизнь в деревне научила его понимать свой народ и смотреть на него другими глазами»[93]. Но в «Записках» Глинки и их черновиках нет ни намека на подобный перелом. Скорее всего, более права Володина, считающая, что здесь он приобрел опыт, пригодившийся ему при написании истории[94]. На наш взгляд, пребывание на Украине во многом подготовило его и к дальнейшей издательской деятельности, в которой важное место заняли педагогические вопросы.

По возвращении в Москву Глинка пытался устроиться на государственную службу и подал прошение о принятии его в Комиссию составления законов. Его хотели взять в качестве переводчика и дали перевести один из указов для испытания. Этот перевод был опубликован в первой части законов, но сам Глинка не был принят[95]. Он вернулся к литературным занятиям, которые не оставлял даже во время военной службы. Еще в бытность адъютантом Ю.В. Долгорукова, Глинка вошел в литературную и театральную среду Москвы и, сведя знакомство с поэтами Н.М. Шатровым, Н.П. Николевым и с актерами С.Н. Сандуновым, В.П. Померанцевым, Я.Е. Шушериным, П.А. Плавильщиковым[96], решил втиснуться в ряды литераторов. В 1795 г. он попытался опубликовать «оду на суеверие, выкраденную из Вольтера», в которой высказывались характерные для просветительской мысли XVIII в. идеи веротерпимости и христианского милосердия[97], но по цензурным соображениям она не была пропущена. Глинка не забросил литературных трудов даже служа в батальонах, и хотя «вполне втянулся в вихрь жизни военной, однако же иногда как будто бы украдкой от самого себя читал, кропал стихи, прозу, но вовсе не помыш-

лял о названии писателя; чернильный мой скарб бросал в огонь»[98]. Последнее заявление – явное кокетство, потому что в это же время Глинка начал работать в качестве сочинителя и переводчика для двух существовавших тогда в Москве театров: Большого – под руководством М.Е. Медокса и театра в Воксале[99]. Насколько интенсивно работал Глинка, можно судить по его упоминанию о том, как «однажды в полторы недели перемахнул с французского и под французскую музыку пять опер»[100]. В числе переведенных им в эти годы опер были «Тайна», «Странная предприимчивость, или Притворной жокей», «Шведские рыбаки». В эти годы выходят и незначительные авторские работы[101]. Не осталось бесплодным время, проведенное на Украине: в 1803 г. был издан перевод четырех первых ночей поэмы английского поэта-сентименталиста Э. Юнга «Жалоба, или ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии»[102], а в 1804 г. увидела свет книга «История ума человеческого от первых успехов Просвещения до Эпикура», представлявшая собой перевод книги Кондильяка[103]. По возвращении с Украины Глинка продолжает публиковать сочинения компилятивного характера и переводы[104], в том числе в журналах «Друг Просвещения» и «Северный вестник». Последний, издававшийся И.И. Мартыновым в 1804-1805 гг., имел либеральное направление, выступал за реформы в области просвещения, культуры, законодательства, но сотрудничество с ним Глинки трудно назвать тесным, его стихи были опубликованы лишь в двух номерах журнала[105]. «Друг Просвещения» издавался в Москве в 1804-1806 гг. Его издателями и основными сотрудниками были граф С.П. Салтыков, граф Д.И. Хвостов, П.И. Голенищев-Кутузов, князь Д.П. Горчаков и в конце Н.Н. Сандунов. Это был аристократический журнал, «умеренный и аккуратный», орган замкнутого кружка, он был не очень популярен, но один из современных исследователей называет полемику «Друга Просвещения» с «Московским зрителем» князя П.И. Шаликова «заметным эпизодом раннего этапа борьбы шишковистов с карамзинистами»[106]. Таким образом, уже применительно к этому периоду можно говорить о сближении С.Н. Глинки с кругом лиц, позднее вошедших в состав «Беседы любителей русского слова».

Думается, взгляды Глинки не претерпели серьезных изменений в течение десяти лет по выходе его из кадетского корпуса. В этот период он оставался космополитом, страстно увлеченным французской культурой. Заметим, что переводил он в основном с французского языка сочинения французских авторов, хотя прекрасно владел и немецким[107]. За политическими событиями Европы он следил, пожалуй, с большим интересом, чем за внутрироссийскими, и его немало удивляло индифферентное от-

ношение к ним высшего общества, даже государственных и военных людей вроде Ю.В. Долгорукова[108].

Переломным для Глинки стал 1806 г., что было связано с тогдашними политическими условиями. В 1805 г. Россия вступила в состав третьей антинаполеоновской коалиции, и это способствовало оживлению патриотических настроений в русском обществе. 2 декабря 1805 г. Александр I и его австрийские союзники потерпели сокрушительное поражение при Аустерлице. Впервые за столетнюю военную историю русские войска проиграли генеральное сражение, при котором в первый раз со времен Петра I присутствовал сам император. После недолгого периода недоумения российское общество охватило негодование и чувство оскорбленного национального достоинства. В 1806 г. Россия, Англия и Пруссия создали четвертую антинаполеоновскую коалицию, а 30 ноября 1806 г. императорским манифестом было провозглашено формирование крестьянской милиции. Эта мера имела небольшие практические последствия и, по словам П.А. Вяземского, была «несколько платонической»[109]. «В то время, - пишет Глинка, - отечество для меня было новой мечтой, и воображение мое горело, как чувство юноши, согретое первым пламенем любви»[110]. С таким настроением в декабре 1806 г. он отправился в родной Духовщинский уезд, чтобы вступить в милицейские войска. «Что влекло меня на родину, где у меня не было ничего, кроме сердечных воспоминаний? В душе родилась новая мысль и не у меня одного. Всех и каждого вызывала она к защите отечества и к обороне гробов праотеческих»[111]. Глинка был захвачен развернувшейся деятельностью по организации земских войск, и пытался высказать свое мнение о происходящем. Так, проездом из Москвы в Петербург он вел записку «о всех неустройствах, происшедших от внезапного оповещения о составлении новой рати», и в столице представил ее на рассмотрение главы Комиссии составления законов Н.Н. Новосильцева, под ведением которого и был составлен манифест 1806 г.[112]

Глинка собирался служить на собственном «иждивении», т.к. не имел поместья и какой-либо другой собственности. Именно по этой причине дворянский предводитель Духовщинского уезда отказался принять его прошение, но через некоторое время он начал службу в звании бригад-майора в соседнем Сычевском уезде под начальством тамошнего предводителя И. Н. Ефимовича[113]. Об этом событии зимой 1807 г. Глинка сообщил в письме к зятю Ефимовича Д. П. Руничу, в будущем попечителю Петербургского учебного округа, известному масону и также представителю консервативного лагеря, с которым общал-

ся на протяжении многих лет. В этом письме впервые ярко выражены и вполне оформлены националистические мотивы зрелого периода его творчества: «Мы родились в злополучной век: в век, в которой видим, какия плоды произросли от роскоши и высокоумствования… Где еси Русь святая? Далеко еси!… Герои наши разят: Наполеон бежит… подвиг дивный; безсмертный! Ах! Для чего не присовокупим к нему другой подвиг: оживотворение России в России! Нравы, вера! Исключительная любовь к отечеству и согражданам! Простота! Единодушие! Союз правоты и родства! Когда вы опять возвратитесь к нам!»[114]. Стремление найти опору и национальную идентичность в мифологизированном историческом прошлом сочетается здесь с характерным для консервативной идеологии антирационализмом.

В феврале 1807 г. Глинка получил приказ составить список отставных солдат, вызванных на службу. Общение с ветеранами, их искренний патриотизм произвели на Глинку глубокое впечатление, о нем он писал в письмах и к Д.П. Руничу, и к Г.Р. Державину[115]. «Кто принудил этих примогильных сынов русской славы, кто принудил и безруких и безногих и слепых пройти по сто и более верст? Кто вринул их в бури зимние?» – задавался он вопросом. Ответ был для него ясен: «Любовь к родине и сила святой веры!»[116]. Таким образом, «в необычайный год среди русского народа ознакомился я с душою русских воинов… Они подарили меня сокровищем обновления мысли. Мне стыдно стало, что доселе, кружась в каком-то неведомом мире, не знал я ни духа, ни коренного образа мыслей русского народа… Но время могучею силой вывело дух русский перед лицом нашего отечества и перед лицом Европы… И этот первый урок повел меня постепенно к изданию «Русского вестника»[117].

Еще один эпизод, связанный со службой в милиции, раскрывает характер эволюции взглядов Глинки. Зимой 1807 г., ожидая назначения в земское войско, он остановился в одной из смоленских гостиниц, где столкнулся с пленным адъютантом Наполеона графом Сегюром. В разговоре с ним Глинка, в частности, сказал следующее: «Зачем Наполеон исторг вас из недр вашего прекрасного отечества… на чреде консулов он казался нам потомком Камиллов, Фабрициев и Цинциннатов… мы стремились стать под знамена генерала Бонапарта… мы думали, что возвратясь из этой исторической страны (Египта – Н.Л.) он увековечится именем миротворца. В моих мечтах я воспевал на вашем языке будущего миротворца Европы»[118]. В этом высказывании Глинка отразил общее настроение своих современников, многие из которых восхищались Наполеоном в период его восхождения к власти как выдающимся политиком и военным. Но после при-

нятия им титула императора, и особенно после беззаконной расправы над герцогом Энгиенским в 1804 г., его начинают воспринимать как преемника революции, врага легитимного политического порядка, а его войска – как распространителей революционной заразы. Консервативная реакция на французскую революцию возникла в России сразу, но события 1804-1806 гг. придали ей такой накал, что вызвали соответствующие настроения даже у людей, ранее явно симпатизировавших не только Бонапарту, но и революции, к которым относился и Глинка.

Эта эволюция нашла отражение в литературном творчестве С.Н. Глинки. В 1806 г. появляются сразу две его драмы на сюжеты из русской истории – «Наталья, боярская дочь», сюжетной основой которой послужила одноименная повесть Н.М. Карамзина, и «Сумбека, или падение Казанского Царства»; ее прототипом явилась героическая поэма М.М. Хераскова «Россиада». В наши цели не входит литературоведческий анализ этих произведений. Нам кажется необходимым подчеркнуть проявляющиеся в них политические мотивы. В частности, уже в «Сумбеке» появляется антилиберальный подтекст – критика народовластия, хотя критический смысл создается контекстом произведения, ибо следующие строки, обращенные к народу, автор вкладывает в уста отрицательного персонажа:

От вас могущество властители приемлют,
Чрез вас законам их пределы мира внемлют:
Вы учреждать должны избранье на престол:
Священнее всех прав народа произвол[119].

Заметим, что отрицательная нагрузка этого фрагмента подчеркнута тем, что право народа на участие в избрании власти Глинка называет не свободой, а произволом. Образцовое же политическое устройство описывает положительный персонаж:

Народ! Покорен будь уставам вышней власти;
От безначалья шаг к тиранству и напасти…
……
Бог, Вера и закон – вот к счастию пути!
Велик народ, в душах почтенье к ним хранящий[120].

Но особенно ярко выражены консервативно-националистические мотивы в трагедии «Михаил, князь Черниговский». Она была опубликована в 1808 г., но фактически была готова к маю 1807 г.[121] Эта трагедия была посвящена милиции[122], и, судя по переписке, автор много обсуждал ее в литературных кругах, близких к Г.Р. Державину[123]. Уже чтение рукописи

трагедии в доме последнего имело большой успех. Так, министр юстиции Д. П. Трощинский писал Глинке: «Общий наш приятель, Василий Назарович Каразин, пришел ко мне от Державина в восторге от вашего «Михаила»; он говорит, что это живая история, которая по Европе ходит и движется; грех вам будет если обойдете меня…»[124]. Действительно, в тексте проводилась прозрачная параллель между историей и современностью, а Батый слишком напоминал «нового завоевателя нашего века» Наполеона Бонапарта. Интересно, что в окончательном варианте трагедии, вопреки исторической достоверности, Батый погибал в битве с черниговским князем. Такое приукрашивание исторической действительности было вполне в духе времени и отличало исторические пьесы и других авторов, в частности, «Ермак» П.А. Плавильщикова, «Дмитрий Донской» В.А. Озерова, «Пожарский» М.В. Крюковского, которые пытались каким-то образом компенсировать унижение Аустерлица, и, выбирая между исторической достоверностью и исторической «справедливостью», отдавали предпочтение последней.

Особый интерес представляет вступление к трагедии или «Предварительная речь, о сношении драматического искусства с нравственностию и политикою»[125], т.к. в нем Глинка впервые указывает на источники формирования консервативно-националистической программы и ее основные положения. Он начинает со сравнения Батыя с «кровавыми преобразователями Французской державы». Как первый стремился «сперва истребить душу Русского правительства, *Веру* и *древние обычаи*», так и последние приложили максимум усилий для «ниспровержения храмов Христовых, и для утверждения на развалинах их адского своего правительства, именуемого ими *владычеством разсудка*»[126]. В этом небольшом отрывке Глинка впервые раскрывает свою негативную реакцию на французскую революцию, спровоцированную безграничной уверенностью в силе человеческого разума, которому противопоставляет «Веру и древние обычаи», т.е. опыт как цементирующую основу всякого правопорядка. Далее Глинка говорит, что ознакомился с множеством русских летописей и недавний восторженный поклонник античной истории заключает: «Мы непрестанно именуем Цинциннатов, Камиллов, Курциев, Регулов! Славны их деяния, но сравните их беспристрастно с жертвами наших Князей, Бояр, и прочих Россиян. Князья Василий Ростовский, Михаил Черниговский, Михаил Тверский! Знаменитые Бояре, Пожарские, Шеины! и проч. вами свидетельствуюсь; отвечайте за меня сердцам потомков своих»[127]. Все они, по словам Глинки «во всем прибегали к Богу и Вере», «чувства набожности сливались со всеми ощущениями их душ и сердец.

От чего сие происходило? От того, что все преподаваемые им поучения относились к Богу и Вере, и что Божественное писание было единственным их чтением»[128]. Таким образом, автор формулирует историческую традицию, преемственность которой должна обеспечить благосостояние государства, усилить его перед лицом какой бы то ни было опасности. Но «к нещастию от последствий нашего воспитания, мы час от часу уклоняемся от всего отечественного; но долг каждого русского писателя посвящать особенно труды свои Отечеству»[129], в частности, в этом же состоит долг русского драматурга[130]. Однако следует обратить большее внимание на вновь возникающую в творчестве Глинки проблему воспитания; к тому же в тексте присутствует указание на то, почему автора заинтересовала эта проблема. «Не я, но Жан-Жак Руссо, - пишет Глинка, - который в *Эмиле* своем не хочет питомцу своему ни слова упоминать об истории до 17 лет (ибо она была бы для него невразумительна), говорит потом в учреждении политического воспитания: “пусть каждый воспитанник читает все то, что напоминает ему об Отечестве: в десять лет должен он знать все произрастения земли своей; в двенадцать все области, все дороги, все города оной; в пятнадцать всю Историю; в шестнадцать все законы; пусть в памяти и душе его напечатлеваются все знаменитыя и великия деяния его соотечественников; пусть оне его поучают, пусть живет он их бытием”»[131]. Речь здесь идет о знаменитой книге Руссо «Соображения об образе правления в Польше». Это сочинение было написано после первого раздела Польши (1772 г.) и посвящено тому, каким образом поляки могут сохранить свое национальное бытие перед лицом русской угрозы. Глава «Воспитание», открывающаяся фразой: «Это важный раздел», предшествует в «Соображениях…» таким разделам, как «О короле», «Администрация», «Военная система» и проч. Политическое бытие Польши подходило к концу, но, по Руссо, ей предстояло сохранить себя, поддерживая национально-культурную идентичность. «Вы не можете помешать русским проглотить вас, но сделайте, по крайней мере так, чтобы они были не в состоянии вас переварить. <…> Если вы добьетесь того, чтобы ни один поляк не мог превратиться в русского, я отвечаю вам, что Россия никогда не подчинит себе Польшу. <…> Именно воспитание придает душам национальную форму. <…> Дитя, раскрывая глаза должно видеть отечество и до смерти не должно ничего видеть, кроме отечества. <…> В двадцать лет поляк не должен быть иным человеком, он должен быть поляком. <…> Наставниками должны быть только поляки»[132].

Сложно сказать, когда именно Глинка познакомился с этим трактатом Руссо. Но то, что момент для реализации изложенных в нем идей был

самым подходящим, не может вызывать сомнений. И дело тут не только и даже не столько во внешнеполитической угрозе; она явилась фоном, на котором рельефнее вырисовались и обрели иной смысл уже существовавшие внутренние проблемы. Мы имеем в виду галломанию высшего общества, т.е. его ориентацию на французские культурно-поведенческие модели. Влияние французской культуры на русское общество крепло на протяжении всей второй половины XVIII в., и к началу XIX в. ситуация была такова, что ее диктат охватил не только чисто бытовые сферы (одежда, еда, повседневные поведенческие стереотипы), сильнейшее французское влияние испытывала сфера образования, а для большинства представителей высшего общества французский язык сделался родным[133]. Таким образом, если следовать фразеологии Руссо, российское дитя (речь, безусловно, идет о представителях благородного сословия), раскрывая глаза, видело не отечество, а Францию, что в сложившихся политических обстоятельствах было не просто унизительно, но и потенциально опасно. Достаточно было лишь заменить противостояние поляки-русские на русские-французы с соответствующим разделением ролей.

Вот почему Глинка обращается к вопросам отечественного воспитания. В письме к Д. П. Руничу, которое можно датировать, скорее всего, маем-июнем 1807 г., он пишет, что «ныне, отложив милицейское попечение, непрестанно занимаясь *опытом о воспитании*. Иду довольно быстрыми стопами…»[134]. А в более раннем письме к Г.Р. Державину от 21 марта 1807 г. он говорит о желании «устроить журнал *отечественнаго воспитания*», причем из текста письма явствует, что об этой идее он сообщал адресату не впервые и что уже хлопотал в Москве по этому вопросу[135]. Таким образом, можно утверждать, что идея издания «Русского вестника» вполне оформилась уже к весне 1807 г., а не после Тильзитского мира (25 июня 1807 г.), как утверждает большинство исследователей. И его консервативно-националистическая платформа сложилась под влиянием не только фактора военной угрозы и связанными с ним антифранцузскими настроениями, но и под непосредственным воздействием французской же просветительской мысли. Не стоит забывать и о важной роли наблюдений С.Н. Глинки за жизнью простонародья, которым в исследовательской литературе, как правило, не уделяют должного внимания.

---

1 Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 7 ; Сивков К. Глинка С. Н. // Русский биографический словарь. М., 1995. «Герберский-Гогенлоэ». С. 290.

2 [Евдокимов И. В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. Л. 1; Оп. 3. Е.х. 75. Л. 7-8.

3 Глинка С. Н. Записки. С. 9.
4 Там же. С. 10.
5 Егор и Николай умерли в юности. См. : Там же. С. 42, 173. Василий получил домашнее образование и выбрал стезю обычного помещика. Федор стал известным поэтом, мемуаристом, участвовал в движении декабристов.
6 Там же. С. 10.
7 Глинка Сергей Николаевич. Записки его 1775-1800 гг. 1830 г. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 653. Л. 12.
8 Там же. Л. 50.
9 Глинка С. Н. Записки. С. 28-29.
10 Там же. С. 31.
11 Там же. С. 32-40.
12 Там же. С. 53.
13 Киселева Л. Н. С. Н. Глинка и кадетский корпус // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1982. Вып. 604. С. 59.
14 См. : Ерошкина А. Н. Администратор от культуры (И. И. Бецкой) // Русская культура последней трети XVIII в. – времени Екатерины II. М., 1997. С. 74-75 ; Ключевский В. О. Два воспоминания // В. О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. М., 1990. Т. 9. Материалы разных лет. С. 18-19.
15 Багдасарян В. Э. Бецкой И. И. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 48-50 ; Кизеветтер А. А. Один из реформаторов русской школы // А. А. Кизеветтер. Исторические очерки. М., 1912. С. 129-148 ; Киселева Л. Н. С. Н. Глинка и кадетский корпус. С. 49.
16 Аурова Н. Н. Идеи просвещения в первом кадетском корпусе (конец XVIII – первая четверть XIX в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1996. № 1. С. 35.
17 Л. Н. Киселева говорит о влиянии на Ф. Е. Ангальта идей Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и немецких неогуманистов (филантропистов), т.е. тех же мыслителей, что и в случае с И. И. Бецким. См. : Киселева Л. Н. С. Н. Глинка и кадетский корпус. С. 51.
18 Глинка С. Н. Записки. С. 70.
19 См. : Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С. Н. Глинки (1808-1812 гг.) // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 93.
20 Глинка С. Н. Записки. С. 71.
21 Искусство учиться прогуливаясь, или ручная энциклопедия для воспитания, составленная графом Ангальтом, изданная Сергеем Глинкою. М., 1829. III. (далее - Искусство учиться прогуливаясь…).
22 Например : Глинка С. Н. Записки. С. 71, 132, 143 и др. В «Записках» содержится рассказ о том, как граф отказывался от предложений профессиональных художников написать его портрет, говоря, что «кисть сына лучше других изобразит лицо и душу своего отца». В результате портрет был написан одним из кадетов. См. : Там же. С. 133.
23 Там же. С. 71.
24 Искусство учиться прогуливаясь... VI-VII.
25 Глинка С. Н. Записки. С. 90.
26 Там же. С. 92.
27 Аурова Н. Н. Идеи просвещения в первом кадетском корпусе (конец XVIII – первая четверть XIX в.). С. 36.
28 Глинка С. Н. Записки. С. 90.

29 Искусство учиться прогуливаясь... С. 17-22.
30 Глинка С. Н. Записки. С. 72. Ср. : «Чваниться породой предков значит дорываться плодов в корнях, забыв, что они растут на ветвях цветущих, а не во мраке подземельном». См.: Там же.
31 Там же. С. 91. Интересно, что с этой целью, а также, чтобы воспитать своих питомцев знающими хозяевами и помещиками, граф Ангальт, занимавший в это время пост президента Вольного экономического общества приказал засеять корпусный сад разными сельскохозяйственными культурами и ввел в программу обучения кадетов обрабатывание, удобрение земли и посев. См. : Там же. С. 91 ; Ходнев А. И. История императорского вольного экономического общества с 1765 до 1865. СПб., 1865. С. 258.
32 Искусство учиться прогуливаясь... С. 26-110 ; см. также : Глинка С. Н. Записки. С. 93.
33 В «Записках» в частности сказано, что граф «очень любил русские пословицы и называл их указателями русского народного духа». См. : Глинка С.Н. Записки. С. 133.
34 Там же. С. 60.
35 Там же. С. 88.
36 Там же. С. 86.
37 Там же. С. 77.
38 Киселева Л. Н. С. Н. Глинка и кадетский корпус. С. 60.
39 Глинка С. Н. Записки. С. 79-80.
40 Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 74.
41 Глинка Сергей Николаевич. Записки // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 655. Л. 47 об.
42 Глинка С. Н. Записки. С. 60.
43 Там же. С. 129.
44 Там же. С. 83.
45 Там же. С. 80.
46 Там же. С. 83-84.
47 Глинка С. Н. Записки. С. 46 ; Киселева Л. Н. С. Н. Глинка и кадетский корпус. С. 49; Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries : Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. P. 74.
48 Глинка С. Н. Записки. С. 139.
49 Там же. С. 139.
50 Там же. С. 95.
51 Там же. С. 230.
52 Там же. С. 140.
53 Глинка Ф. Н. Взгляд на прошедшее // Москвитянин. 1846. № 2. С. 37-38.
54 Глинка С. Н. Записки. С. 140. Примеры этой полемики см. также : с. 79-80, 123, 141.
55 Там же. С. 54. См. также : с. 77, 123.
56 Там же. С. 53.
57 Там же. С. 88.
58 Там же. С. 88.
59 Там же. С. 129.
60 Там же. С. 145.
61 Там же. С. 145, 152.
62 Там же. С. 150-151.
63 Там же. С. 124.

64 [Евдокимов И. В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е. х. 121. Л. 200.
65 Описание столичного города Санкт-Петербурга: в 3 ч. СПб., 1794.
66 Глинка С. Н. Записки. С. 146.
67 Там же. С. 162.
68 Там же. С. 159.
69 Например : Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 222.
70 Глинка С. Н. Записки. С. 157.
71 Там же. С. 163.
72 Интересно, однако, заметить, что «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, наряду с появившимся в 1814 г. романом В. Т. Нарежного «Российский Жилблаз, или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (подражание тому же роману А. Р. Лесажа, который в корпусе вдохновил Глинку и его товарищей) в 1810-1820е гг. находились в числе агитационной литературы декабристов.
73 Глинка С. Н. Записки. С. 167.
74 Там же. С. 180-181.
75 Там же. С. 199.
76 Там же. С. 202, 204.
77 Там же. С. 216-217.
78 Там же. С. 218.
79 Там же. С. 217.
80 Глинка Сергей Николаевич. Записки // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 656. Л. 12 об.
81 Глинка Сергей Николаевич. Письмо его к издателю «Современника» // РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Е.х. 159. Л. 2.
82 Автобиографическая записка Глинки Сергея Николаевича. 18 сентября 1830 г. // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Е.х. 35. Л. 1.
83 Глинка С. Н. Записки. С. 221-222.
84 Там же. С. 223.
85 Сивков К. Указ. соч. С. 291 ; Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries : Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. P. 77.
86 Глинка С. Н. Записки. С. 223, 229.
87 Например : Киселева Л. Н. Глинка С. Н. // Русские писатели. Библиогр. слов. / под ред. П. А. Николаева. М., 1989. Т. 1. С. 576.
88 [Глинка С. Н.] Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. 1 января 1844 г. // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. Л. 73 об.
89 Ярославский В. И.. Записки // Киев. старина. 1887 (Сент). Т. 19. С. 127.
90 Глинка С. Н. Записки. С. 228.
91 Ярославский В. И. Указ. соч. С. 128.
92 Глинка С. Н. Записки. С. 229.
93 [Евдокимов И. В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. С. 19.
94 Володина Т. А. Русская история С.Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // Вопр. истории. 2002. № 4. С. 152.
95 Глинка С. Н. Записки. С. 229.
96 Там же. С. 183, 186, 188, 190.

97 Там же. С. 191.
98 Там же. С. 202.
99 Там же. С. 212-215.
100 Там же. С. 212.
101 Селим и Роксана, или Превратность жизни человеческой. Восточная повесть. М., 1798. 96 с. ; Страшный суд : духовная песнь, на две половины разделенная. М., 1799. 8 с.
102 Юнговы ночи. [Ночь первая, вторая, третья и четвертая]. М., 1803. 62 с. В 1806 и 1820 гг. последовали второе и третье издания, в которых были переведены все 12 песен поэмы.
103 История ума человеческого от первых успехов Просвещения до Эпикура, изданная Сергеем Глинкою. М., 1804. 229 с.
104 Эрмитажная галерея, гравированная штрихами с лучших картин, оную составляющих и сопровождаемая историческим описанием, сочиненным Камилем, уроженцем Женевским. СПб., 1805. Т. 1.
105 Глинка С. Н. Речь Приама к Ахиллесу // Сев. вестн. 1805. Ч. 4 (май). С. 191-193; Глинка С. Н. Послание к Д. И. Л. Стихи // Там же. С. 161.
106 Альтшуллер М. Г. Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX в. : Друг Просвещения и Московский Зритель // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 105.
107 Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М, 1869. С.107.
108 Глинка С. Н. Записки. С. 193.
109 Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813-1877. М., 2003. С. 250.
110 Глинка С. Н. Записки. С. 232.
111 Там же. С. 249.
112 Там же. С. 233, 245.
113 Там же. С. 250, 254.
114 Глинка Сергей. Б.м. Б.г. письмо Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 859. К – 34. № 39. Л. 15 об.-16.
115 Письма С. Н. Глинки к Д. П. Руничу // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. Л. 166; Письмо Глинки С. Н. к Державину Г. Р. 21 марта 1807 г. // Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1876. Т. 6. С. 203.
116 Глинка С. Н. Записки. С. 254-255.
117 Глинка С. Н. Записки. С. 256.
118 Там же. С. 252-253.
119 Глинка С. Н. Сумбека, или Падение Казанского Царства : трагедия в пяти действиях. М., 1806. С. 31, 30.
120 Глинка С. Н. Сумбека, или Падение Казанского Царства : трагедия в пяти действиях. С. 31, 32.
121 Письмо Глинки С. Н. к Державину Г. Р. 8 мая 1807 г. // Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 6. С. 204.
122 Письма С. Н. Глинки к Д. П. Руничу // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. Л. 165.
123 Письмо Глинки С. Н. к Державину Г. Р. 21 марта 1807 г. // Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 6. С. 201.
124 Глинка С. Н. Записки. С. 246. Позже Глинка читал эту рукопись в доме председателя Комиссии прошений Н. М. Муравьева, где, если верить словам автора, от восторга слушатели обливались слезами. Там же. С. 248.
125 Глинка С. Н. Михаил, князь Черниговский : трагедия в пяти действиях. М., 1808. III-XVIII.

126 Там же. III-IV.
127 Там же. X-XI.
128 Там же. VIII.
129 Там же. XVII.
130 Там же. XVIII.
131 Там же. XI.
132 Цит. по : Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла…Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004. С. 169.
133 См. об этом подробнее : Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество. 1812-1912. М., 1911. Т. 2. С. 194-200.
134 Письма С. Н. Глинки к Д. П. Руничу // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. Л. 163.
135 Письмо Глинки С. Н. к Державину Г. Р. 21 марта 1807 г. // Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 6. С. 202.

ГЛАВА II. С. Н. ГЛИНКА ВО ГЛАВЕ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

§ 1. Начало издания «Русского вестника». Антизападнический пафос журнала.

25 июня 1807 г., после поражения русских войск под Фридландом, Россия была вынуждена подписать невыгодный для нее Тильзитский мир. Этот трактат фактически низводил ее до положения сателлита наполеоновской Франции, вынужденного действовать в русле ее внешнеполитических планов и присоединиться к континентальной блокаде своего основного торгового партнера – Англии. Мирный договор вызвал ощущение униженности и ущемлял экономические интересы России в целом и дворянских кругов в частности, что способствовало дальнейшему росту националистических тенденций. Ф. Ф. Вигель вспоминал, что образованное общество восприняло Тильзитский мир с Наполеоном как «порабощение ему, как признание его над собою власти»[1]. А по словам Д. В. Давыдова, после 25 июня 1807 г. «1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть»[2].

Охватившие общество антифранцузские настроения и жажда реванша[3] нашли наиболее яркое воплощение в памфлете Ф. В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева», явившемся своего рода манифестом складывающегося русского консервативного национализма. Ростопчин начинал с критики галломании русского образованного общества, опасные последствия которой явно ассоциировались в его сознании с событиями французской революции, также удостоившейся многочисленных инвектив автора. Вслед за Шишковым Ростопчин призывал искать примеры для подражания в собственном национальном опыте, взывая к именам знаменитых российских воинов (Шуйского, Голицына, Меншикова, Румянцева, Орлова, Суворова), спасителей отечества и Москвы (Пожарского, Минина, Еропкина), глав духовенства (Филарета, Гермогена, Прокоповича, Платона), министров (Панина, Шаховского, Маркова), писателей (Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Державина, Карамзина, Нелединско-

го, Дмитриева, Богдановича)[4]. Памфлет Ростопчина явился первым публицистическим произведением, обращавшимся к разным социальным слоям. Он был адресован, прежде всего, среднему и мелкопоместному дворянству, многочисленному, но не столь подверженному французской моде, как аристократия, однако был близок и городскому купечеству, мелким чиновникам и мещанам. «Мысли вслух…» вызвали широчайший общественный резонанс и разошлись неслыханным по тем временам тиражом в семь тысяч экземпляров[5]. Успех, тон и литературная стилистика памфлета Ростопчина, приближенная к народной речи, воодушевили Глинку, писавшего в своих «Записках», что своими «Мыслями вслух…» граф «первый… вступил… в родственное сношение с мыслями всех людей русских»[6].

В значительной степени восприняв опыт графа и уверившись в неизбежности войны с Наполеоном[7], С. Н. Глинка приступил к изданию «Русского Вестника» (в оригинале журнал назывался «Руской вестник», но, следуя сложившейся в историографии традиции, мы будем называть его «Русский вестник»), главной целью которого положил «возбуждение народного духа и вызов к новой и неизбежной борьбе»[8]. Знаковым было само название издания, полемически заостренное против карамзинского «Вестника Европы». И если издатель последнего ставил целью «знакомить читателей с Европой и сообщать им сведения о том, что там происходит замечательного и любопытного»[9], то Глинка в объявлении о выходе своего журнала, опубликованном в № 102 «Московских ведомостей» от 21 декабря 1807 г., обещал помещать в нем всё то, что «непосредственно относится к отечественному» и «политические известия касательно токмо до России»[10].

Несмотря на всплеск патриотических настроений, идея издания журнала, который придерживался бы исключительно «русского направления», была и новой, и рискованной. По словам Глинки, опубликованное им уведомление возбудило «и недоумение, и удивление» в общественности[11]. Через несколько дней по выходе объявления впервые лично встретившись в одном из московских салонов с Ф.В. Ростопчиным, Глинка услышал от графа: «Отважное ваше предприятие удивляет меня»[12]. Но тут же получил предложение о сотрудничестве, причем граф просил его сдерживать свое «запальчивое перо», которое «часто бывает заносчиво»[13]. Уже в первом номере «Русского вестника» было опубликовано написанное Ростопчиным от лица Устина Веникова «Письмо к издателю. От 22 декабря 1807 года из с. Зипунова»[14]. В нем он развивал уже высказанную Глинке мысль: «хвалю столь же благородное намерение, сколько див-

люсь смелости духа вашего. Вы… хотите издавать одну русскую старину ожидая от нее исцеления слепых, глухих и сумасшедших, но забыли, что неизменное действие истины, есть колоть глаза и приводить в исступление… Для отпадших от своих и впадших в чужих, вы будете проповедником, как посреди дикого народа в Африке»[15]. В конце этого письма была помещена приписка Глинки, в которой он просил «почтеннаго жителя с. Зипунова, и соседа его Силу Андреевича Богатырева, обогащать Руской Вестник замечаниями и письмами своими»[16]. Но сотрудничество с Ростопчиным не было долгим[17]. В начале 1808 г. на сцене театра на Арбате была поставлена новая комедия графа «Вести, или Убитой живой», которая довольно зло и откровенно высмеивала нравы и пороки хорошо знакомого Ростопчину светского общества. Многие из столичной публики узнали себя в выведенных автором персонажах и устроили ему что-то вроде общественной обструкции. Уязвленный Ростопчин обрушился на московский свет в двух гневных письмах, которые предложил для публикации в «Русском вестнике». Глинка ответил отказом, аргументировав его излишней желчностью посланий графа, после чего Ростопчин больше не давал своих материалов в его журнал.

Начинал сотрудничество с журналом Глинки еще один граф, также известный своими консервативными взглядами А.А. Аракчеев. В третьем номере «Русского вестника» Глинка высказал мысль, что «гений Аракчеева доведя до совершенства во всех частях нашу артиллерию, конечно, воспользуется открытиями республиканцев и сообразя их с характером русских и с их холодным мужеством, составит новое превосходное военное искусство»[18], что обеспечит преимущество русских войск в возможно предстоящей борьбе с Францией. Этот номер вместе с сопроводительным письмом Глинка отправил графу 30 марта 1808 г.[19] В письме от 31 апреля 1808 г. Глинка предлагал Аракчееву «украсить» его именем «список особ, удостоивших подпискою своею «Русский вестник»[20]. Ответное письмо графа от 4 мая 1808 г. без его ведома Глинка опубликовал в пятом номере «Русского вестника»[21], ссылаясь на то, что «по долгу издателя» не может скрыть «сих слов, драгоценных сердцу каждого Россиянина»[22]. В своем письме А.А. Аракчеев благодарил издателя журнала за приглашение на подписку, говоря, что «Русский вестник» ему «близкой родня как старому русскому дворянину»[23]. Далее Аракчеев писал, что «как бедный дворянин воспитан был совершенно по-русски: учился грамоте по часослову, а не по рисованным картам. Потом выучен будучи читать Псалтырь за упокой по своим родителям, послан на службу Государя и препоручен в С. Петербурге Чудотвор-

ной Казанской иконе, с таким родительским приказанием, дабы я все мои дела начинал с ея соизволения: чему следую и по сие время»[24]. Эти слова Глинке «чрезвычайно понравились»[25], и они вполне отвечали его собственным взглядам и настроениям. Но через некоторое время Аракчеев прислал издателю письмо с приложенными к нему 12 письмами от жителей разных губерний, которые, по словам Глинки, «так увлеклись глубочайшею к нему преданностию, что возвеличили его наименованиями избавителя и спасителя отечества»[26], и предложил опубликовать эти письма. Глинка ответил отказом и в своем письме, в частности, писал: «Не берусь возражать на восторженные изречения лиц, приветствовавших вас, и искренно желаю, чтобы вы долго проходили поприще свое; но теперь не могу напечатать присланных вами писем. Все то, что относится к случайным людям, разлетается громкою оглаской. Меня назвали бы льстецом, пресмыкающимся перед человеком случайным и добивающимся каких-нибудь у него милостей. А я от юности лет моих ни перед кем не раболепствовал. Но в свете редко верят и самым бескорыстным отзывам. Мнения людей различны, а пересуды привязчивы»[27]. Много лет спустя С.Н. Глинка пересказал этот случай графу М.А. Милорадовичу, тогда уже известному герою Отечественной войны. Смелость Глинки немало удивила генерала: «И вы это сделали с таким страшным человеком?»[28]. Но, по признанию, издателя «Русского вестника» граф Аракчеев никогда не чинил ему никаких препятствий[29].

Так же быстро закончилось сотрудничество с княгиней Е.Р. Дашковой, которая, как и Ф.В. Ростопчин, сама предложила свое сотрудничество сразу же по прочтении объявления Глинки в «Московских ведомостях», но с условием, что издатель будет публиковать ее статьи без каких-либо изменений[30]. Ее первая статья, а точнее письмо к издателю, появилась во втором номере «Русского вестника»[31]. В «Записках» Глинка говорит, что уже по этой первой статье сделал вывод о скоротечности работы с княгиней, так как она слишком явно высказывала свои политические симпатии: «Англичанам был в ней (статье – Н.Л.) праздник, а сынам Германии туманные сумерки»[32]. Однако содержание самой публикации не соответствует воспоминаниям Глинки. Письмо Дашковой отражает только ее антифранцузские настроения и содержит резкую критику галломании русского образованного общества. Глинка утверждал, что не делал в письме княгини никаких купюр[33], и заподозрить его в лукавстве, зная его добросовестность и правдивость, довольно сложно. Проанглийских и антигерманских идей нет и в следующей статье Е.Р. Дашковой, помещенной в третьем номере «Русского вестника»[34]. Скорее всего, Глинка имел ввиду

другую статью княгини, о которой он также упоминает в мемуарах и которая не была опубликована[35] в силу возможных цензурных затруднений, связанных с тем, что Россия в послетильзитский период была вынуждена отказаться от любых проявлений дружественности в отношении Англии. Видимо, именно на это неопубликованное письмо и отвечал Глинка в четвертом номере своего журнала[36], где решил показать «знаменитой Россиянке» с «какою вывескою целое ученое общество Англинских историков вывело Русских на позорище всемирное»[37] и доказать тем самым, что англичане не заслуживают ее публицистического покровительства. Так или иначе, история с неопубликованной статьей послужила причиной разрыва тандема Глинки с Е.Р. Дашковой. Своенравная, неуступчивая в своих мнениях княгиня назвала издателя «выскочкой»[38] и перестала писать для журнала, но Глинка был скорее рад окончанию этого неудобного для него сотрудничества.

Положительным образом завершился лишь один конфликт – с Г.Р. Державиным. Литературный наставник Глинки, один из влиятельнейших членов «Беседы любителей русского слова» не очень часто, но помещал в «Русском вестнике» свои стихи[39]. Опубликовав в журнале три сочинения Державина, на очередное его предложение – напечатать стихи к Купидону – Глинка ответил отказом, настаивая, что «баснословного не помещает в Русском вестнике»[40]. Отличавшийся вспыльчивым нравом Державин ответил Глинке едкой эпиграммой, помещенной в журнале А.Е. Измайлова «Цветник»[41], но быстро отошел и после публикации в «Русском вестнике» своей нравоучительной мелодрамы «Обитель Добрады» у него с Глинкой наступил «мир ненарушимый»[42]. Таким образом, Глинка, заинтересованный в привлечении консервативно настроенных авторов, никогда не жертвовал этой цели направлением своего журнала. Помимо вышеназванных авторов, в журнале регулярно публиковались произведения Ф.Н. Глинки, А. Писарева, Н. Шатрова, И. Богдановича, Ф. Иванова, князя П.И. Шаликова, А.А. Волковой, реже – Н. Врасского, Н. Николева, Н.А. Полевого, А.С. Шишкова, графа Д.И. Хвостова, П.И. Голенищева-Кутузова и мн. др. Это была в основном поэзия, прозаические произведения публиковали лишь Ф.Н. Глинка, И. Богданович, Н. Шатров, Н.А. Полевой. Заметим, что некоторые из авторов – А.С. Шишков, Д.И. Хвостов, П.И. Голенищев-Кутузов, Н. Николев, А.А. Волкова – так или иначе были связаны с «Беседой любителей русского слова»[43]. Все же основная часть статей «Русского вестника», носивших программный характер, принадлежала самому С.Н. Глинке, который таким образом являлся издателем, редактором и основным автором собственного журнала.

Собственных средств на издание журнала у Глинки не было; первоначальную помощь ему оказал известный московский типографщик П.П. Бекетов, прежде уже издававший некоторые сочинения Глинки. Бекетов предложил взять на себя расходы за напечатание первых двух книжек «Русского вестника» и оставить за собой эти издержки в том случае, если они не окупятся; если же журнал найдет своего читателя, то издатель продолжит его выпуск на свой счет, что будет гораздо выгоднее для него[44]. Первые же книжки «Русского вестника» привлекли к себе внимание читающей публики, что позволило Глинке уплатить долг Бекетову[45], и в дальнейшем журнал печатался на средства самого издателя. Кроме того, П.П. Бекетов был владельцем граверной, в которой было изготовлено более 300 гравированных портретов известных исторических личностей с достоверных оригиналов. Некоторые из этих портретов – боярина А.С. Матвеева, наставника Петра I Н. М. Зотова, царицы Натальи Кирилловны, императрицы Екатерины II, Симеона Полоцкого и др. – были приложены к «Русскому вестнику» С. Н. Глинки[46].

Программу своего издания Глинка изложил во вступлении к первому номеру «Русского вестника»[47]. Он начал с утверждения «русского направления» своего журнала: «Издавая Руской вестник, намерен я предлагать читателям все то, что непосредственно относится к Руским. Все наши упражнения, деяния, чувства и мысли должны иметь целью Отечество; на сем единодушном стремлении основано общее благо. <…> Все то, что относится к родной стране и согражданам нашим драгоценно сердцу, любящему Отечество. Воображение обтекает весь шар земной, мечтает, будто бы может объять весь род человеческий; сердце по убеждению чувств своих, приближается особенно к единоземцам, и любит их более всех других народов. Руской вестник посвящается Русским»[48]. Но далее из текста следовало, что обращение «к отечественному» будет проходить в контексте противостояния Франции: «Философы осьмагонадесять столетия – писал Глинка, - никогда не заботились о доказательствах; они писали политические, исторические, нравоучительные, метафизические, физические романы; порицали все, все опровергали, обещивали беспредельное просвещение, неограниченную свободу, не говоря, что такое то и другое, не показывая к ним никакого следа, - словом, они желали преобразить все по-своему. Мы видели, к чему привели сии романы, сии мечты воспаленного и тщеславного воображения! И так, замечая нынешние нравы, воспитание, обычаи, моды и проч., мы будем противополагать им не вымыслы романические, но нравы и добродетели праотцов наших»[49]. В этом пассаже Глинка вполне отчетливо

обозначил антитезу, на основе которой выстраивалась консервативно-националистическая концепция журнала. Она не была четко сформулирована издателем в отдельной статье или даже номере издания, но вырисовывалась из всего комплекса его статей. Для реконструкции взглядов С.Н. Глинки мы обратились к корпусу номеров журнала за 1808-1812 гг., т.к. их консервативная и националистическая составляющие в этот период проявили себя в наиболее яркой и концентрированной форме[50], а сам журнал, как совершенно точно заметил П.А. Вяземский, имел «историческое и политическое значение»[51].

Таким образом, не вполне прав А.В. Предтеченский, выносивший на первый план издательской деятельности С.Н. Глинки проблему военного противостояния Франции, и, соответственно, рассматривавший антифранцузский характер «Русского вестника» в большей степени как следствие наполеоновской агрессии[52]. Эта тема была, безусловно, важна для Глинки и звучала все увереннее по мере приближения 1812 г. и нарастания националистических настроений. Хотя, уже в третьем номере «Русского вестника» Глинка не побоялся озвучить свое мнение относительно Тильзитского мира. В статье «Некоторые замечания на некоторые статьи политическаго сочинения г. Шлецера под названием: взор на прошедшее, настоящее и будущее»[53] утверждалось, что поражение под Фридландом было не таким уж тяжелым для России, и что Наполеон, напротив, после этой битвы вряд ли захотел бы «вновь попытать военного счастья своего против Русских, ибо в продолжении прошедшего похода он всегда был близок к погибели»[54]. Далее обрисовывалось сложившееся в результате сражения стратегическое положение обеих армий: «Французская чрезвычайно удаленная от отечества, расстроенная потерями и успехами, имела позади себя Австрию, которая готова была объявить войну; может быть к ней пристала бы Дания, может быть самая Гишпания; Шведскую Померанию, куда ежедневно ожидали высадки Англинских войск и Шведов, и в переди Россию, восставшую во всем могуществе, имевшую время вооружиться и приготовиться к сей беспримерно кровопролитной войне, ободренную столетними победами». И вообще, «естьлиб миролюбивый Александр не пощадил крови своих подданных и не пожертвовал неверною союзницею благоденствию своей империи; то по сих пор Бог знает, где бы был непобедимый Наполеон и великая армия великой нации»[55]. Из этого делался следующий вывод: французам «мир был нужнее, нежели Русским»[56]. Высказав широко распространенную в обществе точку зрения о Тильзитском мире как о временном перемирии, автор заключал, что если «неисповедимыми творческими судьбами назначено когда-нибудь

возгореться войне между Россиею и Франциею», то Россия найдет в себе силы для отпора[57].

Эта статья привлекла внимание не только общественности – в Английском клубе третья книжка «Русского вестника» ходила из рук в руки[58], - на направление журнала самому Александру I пожаловался французский посланник Коленкур; причем из «Записок» Глинки видно, что до этого момента император не знал о существовании «Русского вестника»[59]. Таким образом, общая для либеральных и марксистских историков оценка издания как проправительственного и официального[60] не выдерживает критики: официальному Петербургу «Русский вестник» был скорее неудобен. Он продолжал оставаться в оппозиции правительственной линии вплоть до 1812 г., пока Франция формально считалась союзницей России. Можно предположить, что официальные круги, осознававшие искусственность мира с Наполеоном, были заинтересованы в сохранении националистических тенденций, а потому дело с «Русским вестником» ограничилось лишь выговором цензору журнала А.Ф. Мерзлякову, а С.Н. Глинка «по политическим обстоятельствам» был уволен от московского театра, при котором состоял сочинителем и переводчиком[61]. Запрета на издание журнала не последовало. В момент написания своих мемуаров Глинка с гордостью вспоминал, что «после Тильзитского мира на него первого пал гнев Наполеона»[62].

После инцидента с жалобой Коленкура Глинка избегал откровенных высказываний на тему военного противостояния вынужденных союзниц. Конечно, свою роль сыграли цензурные запреты, но легкость, с которой он пошел навстречу цензуре, объяснялась, прежде всего, тем, что эта тема не была самоцелью издания. Взявшись за «возбуждение народного духа и вызов к новой и неизбежной борьбе», Глинка имел в виду не столько вооруженный конфликт двух государств. Здесь важно заметить, что Глинка выделял «два рода войны: одна *явная*, производимая вооруженною рукою; другая *сокровенная*, производимая пронырством… Первая нападает, так сказать, на тело Государственное; другая, на тело и душу его»[63]. И эта вторая война, согласно Глинке, гораздо опаснее первой: «Временныя потрясения Царств и болезни телесныя, не столько вредят, сколько разврат, который вкрадывается исподволь, заражает души, умы и повергает народ во всеобщее разслабление»[64]. В России уже «при Дворе и столицах владычествует беспредельная роскошь, а в деревнях крайняя нищета и разорение. Кто же водворяет к нам сию роскошь; кто, по правилам Аристотелевым, «чрез чувства нападает на душу»: кто питает у нас сию язву, которая поглощает нравы, имущества, труды, кровавой пот земледельцев,

и останавливает успехи Отечественной промышленности? Спросят: но каким образом иноплеменные могут быть законодавцами в чужой земле? Тайна сия объясняется *воспитанием*»[65]. Таким образом, Глинка выходил за рамки антинаполеоновского патриотизма и связывал его с более широкими проблемами. Принципиальное значение для него имел тот факт, что накануне возможного вооруженного нападения Россия уже подверглась «сокровенной» атаке со стороны все той же наполеоновской Франции, «развращенной», «безбожной» страны, в которой произошло одно из самых страшных социально-политических потрясений в истории человечества – революция.

Таким образом, толчком к оформлению консервативных взглядов С.Н. Глинки и консервативной концепции его «Русского вестника», как и у многих его современников, стала реакция на французскую революцию. Осмысление произошедшего во Франции было настолько важным для Глинки, что в 1809 г. он издал книгу «Зеркало нового Парижа»[66], которая имела «одинакую цель с Русским вестником», а именно, показав ужасы революционных событий, порадовать соотечественников тем, «что они родились Русскими и в России»[67]. Поэтому при рассмотрении взглядов Глинки на Французскую революцию, наряду с материалами его журнала, будет целесообразным привлечь и эту книгу. Ответ на вопрос: «От чего Париж в 1788 г. почитался столицею вкуса, ума, моды и просвещения, а в 1793 г. сделался вертепом извергов и злодейства?» - для Глинки очевиден: «Причину сей чудной перемены ищите в нравах и страстях. Страсти дали роскоши власть над добродетелью, легкомыслию над рассудком; страсти в жилище вкуса и моды поселили ужас и смерть. Нравы, образ мыслей и свойства людей более всего объясняют причину всех общественных перемен»[68]. Глинка изображает следующую эволюцию нравов во Франции в XVIII в.: «При Людовике XIV еще строго соблюдали внешнюю пристойность двора, и не смели явно порицать веры и благонравия. В правление Регента самоволие и разврат сделались *модою*; при нем почитали чудом добродетельную женщину! и при нем Вольтер начал сочинять соблазнительную свою повесть о *девице Орлеанской*[69]. В это же почти время осмеяли фельдмаршала Вилара за то, что он приехал ко двору в старинной одежде»[70]. Причину порчи нравов Глинка видел в материалистической философии французских просветителей, которые на страницах его журнала именовались не иначе как «лжеумствователи осьмагонадесять столетия»[71]. С точки зрения Глинки, источник их заблуждений заключался в отвержении Бога, Веры и всего установленного божественным промыслом миропорядка. Причем они не только отверга-

ли, но высмеивали эти священные понятия. Так, Глинка с возмущением цитирует начало статьи «Бог средоточие вселенной» из «Вольтера для юношества»: «Однажды *мыши*, разговаривая между собою воскликнули: как прекрасен сей мир! Как сильна наша власть! Какой великолепный храм для нас сооружен! Сам Бог от начала вечности изрыл для нас ямы, где мы живем»[72]. «К чему в сих ничтожных видах предлагать наставления разуму и душе? Ужели к уничтожению их?» – задается вопросом Глинка, и отвечает: «Уже теперь всем известно для чего Вольтер старался осмеивать все то, что в обществе людей освящено верою: к переложению величественнейших истин на мелкия понятия, изощрял он всю силу своего воображения»[73]. Все тот же Вольтер, который, кстати сказать, среди всех французских просветителей подвергается наибольшей критике издателя, отрицая участие божественного промысла в земной жизни, заявил, что люди «подобны шарам, движимым слепым и непреодолимым роком… Вспрыгнув два, три раза… на мраморном помосте или на навозе, исчезаем навсегда, вот наш жребий»[74].

Между тем, согласно Глинке, слова, мысли и действия людей находятся в неразрывной связи, потому «привыкнув к мелким понятиям, отвыкаем от всего того, что возвышает разум и что воспламеняет душу к подвигам благородным и великим»[75]. Потому и Вольтер, уподобив людей шарам, советует не заниматься будущим, забыть о терпении, твердости духа, вере в Бога и в бессмертие души, а «переступать кое-как из одной четверти часа в другую; прыгать по воле страстей; наслаждаться мимотекущею минутою»[76]. Таким образом, «лжеумствователи» пришли к проповеди «беспредельного земного блаженства рода человеческого»[77], а следовательно эгоистического, потребительского отношения к жизни. Пытаясь «с помощью холодных, неодушевленных и мрачных умствований» привести «в точность *арифметическую* честь, любовь к Отечеству, человеколюбие, думая, что исчисля сии добродетели, заставят без всякого труда оным последовать», они «раздробили благородные и величественные чувствования души и сердца» и «заразили источники их»[78]. Эта подмена иррациональных начал рациональными привела к следующим культурным и общественным сдвигам: «Писатели говорили обо всем *отрывисто*, и *желая щеголять остроумием*, чуждались *здравомыслия*. С того времени о всех благородных и величественных побуждениях душевных и сердечных стали изъясняться краткими изречениями, которые Французы называют *фразами*. Щеголеватая речь или *фраз* сделались главным достоинством в разговорах и во всех родах сочинений… Сия зараза из разговоров о словесности перешла и в нравы:

о чем слегка говорили и писали, то и в делах, так сказать, мимоходом наблюдали. Богопочитание, вера, добродетель, терпение, великодушная и постоянная любовь к Отечеству, все сии основания обществ и Держав превратились в мимотекущие обязанности. Главное было то, чтобы блистать умом и наслаждаться минутною жизнию»[79]. Так, пожертвовав священными обязанностями каждого человека «наслаждению мимотекущею минутою» просветители пришли к проповеди «общенародного блага»[80]. Эту идею подхватили творцы Французской революции: «Робеспьеры и Мараты, вдохновленные *Вольтером* и его последователями, кричали: «Народ всеведущий, народ всевластный! Сильный правами своими, правами вольности, свободы и равенства. Не только наследственные имущества, но и труды ремесленников, все тебе принадлежит по неоспоримому праву; бери, все твое. Не щади тех, которые дерзнут воспротивиться твоим правам»[81]. Проповеди этого «мнимого равенства» привели к тому, что «скопища разбойников, изверженных адом, наполнили Францию ужасами, каких никогда не было под солнцем. В зверском неистовстве вооружились они на сограждан, на ближних; расстреливали, топили, казнили, мучили лютыми пытками и тысячами отправляли в ссылку»[82].

Глинка выделяет еще один важный фактор, предваривший революцию: «Не Английское ли правительство всегда и повсюду подкупало журналистов, чтобы они во всевозможных видах водворяли везде дух английского учения, соответственный выгодам Англичан? Герцог Дорсет… находившийся до революции во Франции посланником, был главным орудием кабинета Сен-Жамского. Несколько Английских платий дорогой цены предложены были от него придворным госпожам: они приняли их, стали носить и вскоре все преобразилось на Английскую стать, сады, кафтаны, сапоги, завтраки. Все наперерыв друг перед другом превозносили Английское правительство, Английские магазейны, Английские конторы, английскую словесность, Английские очки, в которые смотрели в театре на мрачные зрелища во вкусе английском, и проч.»[83]. Таким образом, Глинка намекает на ведение «сокровенной войны» против французов со стороны англичан. В «Зеркале нового Парижа» Глинка разражается по этому поводу следующей любопытной сентенцией: «До Генриха II короли Французские почти так же одевались, как и подданные их. Сей монарх на свадьбе сестры своей явился в шелковых чулках. Ревнители древних обычаев ужаснулись. И в самом деле Генрих III установил после придворный *Этикет*; при Генрихе IV ничто не могло обуздать роскоши. Естьлиб кто захотел написать историю от шелковых чулок Генриха II до

Английских мод, принятых Французами: тот изобразил бы всю постепенность революции»[84]. Причину «победы» англичан над французами, с точки зрения Глинки, следует искать в пропаганде космополитизма, которую проводили просветители: они «переселяли» жителей Франции «то к Ирокейцам, то к Гуронам, то к Кафрам и Готтентотам, возбуждая в них любовь ко вселенной, а ненависть к единоземцам»[85].

Страсти и разврат стали причиной революции, они же восторжествовали после ее окончания. Современный Париж, по мнению Глинки, представляет крайнюю степень нравственной, культурной и экономической деградации: «В Париже не щадят ничего, чтобы только обогатиться. Честь, совесть и в ум не приходят! У кого много золота, тот почтен и благороден»[86]. Причем «от новых богачей нет пользы ни искусствам, ни наукам. У них на уме лошади и собаки, а не люди… Хороший стол есть первое их блаженство»[87]. «В Париже нет прежней веселости и приветливости. Жители стали беспокойны и задумчивы. По виду их легко можно заключить, что они думают о долгах, и непрестанно вымышляют средства, как жить, и как из беды выпутаться. Расточительная роскошь, тщеславие и дороговизна припасов произвели бедность и нищету. И между тем всякой живет выше своего состояния, и хлопочет, как бы блеснуть одною наружностью»[88].

Таким образом, С. Н. Глинку мало интересовала сложность политических процессов, сопровождавших французскую революцию; он был безразличен к спорам между жирондистами и монтаньярами, якобинцами и эберистами, умеренными и радикалами. Существенным для него был лишь тот факт, что политической революции во Франции предшествовала революция нравственная, что просветители и явившиеся, с его точки зрения, их последователями адепты революции отвергли существование Бога и уверовали в «беспредельность человеческого разума», отреклись от всех обязанностей человека перед обществом и проповедовали «беспредельное земное блаженство» и «несбыточное равенство», променяли Отечество на абстрактное «всемирное братство». На такие последствия реализации либерального лозунга «Свобода. Равенство. Братство» указывал Глинка.

Франция и французская культура в глазах Глинки представляли источник деструктивных в общественно-политическом плане идей, поэтому одной из доминантных тем его журнала стала критика галломании русского общества. Надо сказать, что Глинка рассматривал ее в более широком контексте чрезмерного увлечения русского образованного общества западно-европейскими культурными и общественно-политическими цен-

ностями, но акцент смещал именно на влияние французской культуры, которая действительно пользовалась наибольшей популярностью среди высшего общества. Вполне вероятно, что издатель «Русского вестника» не апеллировал прямо к французскому влиянию в силу цензурных запретов и памятуя о жалобе Коленкура. Можно также предположить, что в сознании читателей, охваченных антифранцузскими настроениями, инвективы Глинки прочно связывались с негативным воздействием на русское общество именно этой нации.

«Иностранцы везде», - пишет Глинка, - «по одному имени своему преимущественно перед соотечественниками (которые, скажем мимоходом не умеют ни войти, ни поклониться, ни слова сказать), иностранцы принимаются в знатнейших домах; в присутствии их говорят о правительстве, о доходах государственных, о войске, словом о всем том, что относится к Отечеству. Гости сии вмешиваются в беседу, предлагают сперва мнения, потом судейские приговоры, и возвратясь *восвояси*, разглашают и пишут о том, что слышали и видели, а не редко и о том, чего и *слухом* не *слыхивали*! От чего же происходит сия откровенность, сие предание, так сказать, чувств и помышлений иноплеменным? От того, что они суть единственные вожди и учители детей знатных и богатых господ…»[89].

Между тем иностранные наставники убивают в своих русских воспитанниках патриотизм и чувство собственного национального достоинства. Глинка уже в первом номере «Русского вестника» в статье «Мнения известнейших русских писателей о воспитании отечественном и о иноземцах»[90] с сочувствием цитирует Н.М. Карамзина: «Никогда иностранец не поймет нашего естественного или народного характера, и следственно не может сообразоваться с ним в воспитании; никогда он с чувством не скажет слова о России, о ея героях, народной чести и не воспалит в ученике искры Патриотизма»[91]. А позже и сам издатель «Русского вестника» писал, что иностранные учителя лишены главного – «в них нет той привязанности к нему (Отечеству – Н.Л.), которая и *дым его любит*, которая слышит отдаленный голос предков, проникает в их гробы, и по добродетелям, по чистоте нравов, по святому хранению слова, судит об их деяниях»[92]. По этой же причине нельзя верить иностранцам, писавшим о России, и ни в коем случае не включать их сочинения в процесс обучения русской молодежи. Даже иностранцы, долгое время жившие в России и хорошо знакомые с русскими летописями, такие как Леклерк и Левек, не смогли создать достоверного описания России и русской истории, потому что «по чувствам своих душ, по образу мыслей своих» не «могли судить о душах, о нравах наших предков»[93]. Что уж говорить об авторах, никог-

да не видевших Россию, как например, Кондильяк и Монтескье: первый «клеветал на нравы русских», второй утверждал «будто бы до Петра I все русское духовенство пресмыкалось во мраке варварства и невежества»[94]. Глинка с сожалением констатирует, что вместо книг полезных для воспитания, именно эти вредные, унижающие национальное достоинство русских книги заполонили Россию. Так, он приводит выдержку из одного французского романа: «Петр I должен был сражаться с закоснелыми предрассудками Веры, с невежеством и проч. Словом Россия тогда подобна была семиглавному чудовищу»[95]. О последствиях распространения подобной литературы Глинка замечает: «Русский переводчик без сомнения пропустит сию ложь и клевету: но кто выскоблит оные из подлинника, и кто предохранит питомиц большого света от чтения *Французского романа*. Воображение их невольно испугается *семиглавного чудовища*, в виде которого представлено Отечество наше»[96].

Однако особенную опасность представляет популярность в России политически неблагонадежных сочинений «лжеумствователей осьмагонадесять столетия»; например, вот что писал Глинка о востребованности «зловредного» Вольтера: «Не только *Вольтер для юношества*, но все его *сто Частей* давно уже в руках питомцев модного воспитания. Единоземцы Вольтера учат их восхищаться затейливостью и легкостью его слога. Ученики вытверживают наизусть целые страницы; скоро весь Вольтер овладеет их памятью и душами; чему же русскому в них проникнуть?»[97].

Этот сюжет Глинка развивает в статье «Мысли про себя», название и стилистика повествования которой подчеркивает преемственность с ростопчинскими «Мыслями вслух». Главный герой статьи с характерным именем Иов Силантьевич Домоседов, лежа на кровати, доставшейся ему в наследство от деда (факт глубоко символичный для Глинки – Н.Л.), рассуждает: «Что проповедывают нам иноземные учители? (я не говорю о всех: нет правила без исключения). Сперва станут они уверять питомца своего, что он ошибкою родился на Руси; что природа сама не знала для чего напустила на Север такие стужи и непогоды; что родина его сотворена только для медведей, и что все его соотчичи невежды, дикари; словом, не люди. Потом, следуя похвальным правилам новой философии, исподволь и ухитряясь, так очистят ум от предрассудков, что в нем… чуть ли и названия останутся о Вере, нравах и добродетелях… как же поступают в учении? Говорят: «не надобно отягощать голову излишним, должно брать всего по-немногу; составить маленький всеобщий курс наук, особливо из тех, которые нужны для того, чтоб жить в большом свете и быть *любезным по моде*»[98].

Это еще одна важная проблема – поверхностность, пустота «модного воспитания», его ориентация на внешний эффект, благодаря которым в русском обществе утвердились ранее неизвестные понятия и явления – «бон-тон», «бомонд», «любезность», «мода» и «роскоши». Объясняя читателям эти понятия, Глинка рисует совершенно карикатурные, но от этого не менее трагические в его понимании картины. Так, чтобы придерживаться бон-тона, его современник «должен приглашен быть на все балы, спектакли… говорить не иначе как по-Французски; впрочем он увольняется от учтивости и хорошего обхождения. Женщина нынешнего хорошего тона ни к чему не должна оказывать внимания, ни любопытства; должна беспрестанно говорить, что ей везде скучно, и не пропускать ни бала, ни спектакля…»[99]. Люди же, составляющие так называемый бомонд, «не заботясь ни о благе общем, ни об отечестве, судя по расчетам самолюбия своего, порицают только, или защищают злоупотребления. Молвят слова два о новостях; берутся за карты; опять обращают речь к безделицам… так проходят дни, годы и вся жизнь бомонда»[100]. Столь же пуста и цинична распространившаяся в высшем свете «любезность», которая стремится не к воспитанию добродетелей и совершению полезных дел, но пустить пыль в глаза, произвести благоприятное впечатление. Вот изображение типичного любезного представителя высшего общества: «Князь N.N. молод, прекрасен, умен; он был в чужих краях; блистал в Парижских Societes; каждая его шутка ходит по нескольку дней по городу, и каждому из его соперников жаль, для чего не ему удалось ее сказать. Войдет ли куда, матери и дочери кричат: «как он мил, как он *любезен*». Наконец, он богат и чиновен… и что же? Этот любезный Князь поклянется в любви, в пламенной страсти тридцать раз, и обманет. Супружество считает он шуткою, предрассудком мелких умов; словом, самым смешным обрядом. Для чего же истощает он все остроумие свое, всю *любезность*? Для того, чтобы пленить, оковать сердце. Он изменит, обманет; он повергнет неопытную невинность в отчаяние; ему все простят: он *любезен*»[101].

Моды и роскоши, как утверждает Глинка, уже воздвигли в России свои «святилища» и «храмы вкуса», средоточием которых являются Кузнецкий мост и Ильинка[102]. Он подчеркивает святотатственность употребления самого слова «храм» в отношении явлений, подобных «лютым и опасным язвам общественным»[103], так как они не только подменяют истинные нравственные ценности ложными, в результате чего человек начинает оцениваться не по собственным заслугам, а по стоимости одежды, экипажа и т.д., но и вредят физическому здоровью женщин большого света. Нарушая все законы природы, светские дамы

«на смех северным бурям и зимней стуже, летают Зефирами, и легкой *модной* одежде жертвуют здоровьем, а не редко и жизнию»[104]. Причем на концертах, балах и других светских мероприятиях становится невозможным отличить мать от дочери: «От прикосновения моды расцветает старость, а молодость стареет»[105]. Это очень беспокоит Глинку в связи с тем, что «от воспитания девиц зависит главное семейственное и общественное счастье. Они причиняют величие или упадок целых поколений»[106], а «*модное воспитание*, присвояя женщинам неограниченную вольность отъемлет священное и единственное их владычество, состоящее в покорении душ и сердец, силой добродетелей супруги и матери»[107]. Так Глинка задается вопросом: «все ли матери могут быть теперь *матерями-кормилицами*?» - и заключает, что «многие из них, воспитанные по-новому, расслабевают телом и душою от самой колыбели; а притом, как расстаться с светом, модами и забавами?»[108]. Таким образом, физическая деградация старшего поколения распространяется и на младшее.

Помимо негативного влияния на нравственность российского общества, иностранное воспитание имело и экономический эффект. Глинка пытается обратить внимание читателей на то, как много «родовых и благоприобретенных поместий истребились от заразы иноплеменного воспитания, которое уничтожая в душе все отечественное; в умах злополучных жертв своих заглушает мысли даже и о собственной их пользе!»[109]. С детства наученные считать качественной и престижной только иностранную продукцию, представители благородных сословий тратят неимоверные суммы денег на иностранные «безделки» не только внутри страны[110], но и за ее пределами: «И молодые и старые все из царства в царство в запуски рыщут. За чем же старые бредут? Один ответ: к водам. Разве в России нет целительных вод, и не читаем ли мы в Истории, что Римляне ездили лечиться к Кавказским водам? Но Сарепта не Спа, а Липецк не Карльсбат: там веселее… может статься; но расплата тяжела. Бог знает, вылечится ли от телесной чахотки, а карманная как сон в руку»[111]. Иностранное воспитание также способствует снижению производительности труда: «*Роскошь* и *моды* ни по чему не свойственные Русским, истощив телесную крепость, изнурили и души. В сем бессилии мы живем не *Природой*, но *воображением*, которое влечет нас к прихотям и мечтам… Плодовитые сады превратили мы в городах и деревнях в гульбища иноземные: что же из сего вышло?.. Посмотрите на занятия городских жителей и тех, которые в деревнях хотя мало пристали к затеям роскоши и моды. Те и другие лучшие летние и весенние дни убивают за

картами»[112]. Наконец, мода с легкостью помогает достичь столь вожделенного для западно-европейских мыслителей и политических деятелей равенства: «Жан-Жак Руссо во всю жизнь изыскивал причины неравенства между людьми; *мода* каждый почти день уравнивает: богач беднеет, прислужники его богатеют»[113].

Преклонение перед иностранными модами и роскошествами создает невыгодный имидж России за ее пределами: «Многие приезжали к нам для насущного хлеба, а восвояси отправлялись блестящими *дамами*. В шутку или в истину рассказывают, что одна из сих *служительниц вкуса и моды*, уехав из стран холодного Севера, выстроила великолепный дом на наличные деньги добрых Россиян, и надписала у входа: *от щедрот Русских*. Поблагодарим за великодушие сей торговки; она и не то бы могла сказать…»[114].

Засилье иностранного воспитания оказало крайне негативное влияние на социальную ситуацию в стране. «Порабощенные» западноевропейской культурой и образом жизни, привилегированные слои объединились в «общество людей, от всех прочих сословий отличенное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России область иноплеменную»[115], совершенно чуждую простонародью, все еще живущему в рамках национальных традиций и культуры[116]. Этот мировоззренческий конфликт, с точки зрения Глинки, был чреват возможностью социально-политических потрясений, ведь оказывалась нарушенной традиционная патриархальная связь между помещиками и крестьянами, которые теперь подвергались гнету со стороны своих хозяев[117]. Все это лишь усугублялось французской военной угрозой. В то же время, «новомодное» образование таило в себе и опасность размежевания внутри самого дворянства, которое выбирало «для воспитания детей своих учителей из того или другого народа. Всем известно, что Французы и Англичане изстари во вражде между собою. Учители сии так сказать прививают питомцам свой образ мыслей, нравы, склонности; что же из этого воспоследует? Двое Русских, напитанных сими правилами, поневоле будут чувствовать один к другому какую то *народную ненависть*, не свою, но чужую. Что же будет, когда они взойдут на степени государственные? О ком станут они заботиться; о Русских ли?.. и каждый из них не повлечется ли силою привычки к тому или другому народу?»[118].

Однако Глинка замечает, что нравственная деградация, охватившая верхушку российской социальной иерархии, начинает распространяться и ниже, например, на мелкопоместных дворян[119], городских слуг[120] и даже на торгующих господских крестьян, которые оказываются воспри-

имчивы к такого рода влиянию в силу своего не вполне определенного общественного статуса. В одной из статей «Русского вестника» Глинка говорит, что «видел у одного из таких крестьян два тома Вольтеровых сочинений, конечно, совсем не нужных быть переведенными, о которых сей человек такие делал рассуждения, что нельзя было не поразиться его беззаконием. Сии самые крестьяне большую часть года ездят за своими делами по всем ярмаркам и по всем большим российским городам, редко живут дома, и часто, возвращаясь назад, вместо денег привозят развратные нравы; такой образ жизни, который не имеет уже сходства с образом жизни их семейств, испорченную кровь или болезни, вредные для деторождения: все это доказывается малым числом детей у сих крестьян… В селах торгующих крестьян находятся все нещастия, все печали, все страсти больших городов, банкруты, долги, эгоизм, зависть, злоба, стыд и отчаяние не иметь такого богатства, как его сосед… Подобно Столицам сии села служат примером для жителей других деревень, составляющих целую волость. У богатых сельских жителей, о которых я теперь упомянул деревенские перенимают их моды, обычаи, и хотя они принадлежат одному помещику и все вообще составляют одну собственность, сельский житель пренебрегает жителя деревенского и часто почитает за низость жениться на деревенской девке»[121]. Получается, что иностранное влияние фактически разрушает традиционный патриархальный уклад крестьянской жизни.

Таким образом, иностранное воспитание породило целый ряд нравственных, а вместе с ним социальных и экономических проблем, и грозит, по мнению С. Н. Глинки, крупными политическими проблемами в будущем. Особенно актуальной проблема иностранного воспитания становилась в обстановке ожидания войны с Францией, когда огромное влияние французской культуры на русское общество посредством французского образования становилось чем-то вроде «пятой колонны» внутри государства. На страницах своего журнала С. Н. Глинка предложил свою программу исправления несовершенной действительности российского общества.

§ 2. Консервативно-националистическая программа «Русского вестника».

Так как все недостатки современной ему России издатель «Русского вестника» связывал с «тлетворным» влиянием иностранного воспитания, панацею от них он нашел в «отечественном воспитании», программу которого подробно развил на страницах журнала.

«Каждый народ», - говорит Глинка, - «должен иметь воспитание, приличное первообразному его свойству»[122], потому что, с его точки зрения, «есть отличительное свойство, Богом и природой каждому народу назначенное: с изменением сего свойства удаляемся от цели бытия своего, от отечественных добродетелей, склонностей и нравов, словом от истинного счастья, представленного каждому человеку в недрах родной его страны»[123]. Причем, если первоначально «нравы и свойства» оказывают влияние на формирование системы национального воспитания, то впоследствии второе начинает определять облик первых, а так же политической системы общества[124]. Так, уже поляне, утверждает Глинка, ссылаясь на летопись Нестора, обладали такими чертами как «кротость, тихость, уважение к родству, благоговение к обычаям *отец своих*… стыдение или благонравие»[125], уже «в отдаленнейшей древности» русским были известны «две полезнейшие истины для рода человеческого: бессмертие души и воздаяние по делам, или суд Божий»[126]. Именно они составили основу русского *«особого воспитания»* и быстрого утверждения на Руси христианской веры, в свою очередь ставших «душой Русского правительства»[127]. Поэтому Глинка согласен с утверждением Руссо, что «истинное государственное хозяйство состоит в воспитании»[128], и в свою очередь заявляет, что «воспитание отечественное» составляет «могущество, верность и власть держав»[129]. Причем он не считает зазорным ссылаться на произведения одного из страстно критикуемых им французских просветителей, а именно на упомянутую нами выше работу «Соображения об образе правления в Польше», и делает это на страницах своего журнала не раз[130]. Таким образом, неверно утверждение М. Велижева о том, что Глинка «фактически… мог опереться» на это произведение, но «конечно, никогда не называя и не цитируя» его[131].

Особо следует отметить, что воспитание в трактовке Глинки представляло собой сочетание образованности и знаний с нравственностью, причем последней он отводил первенствующее место, так как знание, не подкрепленное нравственностью, могло быть использовано в деструктивном направлении[132]. Это продемонстрировало историческое развитие тех европейских стран (прежде всего, Франции), которые оказались затронуты процессом секуляризации сознания, вызванного распространением атеистической в своей основе идеологии просвещения. Глинка называет такое просвещение «мнимым», при этом принципиально важным для него является тот факт, что оно уже дискредитировано Французской революцией. В качестве антитезы Глинка вводит понятие «истинное просвещение», которое «состоит в сообразовании склонностей и страстей

наших с уставами Бога, рассудка и совести, и с устремлением оных ко благу человечества, особенно же к пользе сограждан наших»[133]. Именно такое истинное просвещение явилось основой «отечественного воспитания»[134]. Таким образом, он противопоставляет «иноземное воспитание», главной ценностью которого является рацио, и антирациональное, религиозное в своей основе «отечественное воспитание».

С организационной стороны «отечественное воспитание», по мнению С.Н. Глинки, предполагало, во-первых, исключительное внимание родителей к процессу обучения своих детей, к тому, кто, как и чему учит ребенка, причем это объявлялось их «первой обязанностью»[135]. Во-вторых, «Русский вестник» требовал подготовки русских педагогических кадров, учреждения русских училищ и пансионов, составления отечественных учебных пособий и преподавания на русском языке[136].

Что же касается содержательной стороны образовательного процесса, то его стержнем должно было стать изучение русской истории. Уже во вступительной статье к первому номеру «Русского вестника» Глинка говорил о намерении составить на страницах своего издания «новую отечественную историю: историю о добродетельных деяниях и благотворных заведениях»[137], как средоточие позитивных моделей поведения, которым родители должны были обучать своих детей. При этом решающую роль для автора имело следование традиции, опора на исторический опыт предков. Без этой опоры, с его точки зрения, невозможно благополучное развитие общества, что доказал трагический опыт «философов осьмагонадесять столетия», основывавших свои проповеди на «мечтах воспаленного и тщеславного воображения»[138].

«Бог. Вера. Отечество» - таковы, по мнению издателя, основы праотеческой нравственности[139]. Наши предки никогда не сомневались в существовании Бога, в его всемогуществе и знали, что всё в земной жизни предначертано Божественным Провидением, считал он. Явно противопоставляя «старинных русских» просветителям и многим своим современникам, Глинка утверждал, что первые «никогда не умствовали, будто бы познание видимого или вещественного мира, должно уничтожать бытие… Бога, и будто бы Тот, кто одним словом создал вселенную, ни в чем не отличается от вещества бездушного! Исповедуя Бога в простоте своего сердца они говорили, что видимое творение приводит к совершеннейшему познанию Творца, к прославлению имени его, и убеждает в том, что Бог создал мир, произвел все в нем находящееся и дал движение Твари»[140]. Поэтому в старину люди жили, следуя божественным законам и уставам Веры. Вера – краеугольный камень праотеческой нравствен-

ности. На протяжении многих веков она поддерживала гармоничное развитие Отечества. Вера, «учиняющая всех чадами Отца небесного»[141], во-первых, уравнивала всех людей перед Богом, во-вторых, превращала русское общество в братский союз. Поэтому «старинных русских» никогда не возмущало существование социального неравенства, ибо они осознавали свою причастность к высшему «християнскому равенству», т.е. все они были равны перед Богом. Существование сословной системы в российском государстве виделось им явлением таким же нормальным и необходимым, как различное положение членов в семье. Они осознавали, что «малое семейственное владычество есть образец всех других владычеств. В Державе обширной и благоустроенной все то же, что и в тесном кругу семейства. Владыка есть отец-наставник, судия и распорядитель; подданные суть чада»[142]. Эту иерархию они воспринимали лишь как частное проявление природного неравенства, установленного на земле Богом. Поэтому «всякое старшинство было для них священно»[143]. Наши предки, утверждает Глинка, осознавали, что отсутствие общественного начальства и повиновения ему угрожает стабильности и безопасности государства. Поэтому русские люди всех сословий, как любящие и послушные дети, служили своим монархам-отцам. Монархическое государство они считали единственно возможным и легитимным, а потому «лучше желали умереть, нежели жить самоуправно и без главы законной»[144]. В свою очередь, русские государи «могущества своего не отделяли от щастия и великости своего народа», равно заботились обо всех сословиях[145], «старались о распространении правил необходимых для счастия человеческого и гражданского»[146]. Их отеческая опека над народом подавала пример нравственного взаимоотношения с подданными всем представителям высших сословий. Потому русские бояре и дворяне были любящими, милосердными отцами своим подчиненным[147], они «учреждали общенародные празднества, угощения и сближались с простолюдимством, не умаляя ни сана, ни достоинства своего»[148]. Таким образом, в концепции Глинки Вера являлась основой особого социального порядка праотеческой Руси.

Этот порядок воспроизводился благодаря тому, что Вера составляла основу праотеческого воспитания, ибо оно базировалось на священных и духовных книгах[149]. Обучением своих детей занимались родители, которые сообщали своим питомцам знания, прежде всего, о родной стране, свято чтимые «праотеческие предания», словом все, что возбуждало в молодом поколении патриотические чувства[150]. «Любовь к Богу, к ближнему и к Отечеству» составляла «нравственное воспитание»[151].

Оно дополнялось «воспитанием физическим», заключавшимся в том, что предки «жили сообразно природе, употребляли здоровую, простую и отечественную пищу: привыкали с младенческих лет к трудам и непогодам»[152]. Отечественное воспитание готовило наших предков к «бытию гражданина», который жертвует своим частным благом ради общего, т.к. понимает, что первое без второго невозможно[153].

Особое внимание Глинка придает тому факту, что праотеческое воспитание было общенародным, т.е. одинаковым «для земледельцев от сохи, и бояр от теремов княжеских»[154]. Причем Россия – единственная и «в древних», и «в новых областях» страна, где с момента принятия христианства воспитывались не только привилегированные сословия, но и простолюдины[155]. В результате в старой России не существовало того культурного разрыва, который Глинка видел в настоящем, и «голос России для всех... был равно понятен»[156]. Поэтому, как утверждает издатель, в старину представители верхушки общества не презирали простой народ. Руководствуясь нормами христианской морали, учившей, что «душа превыше всего»[157], наши предки оценивали человека не по богатству и чинам, а по его личным достоинствам и заслугам. Потому вышестоящие по социальной лестнице не боялись признать выдающихся качеств нижестоящих. Яркой иллюстрацией Глинка считал события Смуты, когда простой купец Минин возглавил дворянские дружины[158]. Не зная ни «мод», ни «роскошей», представители всех сословий вели одинаково простой образ жизни, были скромны и умеренны в своих желаниях, и все необходимое находили в своем Отечестве. Так, издатель утверждает, что даже русские цари «жили почти в таких же домах, как и подданные их»[159]. «Старинные русские» знали цену нажитому их предками имуществу, потому не спускали его на ветер, а были очень бережливы: «Платье прадеда переходило к правнуку»[160]. Не расточительные на предметы материального мира, наши предки обладали исключительной духовной щедростью. К ней Глинка относил милосердие, сострадание, гостеприимство и т.д. Например, в одной из статей Глинка рассказывал о том, как, узнав, что его подданные стали менее гостеприимны, царь Иван Васильевич Грозный облекался в рубище и «посещал отдаленные хижины», «стараясь чрез то восстановить в земле Русской гостеприимство»[161]. Квинтэссенцией всех этих качеств издатель представлял благотворение, то есть всемерную помощь ближним, прежде всего, слабым и неимущим.

Глинка утверждает, что благотворительной деятельностью занимались все слои населения[162]. Особое же внимание издатель уделял благотвори-

тельной деятельности российских монархов. Видимо, таким образом он пытался произвести наибольший эффект на своих современников. Так, Михаил и Федор Романовы, писал Глинка, «не только с добрыми гражданами делились доходами и царским своим имуществом, но простирали отеческое попечение еще и на законопреступников»[163]. «Простота нравов, уважение к старости, стыдливость, истинная чувствительность, изъявляющаяся в спомоществовании несчастным, гостеприимство, откровенность, дружелюбие»[164] - таковы в общем виде черты национального характера русских, также сформированные религиозным мировосприятием.

Таким образом, Вера, которую Глинка считал основой особой «Русской нравственности»[165], являлась источником «единодушия и единомыслия» русского народа[166]. Эти две силы обеспечивали крепость и гармоничность общества и государства в допетровской России. Такое государство, как доказывает Глинка, могло противостоять любой внешней опасности: оно выстояло в период татаро-монгольского нашествия[167] и в Смутное время[168] (эти, и вообще все «темные» моменты отечественной истории издатель считал следствием забвения некоторыми членами общества «уставов Веры»; но они были исключением и преодолевались благодаря тому, что все остальное население оставалось верным праотеческой нравственности [169]).

В рамках своей концепции исторического прошлого России Глинка воспроизвел утопическую модель общественного устройства. Его идеалом было сильное монархическое государство, интересы которого стояли выше интересов отдельной личности, но одновременно выступали и гарантом последних. Все социальные отношения в этом государстве уподоблялись отношениям семейным. В результате государь выступал не просто как глава своего народа, но как его любящий отец, неустанно заботящийся о благе своих подданных; последние, в свою очередь, должны были выступать как его послушные и преданные дети. В эту же схему Глинка укладывал все отношения начальства-подчинения. Иерархическая структура общества отводила каждому его члену четко и справедливо определенные в соответствии с его социальным статусом права и обязанности. Благодаря их выполнению, государственный механизм должен был действовать без сбоев, т.к. каждая его деталь работала на «общее благо». Это общество могло не опасаться возможности социальной напряженности, ибо регулятором взаимоотношений между людьми выступала общая для всех христианская мораль. Таким образом, эта модель имела отчетливо выраженную нравственную природу и утверждала господство

над миром нравственных законов. Издатель «Русского вестника» надеялся, что достоинства этой «азбуки общежития», якобы доказанные опытом прошедших столетий, вызовут желание его соотечественников претворить данный идеал в современности.

Концепция русской истории, предложенная С. Н. Глинкой в «Русском вестнике», была сильно мифологизирована и идеализирована. Сам издатель, исходя из дидактического назначения истории, считал это вполне оправданным: «Мысленное начертание добродетельных и верных сынов Отечества не есть *обман*, - писал он – но *желание*, чтобы вместе с описанием их дел, и изображение их лиц переходило в потомство»[170]. При этом не стоит забывать, что исторические статьи Глинки базировались на обширной источниковой базе: в «Русском вестнике» были опубликованы рукопись о Задонском побоище[171], «Поучение детям» Владимира Мономаха[172], отрывки из Кормчей книги[173], многочисленные документы эпохи Смуты[174] и царствований первых Романовых[175] и др.[176] Своеобразным было авторское толкование этих материалов. С. Н. Глинка разделял «ученую критику» и «нравственное рассмотрение» исторического источника, и если первая акцентирует внимание на фактической достоверности документа, то второе «вникает в деяния, от которых зависит благо или вред общественный; оно изыскивает причины твердости нравов, силы добродетелей, прочности законов и единодушия народного»[177]. Сам Глинка руководствовался принципом «нравственного рассмотрения» источника. Поэтому принципиально важен характер идеализации им российского прошлого, т.к. добродетели, которые Глинка приписывал предкам, были очень созвучны с теми ценностями, которые он усвоил в кадетском корпусе благодаря изучению античной истории и европейской литературы. Хотя сама публикация документов по русской истории должна была опровергать точку зрения иностранных авторов, видевших в допетровской России варварскую страну и отстаивать тезис о самобытности и богатом историческом прошлом русской культуры, издатель не смог скрыть своей зависимости и своеобразного комплекса неполноценности в отношении западно-европейской культуры. Это выражалось в постоянном сравнении каких-либо фактов или явлений российского прошлого с аналогичными данными из западноевропейской культуры. Так, древние русские стихотворения Глинка уподобляет «поэмам Оссияновым и старым Французским балладам», и в тех и в других, с его точки зрения, изображены одинаковые добродетели, «которые хранят и подкрепляют общества»: «человеколюбие, правота, защищение слабого и невинного от хищной и сильной руки;

гостеприимство, богобоязненность, нежность, сострадание к злополучию, и усердие к Отечеству»[178]. А педагогические методы воспитателя Петра I Зотова, по мнению Глинки, предвосхищали соответствующие теории Э.Б. де Кондильяка, И.Г. Песталоцци и Ж.-Ж. Руссо[179].

Следующим обязательным условием «отечественного воспитания» было преподавание на русском языке, проблема, которая в начале XIX в. выходила за рамки чисто лингвистической. Спор между сторонниками «старого» и «нового» слога, или архаистами и новаторами, по общему признанию исследователей, носил мировоззренческий характер, касаясь широкого круга общественно-политических проблем[180]. Начало его условно можно отнести к 1792 г., когда впервые была опубликована знаменитая повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». Посвященная любви простой крестьянской девушки и написанная ясным, доступным, простым языком, она положила начало новому сентиментальному направлению в литературе, а его лидер Н.М. Карамзин вскоре приобрел множество подражателей. Однако для некоторых литераторов «несерьезный, легкий» карамзинский подход, ориентированный на западные, прежде всего, французские образцы, оказался неприемлем. Взгляды этой группы выразил А.С. Шишков в вышедшем в 1803 г. «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка»[181]. А.С. Шишков и его сторонники рассматривали язык как субстанцию, которая предопределяет миросозерцание человека. С их точки зрения, в природе, строе и духе национального языка содержится освященный национальной историей и традицией комплекс нравственных устоев, который автоматически вместе с языком вливается в сознание носителя и приводит его к определенным мыслям и поступкам, соответствующим духу нации[182]. Таким образом, в их критике карамзинистов речь шла не только о стремлении последних усвоить западную, прежде всего, французскую словесность, но и о неизбежно сопровождавшей этот процесс переориентации русского общества на французские культурно-поведенческие модели и игнорировании национальной культурно-исторической традиции[183].

С. Н. Глинка примыкал к стану шишковистов. Однако вопросам языка С. Н. Глинка не отводил такого значительного места, какое они занимали в произведениях А. С. Шишкова. Если последний рассматривал язык как центральный элемент национальной культурно-исторической традиции, то для Глинки таким элементом было «отечественное воспитание», как средоточие и транслятор культурных, нравственных, общественно-политических ценностей, созданных конкретным народом за историю его существования; а национальный язык выступал лишь как одно из его

звеньев. Тем не менее, Глинка разделял взгляды А. С. Шишкова на роль языка в общественной жизни, поэтому его также волновала проблема повального увлечения русского образованного общества иностранными языками, когда «неусыпно занимаясь иностранными наречиями и не выезжая из России, мы живем и воспитываемся, как будто бы в земле иноплеменной»[184]. Глинка имел в виду не только языковые вопросы: в соответствии с шишковистской языковой концепцией, чтение иностранной литературы и переводов оборачивалось превращением русской действительности в «*перевод* [здесь и далее курсив С. Н. Глинки – Н. Л.] мод, дел и умствований иноплеменных»[185]. Речь шла, прежде всего, о французском языке, который в обиходе русской аристократии той эпохи совершенно вытеснил родной язык. Поэтому, пытаясь вернуть своих читателей к отечественному языку, издатель «Русского вестника» не просто указывал на его достоинства, но делал акцент на его превосходстве перед французским языком.

Примечательно, что решая этот вопрос, шишковисты исходили из сформулированного просветителями, прежде всего Ж.-Ж. Руссо, представления о том, что более совершенным является тот язык, который «естественнее», ближе к «Природе»[186]. Таким и представлялся им отечественный язык, и его «природность» они рассматривали с нескольких сторон. Во-первых, отечественный язык «образовался сам собою» или «сам из себя», то есть явился творением природы, а не человека[187]; с момента своего возникновения «изобилен был и богат, но еще более обогатился красотами, заимствованными от сродного ему Эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие Христианские проповедники»[188], т.е. лингвистическими достоинствами создавшей высокую культуру античной греческой и высокую нравственность византийской православной цивилизаций. Французский же язык «изник из развалин языка Латинского, который пал от развращения нравов народа на нем говорившаго»[189]. Подобное «низкое» происхождение французского языка во многом объясняло для архаистов истоки революционных событий в этой стране, следовательно «высокая» природа языка русского означала соответствующие перспективы развития России.

Второй аргумент А. С. Шишкова и его сподвижников в пользу «естественности» отечественного языка – это обилие в нем сложных слов, т.е. слов с проясненной внутренней структурой. Таким образом, связь знака с денотатом в нем оказывалась более непосредственной. Согласно архаистам, такой язык как бы преодолевал условную природу челове-

ческого языка. Как убедительно показывает Л.Н. Киселева, это положение языковой теории архаистов было генетически связано с идеями Руссо, для которого «условная природа языка предопределяет человеческую ложь, а искренность связана с отказом от всякой условности, в том числе языковой. Развивая эту идею Руссо, «старшие архаисты» пишут о том, что языковая условность разрывает непосредственную связь между словом и действием, поступком, дает возможность, говоря одно, делать другое»[190].

С.Н. Глинка развивает этот тезис. С его точки зрения, вторжение французского языка в русский выражается не только в заимствовании французских слов, но и в изменении значения русских. Например, в статье «Нравственное объяснение некоторых слов и речений» он говорит, что слово «равнодушный» изменило свое значение с «равный, сходный душою» на «хладнокровный», а «утонченный» с отрицательного значения, производного от «умаления», приобрело значение положительное – «приятный, изощренный учением хороших образцов»[191]. Подобные метаморфозы отражаются в нравах общества: «С изменением значения слов изменяются и понятия; слова тесно соединены с мыслями, а мысли с делами. Что же воспоследует, если каждое столетие и полустолетие, *слова, понятия* и *деяния* наши будут изменяться; наконец, если каждый год и каждый месяц, будем *образовываться* по прихотям вкуса и мод заграничных?»[192].

Понятно, что влияние «безнравственного», «условного» французского языка автоматически ведет к порче нравов. В этом контексте Глинка подчеркивает «природность» и «естественность» русского языка в том смысле, в котором его понимали в лагере А.С. Шишкова: «Мы из двух или трех имен составляем одно, и тем самым не простое воспоминание вещи возбуждаем в памяти, но и образ ее представляется воображению: *сладкогласный, самодержавный, великосердый, громоносный* и проч…. Такого стихотворного соединения не терпит язык французский»[193]. Этот акцент усиливается введением антитезы: Глинка не просто говорит о бедности французского языка, но и ссылается на соответствующее мнение наиболее популярных в России французских просветителей. Так, в статье «Вольтерово рассуждение о бедности французского языка» он приводит следующее высказывание этого мыслителя: «Все доказывает варварство щеголеватого Французского языка»[194]. В этой же статье приводится мнение Вольтера о греческом языке, который он называет изящнейшим именно в силу обилия сложных слов. Глинка комментирует это следующим образом: «Тоже можно сказать и о Русском языке, присовокупляя к

тому, что красоты оного усугубились богатством, занятым от Греческого слова»[195]. То есть, издатель «Русского вестника» признает и первый из указанных постулатов последователей А.С. Шишкова. Однако взгляды Глинки обладали некоторой спецификой.

В отечественном языке А.С. Шишков выделял два слога или наречия: церковно-славянский язык, который посвящен важным предметам (это слог Священного Писания, торжественных од и пр.), и русский язык, на котором разговаривают и пишут тексты более простые (фольклор, сатиры и пр.). При этом он отталкивался от ошибочного с историко-языковой точки зрения положения о том, что церковно-славянский язык был «корнем и началом» российского языка, и именно через церковно-славянский язык русский обогатился красотами греческого слова[196]. Глинка же в одной из статей «Русского вестника» за 1810 г. осмелился утверждать «еретическую» для архаиста мысль об историческом первенстве и самостоятельном существовании русского языка независимо от церковно-славянского: «Славянский язык в сродстве с Русским… *Какой же был старинный Русский язык, и не осталось ли от него хотя некоторых следов?* К счастью песнь о полке Игоря разрешает хотя отчасти сей вопрос; в ней находим свидетельство о коренном Русском слове»[197]. Можно согласиться с мнением Л.Н. Киселевой, отметившей здесь влияние на Глинку языковой позиции главы противоборствующего литературного лагеря Н.М. Карамзина. Согласно мнению этой исследовательницы, Глинка в этом пассаже фактически воспроизводил следующее высказывание лидера «новаторов»: «Авторы или переводчики наших духовных книг образовали язык их совершенно по Греческому… изменили первобытную чистоту древнего Славянского. *Слово о полку Игореве*, драгоценный остаток его, доказывает, что он был весьма отличен от языка наших церковных книг»[198]. Интересно, что о Н.М. Карамзине Глинка на страницах своего издания упоминал с не меньшим пиететом, чем об А. С. Шишкове.

На рубеже 1810-1811 гг. вышли две значительные работы А. С. Шишкова – брошюра «Рассуждение о красноречии священного писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно…» и книга «Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки: а) Разговор I. О правописании; б) Разговор II. О русском стихотворении», в которых он развивал основные положения своей лингвистической теории[199], и их появление ознаменовало новый виток полемики между «архаистами» и «новаторами». В пятом и седьмом номерах «Русского вестника» за 1811 г. были напечатаны «Выписки из

разговоров о словесности, сочиненных А.С. Шишковым», которые Глинка снабдил своими сочувственными комментариями[200]. Видимо, результатом размышления над ними можно считать статью «Замечания о языке славянском и о русском или светском наречии», появившуюся в том же седьмом номере «Русского вестника» за 1811 г. С.Н. Глинка осознавал идентичность своей общественно-политической позиции взглядам членов уже появившейся к этому времени «Беседы», как и то, что его схема развития русского языка выходит за рамки шишковистской системы и никак не согласуется с утверждением Шишкова, согласно которому славянский язык является корнем и началом языка русского. Поэтому Глинка попытался оправдаться: «Может быть *светский язык* неправильно назвал я *коренным словом*. Но если и погрешил я в том, то еще повторяю, что отнюдь не помышлял отделить Русского языка от Славянского»[201]. Пытаясь согласовать эти утверждения, Глинка заявляет: «Договоры Олега… предшествовали у нас преложению духовных книг: следственно *язык* или *слово светское* предварило *слог духовный*. В тех *договорах чистый язык* Славянский ибо нет ни одного иностранного слова»[202]. Таким образом, «коренной язык» - язык, лишенный заимствований из чуждых по духу иностранных языков. В этом смысле – «по духу» - русский и славянский – это один язык.

Однако, вслед за Шишковым, Глинка уточняет, что они составляют «два наречия, нераздельные по сродству, но различные по употреблению»[203]. Он предлагает следующую концепцию развития русского языка: «старинный» или «коренной» русский язык, который «служит к разговорам, к изображению мыслей и к начертаниям Природы»[204], существовал до принятия христианства, о чем свидетельствуют договоры русских князей с греками; он сохранился и после крещения Руси, это доказывает «Слово о полку Игореве», которое Глинка трактует как памятник светской литературы[205]. Первое вторжение «чужеязычия» произошло при переводе греческих книг, после которого можно говорить о существовании русского и славянского (церковного) языка. Причем Глинка рассматривает этот языковой симбиоз именно как вторжение, в чем опять же близок к позиции карамзинистов, считавших церковнославянский язык особым, которому надо учиться как иностранному, а славянизмы – заимствованиями, которые надлежит устранить из «чистого» русского языка[206]. Зато «под игом Татар, Славянский язык, охраняемой благочестием и Верою, пребыл неизменен и непоколебим: Русский начал заражаться чужеязычием»[207]. «Со времени тесного сближения России с Европою» пострадали оба языка: «Русский слог затмили чужеязычием; в язык Славянский на-

чали вносить речи, величию его несвойственные»[208], хотя русский язык, безусловно, «пострадал» больше.

Таким образом, примыкая к лагерю А. С. Шишкова в языковой полемике начала XIX в., Глинка отличался и некоторой самостоятельностью взглядов, приближавшей его к противоборствующему лагерю во главе с Н.М. Карамзиным. Глинка был солидарен с Шишковым по вопросам о роли лингвистических заимствований и их влиянии на развитие русского языка, о красоте, богатстве и преимуществах русского языка перед французским, о функциональном предназначении различных слогов отечественного языка. Вместе с тем, он гораздо менее тенденциозен в своих лингвистических взглядах. Так, откровенно идеологизированное утверждение Шишкова, что «корнем и началом» российского языка является церковно-славянский, для главы архаистов означавшее установление преемственности с православными ценностями, было вначале отвергнуто Глинкой. Основываясь больше на знакомых ему исторических источниках и фактах, нежели движимый своими идеологическими убеждениями, Глинка первоначально занял позицию более близкую карамзинистам и настаивал на историческом первенстве светского русского языка. Однако в пору очередного обострения полемики в 1811 г., которое нагнеталось предчувствием событий 1812 г., ему пришлось окончательно определиться со своей позицией в этом споре и полностью согласиться с концепцией Шишкова, к лагерю которого он, несомненно, принадлежал по своим общественно-политическим позициям. Хотя, на наш взгляд, это согласие было скорее дипломатической мерой, нежели реальным признанием правильности позиции Шишкова. В любом случае, первостепенное значение для издателя «Русского вестника» имело возвращение своих соотечественников, говоривших по-французски, к «истинному» источнику нравственности - родному языку.

С помощью «отечественного воспитания» читатели «Русского вестника» должны были вернуться к традиционным для России нормам поведения и жизни в обществе. Важнейшей из них было исполнение своей «должности», то есть заложенных в социальном статусе каждого человека обязанностей, которым соответствовали и определенные права. С точки зрения Глинки, каждый человек должен трезво оценивать свои силы, недостатки, достоинства и характер общения с другими людьми – с тем, чтобы «узнать назначение твое в сем мире, цель и должности жизни твоей»[209]. Исполнение своей должности было основой сохранения стабильности общественного порядка. Глинка утверждал, что все социальные потрясения были вызваны нарушением общественных границ и соответствующих каждому сословию обязанностей. Так, стрелецкие бунты кон-

ца XVII столетия, с точки зрения Глинки, были инициированы тем, что стрельцы оказались допущены к торговым промыслам, «несвойственным оборонителям Отечества», вследствие чего «прилепились к алчбе, буйству и своеволию»[210]. Поэтому «Русский вестник» С.Н. Глинки последовательно отстаивал необходимость сохранения жесткой иерархической структуры российского общества.

Издатель не ассоциировал ее с социальной несправедливостью и угнетением податных слоев населения на фоне процветания высших сословий. На страницах своего журнала он в законченном виде сформулировал один из стержневых принципов зрелой консервативной идеологии – принцип иерархии, как регулятора требований, предъявляемых каждому члену общества в зависимости от его социального статуса: то есть, чем выше положение человека, тем выше его ответственность и шире круг его обязанностей[211]. Получалось, что различное положение сословий нивелировалось степенью долга и ответственности, которую несли на себе привилегированные слои. Соответственно, самой сложной должностью являлась должность монарха, который, согласно патриархальной модели общественного устройства С.Н. Глинки, был отцом всего народа и «примером своим учреждал нравы и мнение общественное»[212]. Потому значительное место в «Русском вестнике» было отведено проработке «должности» государя и образов русских государей. В статье «Свиток Вадима Храброго» Глинка подробно описал образ идеального главы государства: «Слава Государя основана на счастье народа; власть его утверждается в сердцах подданных. Дух великого Государя возвышается величеством его сана; он имеет великие намерения и предприемлет подвиги, достойные его власти. Он созывает мужей мудрых на совет, выслушивает с благоволением их мнения и с благодарностью следует их совету. Он умеет разбирать достоинства своих подданных, и каждого употребляет по его способности. Бояре его мудры, судьи справедливы, воеводы храбры, народ послушен и верен. Владыка, сими качествами украшенный, ободряет и распространяет торговлю, покровительствует художества и науки; с людьми искусными обходится милостиво, производит в душах их благородное соревнование, и трудами их прославляется его владычество. Предприимчивость купца, распространяющего торговлю; трудолюбие земледельца, питателя государства, искусство художника, любомудрие в науках упражняющегося, все сие животворится и ободряется милосердием и щедротою его.

Великий Государь созидает новые грады, заселяет земли, до сего впусть лежавшие, соединяет реки и моря рвами, строит корабли, укре-

пляет пристани; народ его обогащается, и сила Государства ежедневно возрастает. Он издает мудрые законы и учреждения; подданные его пользуются трудами плодов своих в безопасности; всякого имущество для него есть свято и ненарушимо; счастье его народа состоит в исполнении закона; на суде он правдив и милостив; извиняет слабости, но не щадит злодейства; слух его всегда отверст к жалобам народа: он укрощает притеснителей его.

Подданные почитают сего Государя отцом, взирают на него с любовью и почтением, и благословляют содетеля их благополучия. Между Государем и народом рождается взаимная доверенность; не слышен глас ропота и неудовольствия. Враги не смеют ввести подданных его в возмущение, готовых жертвовать последнею каплею крови своей. Мужество, верность и любовь составляют недремлющую стражу его Державы: от взора их с трепетом убегает враждебное злоумышление. Мир и спокойствие процветают внутри Государства; благодарность народа и слава предстоят лицу владыки»[213]. И еще одна важная характеристика образа идеального монарха заключалась в следовании национальным традициям во всех сферах общественной жизни - «в соображении деяний и учреждений своих с духом и коренными свойствами народа»[214].

С точки зрения С. Н. Глинки, все российские монархи соответствовали этому образу. Таковы представленные на страницах «Русского вестника» портреты Александра Невского[215], Владимира Мономаха[216], первых царей династии Романовых[217] и др. Однако наибольшее внимание уделялось монархам, с деятельностью которых были связаны ненавистные издателю европеизация России и пропаганда просветительских идей, - Петру I и Екатерине II. Вероятно, этот выбор можно объяснить тем, что в глазах современников Глинки фигуры этих монархов имели статус национальных икон, а потому назидательный потенциал их образов был максимально высок. С другой стороны, именно обращение к ним как представителям национальной традиции давало Глинке возможность проигнорировать неудобный для него факт коренного отличия Московской Руси от Петербургской России и таким образом рассматривать современное ему государство как прямого наследника политического строя допетровской Руси.

О важном месте фигуры Петра I в консервативно-националистической концепции С.Н. Глинки свидетельствует уже то, что статья о первом русском императоре следовала сразу за вступлением к первому номеру «Русского вестника»[218]. В ней автор обозначил все основные штрихи образа Петра I, которые в дальнейшем более подробно прорабатывались на

страницах журнала. Прежде всего, Глинка отступал от традиционной для XVIII в. трактовки императора как преобразователя России, открывшего новую страницу в отечественной истории. Петр позиционировался как продолжатель славных дел Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана IV, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, то есть оказывался вписан в русскую культурно-историческую традицию[219]. Глинка объяснял это тем, что будущий *русский* царь получил «истинное *русское* воспитание», идущее со времен Владимира Мономаха и основанное на любви к Богу, к ближнему и к Отечеству[220]. В строгом соответствии со взглядами издателя, воспитанием Петра занималась его мать – царица Наталья Кирилловна, являвшая сыну лучший пример добродетели и приобщавшая его к «деятельному благотворению». Глинка часто рассказывал читателям о том, как Наталья Кирилловна обходила со своим подрастающим сыном все святые места, пытаясь привить ему глубокое религиозное чувство[221]; о том, как она всю жизнь помогала нуждающимся, и Петр, подражая примеру матери, собственноручно изготавливал дорогостоящие вещи, продавал их и раздавал полученные деньги в тюрьмы, больницы и беднякам[222]. Взойдя на престол, Петр получил возможность распространить свою благотворительную деятельность на все население страны. Таким образом, благодаря примеру своей матери, сама фигура которой в материалах журнала отождествляется с ценностями Московской Руси[223], Петр сформировался как высоконравственная, гуманная личность и усвоил бесценный нравственный опыт предков.

Обучением Петра конкретным наукам занимался «отечественный наставник» - Никита Зотов, которого Глинка представляет выдающимся педагогом, всерьез утверждая, что его воспитательная программа не уступала и во многом предвосхитила педагогические теории Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, и Э.Б. де Кондильяка[224]. Именно Зотов, наряду с информацией, касающейся России, сообщал своему ученику о новейших иностранных достижениях во всех сферах государственного устройства, в области военного дела, науки и техники. Полученное юным Петром образование представляло собой удачный, с точки зрения Глинки, синтез выборочной информации о действительно полезных изобретениях зарубежных, прежде всего, западноевропейских стран, и исконно русских традиций служения ближним и Отечеству. Таким образом, неукоснительная реализация всех принципов «отечественного воспитания» подготовила Петра к образцовому исполнению «должности» монарха, который «забывая личность свою, нигде не забывал подданных», «жил Отечеством и для Отечества»[225].

С.Н. Глинка оригинально интерпретировал государственную деятельность Петра Великого. Так, он полностью игнорировал факт проведения в его царствование крупномасштабных политико-административных реформ. Внимание издателя привлекали лишь некоторые направления его деятельности. Во-первых, внимательность Петра к крестьянам, его забота об их благосостоянии. Правда, Глинка никогда не представлял конкретных доказательств такой заботы, а ограничивался патетическими восклицаниями вроде следующего: «Ни в какое время не забывал Он хижин поселян, пашен и трудов их»[226]. Зато, следуя своим умозрительным построениям, Глинка рисовал перед читателями идиллические картины, в которых великий монарх посещал крестьянские хижины, сидел за одним столом с их жителями и угощался пищей простого народа[227]. Именно в таких сюжетах Петр воплощал базовые образы модели Глинки: он изображался как добрый, любящий отец своих подданных, как человек, вполне осознавший краеугольный для издателя принцип «християнского равенства» и не признающий социальных барьеров. Что же касается реального тяжелого положения крестьянского населения в петровский период, то его Глинка обходил стороной.

Во-вторых, концептуально важным для Глинки было уничтожение Петром Великим последних остатков местничества и выдвижение на первый план принципа личных достоинств и заслуг человека. Таким образом, при сохранении иерархической структуры общества, без которой, по мнению издателя, государство обязательно погрязнет в произволе и анархии, значительно повышался уровень социальной мобильности: теперь любой россиянин, обладавший выдающимися талантами в какой-либо сфере, мог занять в ней высокую должность, вне зависимости от своего происхождения. Это продемонстрировали судьбы А. Д. Меншикова, П. П. Шафирова и других сподвижников Петра, но особенно поучителен, с точки зрения Глинки, опыт самого государя, прошедшего через все ступени воинской службы[228].

Третья заслуга Петра I, отмеченная издателем «Русского вестника», - создание регулярной армии и военно-морского флота. Эти мероприятия потянули за собой целую цепочку других преобразований. Особое значение Глинка придавал становлению «отечественной промышленности», которую Петр называл «душой Государства»[229], «первым источником благоденствия общественного»[230]. Рассматривая этот вопрос, Глинка акцентировал в Петре ценное, с его точки зрения, качество – способность восторжествовать «над предрассудком, будто бы властителям народов стыдно и унизительно быть людьми»[231], «оставить престол и окружавшее

его великолепие», снизойти до положения простого плотника и «странствовать по свету единственно для пользы своих подданных»[232]. Подобная интерпретация Петра опять же соответствовала принципу высшего «христианского равенства». Причем умение не только повелевать, но и повиноваться, когда того требуют нужды государства, с точки зрения Глинки, является продолжением семейных добродетелей Петра, который был «покорным» и «нежнейшим сыном попечительной и богобоязненной матери», во всем следовавшим ее наставлениям[233]. А на «службе» монарха он был таким же простым работником, как и все его соотечественники, с тем только отличием, что последние трудились на какой-то одной стезе, а Петр должен был вникать во все вопросы государственной жизни. Так, занимаясь становлением отечественной промышленности, он лично обучал ремесленников тому опыту, который приобрел в Европе[234], вникал во все вопросы, начиная от выбора подходящего сырья и заканчивая проблемой рабочей силы. Параллельно привлекал для работы на вновь создававшихся фабриках и мануфактурах «праздношатающуюся нищету» и, таким образом, «малолетним преграждал путь к разврату», а «взрослым доставлял труд и пропитание»[235]. То есть мудрый «Государственный Хозяин», наряду с экономическими, разрешал проблемы социально-нравственного характера.

Затрагивая тему преобразований Петра I, С. Н. Глинка не мог обойти стороной факт европеизации России, произошедшей в петровское царствование и, с точки зрения Глинки, явившейся отправной точкой всех бед современного ему российского общества. Тем не менее, издатель нашел аргументы для оправдания Петра. Прежде всего, почти во всех статьях, где так или иначе затрагивается тема петровских преобразований, Глинка отстаивает право императора, как и любого другого человека, на ошибку[236]. Стараясь благоустроить Россию с помощью полезных западных нововведений, Петр, по убеждению Глинки, не видел в своей деятельности решительно никакой угрозы. И это должно полностью оправдывать монарха в глазах его потомков.

Глинка доказывает невиновность Петра I, отталкиваясь от тезиса, что все его преобразования были направлены вовсе не на то, чтобы «исторгнуть Россию из России; но чтобы укрепить и вознести её в ней самой»[237]. Так, приглашая в свое Отечество иностранных специалистов в области промышленности, военного дела, образования, Петр желал лишь того, чтобы они обучили своему искусству его подданных, искренне надеясь, что трудолюбивые и ревностные к общему благу русские люди скоро превзойдут успехи европейцев, следовательно, нужда в их услугах ис-

чезнет[238]. Объясняя петровские новации в светской жизни российского общества, Глинка то утверждал, что это была попытка проучить французов, считавших жителей России «медведями» и «неуклюжими увальнями»; то – расценивал как меру, направленную на сближение «спесивых бар»; а то и просто как «комедию»[239].

Согласно Глинке, Петр I имел полное моральное право надеяться на благоразумие и духовную стойкость своих соотечественников, так как сам якобы являл им пример высоконравственного поведения и обладал всеми истинно *русскими* добродетелями: скромностью, умеренностью, трудолюбием, бесстрашием и т.д.[240] Но особый акцент делался на ревностном Богопочитании Петра и его уважении и приобщенности к прошлому своей страны, к «праотеческой нравственности». Зная, что «ни природа, ни общество не могут существовать без воли и *разумения Всемогущаго*», что «Бог движет и учреждает вселенную»[241], Петр за все свои достижения и победы благодарил Всевышнего[242]. Преклонение царя перед славной историей своей Родины, перед нравственностью и духовностью своих предков Глинка доказывает благоговейным отношением Петра к выдающимся историческим деятелям России («В бытность свою в Нижнем Новгороде, подходил он с благоговением ко гробу гражданина *Косьмы Минина;* в граде им самим основанном, с чиновниками своими встречал на Неве пренесение мощей *Александра Невского*»[243]); вниманием к «вековой опытности» русского народа, заключенной, например, в пословицах[244], которые Петр довольно часто цитировал. Таким образом, созданный Глинкой образ Петра I укоренен в традиции.

Принципиально важным для Глинки является тот факт, что все эти качества Петр обрел до своей поездки за границу в составе Великого посольства, и праотеческая нравственность составила своего рода иммунитет против «тлетворного» западного влияния. Это дало издателю возможность по-новому интерпретировать характер путешествия императора: «протекая чужеземные страны, Петр поучал народы и царей»[245] истинной нравственности, а не только обучался ремеслам. М. Велижев в связи с этим утверждает, что своим описанием великого посольства Петра Глинка «отвергал идею изоляционизма России. Путешествие Петра за границу, в ходе которого он обучил европейцев добродетели, становилось моделью для любого дальнейшего общения россиян с иностранцами. Отделенность России от Европы преодолевалась за счет смены актантов в дихотомии влияние/восприятие. Россия, по мысли Глинки, влияла на Европу, а та воспринимала через Петра пример истинной нравственности»[246].

Наиболее ярко иллюстрирует это положение статья «Разговор Петра Первого с Анною, Англинскою королевою», появившаяся в четвертом номере «Русского вестника» за 1810 год[247]. Статья написана в форме беседы двух монархов, в которой Анна выступает в качестве вдумчивого и внимательного собеседника, задающего «нужные» вопросы Петру. Она одновременно может служить и как образец восприятия западными монархами петровского образца поведения правителя. Так, Анна произносит, обращаясь к Петру: «Вижу сколь подвиг Твой превзошел деяния всех Царей… Многие из владык земных порочными делами помрачили блеск венца и порфиры; а Ты на обрубке дерева напечатлел следы бессмертной славы. Дивлюсь тебе Государь!»[248]. В этой статье также затрагивается проблема вестернизации России и сопутствовавшей ей порче нравов. Глинка вкладывает в уста английской королевы следующее замечание: «Государь! Что будет, если твой народ, переняв ремесла, художества и искусства Европейские, переймет и все то, что послужит к истреблению первородного его свойства?.. Государь! стараясь обратить внимание Русских на области Европейские, Ты возбудишь любопытство, возрождающее страсти: вскоре может вторгнуться роскошь, питательница страстей, а с нею и все то, против чего вопиют теперь в странах, называемых просвещенными…»[249]. Примечательно, что здесь сквозит отрицательное отношение Анны к западно-европейскому просвещению. Характерно также, что она противопоставляет русского монарха французскому: «Кто более современника нашего, Людовика XIV, сиял славою и великолепием? Почти пятьдесят лет удивлял он Европу, блеском побед и велелепием престола своего; а теперь, скорбя о злополучии народа, стенящего под бременем лавров, он оплакивает мечты победоносной славы; с раскаянием взирает он на пышность Двора своего… он вещает Царям: «Умеренность и добродетель сохраняют Державы; честолюбие разрушает их»[250]. Ответ Петра снимает с него всякую нравственную ответственность за европеизацию: «Государыня! Ты разительный предлагаешь пример ничтожности славы человеческой: Людовик XIV угасает в глазах наших! Да научит он, в чем же состоит неизменное благо народов! Государыня! Тобою свидетельствуюсь, того ли ищу, чего домогался современник наш, Людовик? Нет! Русские не укорят Петра исканием наружного блеска и приманок роскоши. Богу отверсто мое сердце; Он видит, какого истинного блага желаю моему Отечеству. Но я человек, я могу погрешить: вместе с полезным могу ввести что-нибудь и вредное, могу увлечься быстрым стечением обстоятельств и нетерпением, да наслажусь скорее плодами трудов моих. Не скрываю сего чувства: оно есть единственная награда

Петру за все предприятия его. Отдавая на суд потомства мои дела, скажу Россиянам: «Сыны России! Я оставляю вам пример мой и дела мои. Если, научась ремеслам и искусствам, вы обольститесь приманками роскоши Европейской, вспомните только, чем занимался Петр?.. В роскошах ли, в забавах ли провождал он жизнь свою? К твердости ваших душ, к крепости ваших мышц он желал присоединить *внутреннюю промышленность*: сии три силы вознесут Россию на верх возможного Государственного Благополучия. Не для того странствую, не для того тружусь, чтобы исторгнуть Россию из России; но чтобы укрепить и вознести ее в ней самой»[251].

Самым значительным в концептуальном плане сюжетом для Глинки являлось посещение Петром I Парижа. Пребывание Петра в других крупнейших городах Европы не вызывало такого пристального внимания. Визиту же в Париж посвящена и отдельная статья в Русском вестнике[252], и значительное место в «Зеркале нового Парижа», произведении, которое, как уже упоминалось, было создано в годы издания журнала Глинки и частично совпадало с ним по цели. Париж – цитадель просветительской идеологии, которую Глинка характеризовал как «лжеумствование французских злоумышленников» (т.е. просветителей)[253], это место, где началось одно из самых страшных и трагических с точки зрения консерваторов событий в истории человечества – Французская революция. Этот город – источник «иноплеменной заразы», «мод», «роскоши» и «страстей». Т.е. для Глинки столица Франции – это родина и источник всего того, с чем он не мог примириться и против чего вел ожесточенную борьбу. Поэтому он считал необходимым показать, что Петр сохранял праотеческие добродетели, мудрость и проницательность даже в этом «гнезде разврата», которым Париж являлся уже в начале XVIII века. С этой целью Глинка красочно описывает, как среди блеска и пышности Парижа русский государь сохранял присущую ему простоту, которая проявлялась и в его одежде, и в его поступках; как своим проницательным взглядом он отметил «ропот» и «беспокойствие» парижан, «легкомыслие, суетность и праздность» их жизни, увидев в них ростки будущей революции[254].

Таким образом, изображенный С. Н. Глинкой портрет Петра I полностью соответствовал сконструированной им модели идеального государя в государстве-семье. Создавая образ Петра, Глинка следовал апологетической традиции XVIII в., мифу о «работнике на троне», оформившемуся в творчестве М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова, но у Глинки это уже не преобразователь России, не Демиург, его Петр – это «Божествохранитель»[255], сконструированный в рамках националистического дис-

курса.

Образу Екатерины II Глинка уделяет не столь пристальное внимание, однако этот сюжет интересен тем, что издателю пришлось соединять «русскость» монархини с ее иноэтническим происхождением. Ссылаясь на то, что «расстояние веков не изменяет понятий здравых и созидающих возможное счастье людей» и что «истинные друзья общества, Отечества и человечества всегда согласно мыслили» об их пользах[256], издатель утверждал, что в вопросах воспитания и нравственности Екатерина II руководствовалась исконно русскими традициями. В статье «Правила русского воспитания, или нравственное рассмотрение духовной князя Владимира Мономаха»[257] Глинка проводит сравнение высказываний Екатерины и тех назиданий, которые мудрый князь оставил потомкам в своем «Поучении», и заключает, что оба государственных деятеля придерживались одной системы ценностей: в качестве основ воспитания оба видели страх Божий, охоту к труду и отвращение к лени, любовь и сострадание к ближним, уважение к старшим, исполнение своей «должности» и служение Отечеству[258]. Таким образом, Глинка убеждает читателей в том, что понятия Екатерины о целях воспитания соответствуют принципам «истинно русского воспитания».

Вступив на российский престол, Екатерина «поклялась Богу и России быть Монархиней-Россиянкой»[259], и действительно духовно сроднилась с Россией и русским народом. Глинка подкрепляет это утверждение целым рядом аргументов. Прежде всего, издатель подчеркивает любовь Екатерины к старой столице – Москве, которую он считал средоточием и хранительницей исконно русских праотеческих традиций[260]. Следовательно, императрица любила и старинный образ жизни россиян. Она познакомилась с ним благодаря постоянному постижению коренных свойств и духа русского народа, познанию его подлинного образа мыслей и понятий[261]. Все это она, подобно Петру I, находила в народных поговорках и пословицах. Причем, уважая заключенную в них мудрость, Екатерина даже цитировала «общенародные изречения» в своих законах[262]. О тонкости восприятия государыней особенностей народного свойства своих подданных, по мнению Глинки, свидетельствует то, что она написала отечественную историю «для созидания русских душ и сердец»[263] и, вообще, «все произведения ее пера относились к изображению нравов и добродетелей предков наших»[264]. Кроме того, своими сочинениями она старалась покончить с представлениями иностранцев о России как о варварской стране[265]. То есть интересы новой родины стали ее собственными интересами. С этого времени, как

утверждает Глинка, главной целью жизни Екатерины стала забота о счастье ее подданных и о процветании ее государства. Таким образом, Глинка связывал «русскость» не столько с этническим происхождением, сколько с определенным духовно-нравственным строем человека, который можно было приобрести, постичь путем проникновения в культурно-историческое наследие данного народа.

Конкретной государственной деятельности Екатерины в журнале отведено не так много места. Издатель отмечал лишь, что она явилась преемницей дел Петра Великого, и таким образом продолжила складывавшуюся веками традицию управления Россией. Как и все российские государи, Екатерина Великая занималась деятельным благотворением. Она «Матерь-благотворительница» народа, покровительница вдов, сирот и вообще всех страждущих[266]. Вслед за своим наставником, Екатерина продолжила дело становления образования в своей стране; причем ее заслуга в том, что она способствовала распространению просвещения не только в высших слоях общества, но и среди простого народа, чему послужили основанные ею народные училища[267]. Для этих училищ она собственноручно написала азбуку, согласную с уставами православной веры. Глинка акцентирует тот факт, что за основу этой азбуки была взята книга, написанная государыней для воспитания своих внуков. По мысли автора, таким образом Екатерина пыталась возродить существовавшее некогда на Руси единство в воспитании всех социальных слоев.

Прозорливая императрица осознала, чем грозит социальная пропасть, разделившая русское общество в результате вторжения иностранного воспитания, «роскоши» и «мод»; она увидела, что все эти «наносные предубеждения» разрушают основы семейной жизни, а, таким образом, и государства[268]. Потому Екатерина всеми силами способствовала восстановлению в России «отечественного воспитания», пыталась «сблизить русских с русскими», возбудить в них чувство любви к Отечеству[269].

Наконец, главное направление деятельности Екатерины – законодательное. Здесь для Глинки первичен тот факт, что все законы «Монархиня – Законодательница» старалась соотнести со специфическими особенностями национального характера своих подданных[270]. Конкретные результаты работы императрицы на этом поприще Глинка не затрагивает.

Безусловно, Глинка не мог не коснуться проблемы увлечения Екатерины идеологией Просвещения и ее переписки с некоторыми просветителями, прежде всего с Вольтером. Издатель не умалчивал о том, что Екатерина «мечтала о невозможном», но лишь до тех пор, утверждал он, пока опыт не убедил ее в неосуществимости этих мечтаний. Сама жизнь

убедила ее в ограниченности человеческого разума. Глинка доказывает это высказыванием императрицы, которое он часто цитирует: «Не моему перу переменить, что нинаесть в естестве»[271]; убеждение, прямо противоположное просветительскому рационализму. Даже «Наказ» императрицы Глинка трактует как документ сугубо антипросветительский, подкрепляя это тем, что документ был приговорен к сожжению во Франции, т.е. на родине просветительской идеологии[272].

Вопрос об отношении Екатерины к Французской революции Глинка на страницах «Русского вестника» обходил стороной, видимо, в силу довольно пассивной реакции Екатерины II на это событие.

Таким образом, созданный С.Н. Глинкой образ Екатерины Великой, как и аналогичный образ Петра I, вполне соответствует его системе ценностей. Екатерина – «истинная Матерь народа», которая «отреклась от самой себя для блага россиян». Она – последовательница Петра I и истинно русских традиций управления. Это утверждение позволяло Глинке отрицать факт ломки политической системы допетровской Руси.

Именно рассматривая екатерининское царствование, Глинка открыто затронул проблему крепостного права в России. В статье «Напоминание о Екатерине II»[273], упомянув о том, что императрица поднимала вопрос, «полезнее ли в России быть крестьянам вольными или крепостными?»[274], Глинка задается вопросом: «Может быть некоторые спросят: почему же Екатерина не дала свободы крестьянам?» И дает следующий комментарий: «Разрешение сего вопроса не относится к рассуждениям частного человека»[275]. В этой же статье Глинка цитировал рассуждение Ж.-Ж. Руссо о том, что правовому освобождению крестьян должно предшествовать «расторжение душевных оков, обременяющих тела»[276]. Таким образом, не правы те дореволюционные и советские исследователи, которые изображали С.Н. Глинку откровенным крепостником и его «Русский вестник» как «орган крепостнического консерватизма», подразумевая, что журнал выступал в защиту эксплуатации крестьян со стороны помещиков[277]. О том, что Глинка отрицательно относился к институту крепостного права, свидетельствуют и факты его собственной биографии. Так, получив от родителей наследство в размере 30 душ, он отдал его сестре[278], а в 1808 г. дал вольную своему последнему человеку[279], и больше никогда не был душевладельцем. Один богатый друг С. Н. Глинки хотел подарить ему 60 крепостных, но тот отказался со словами: «Не возьму, я никогда не буду иметь человека как собственность»[280]. Однако политико-правовое разрешение вопроса о крепостном праве издатель журнала относил к компетенции верховной власти, причем считал необходимым длительный

период соответствующей подготовки и просвещения крестьян. До этого момента требовался поиск альтернативных путей устранения имеющихся антагонизмов. После вышеупомянутой статьи в открытой форме Глинка не касался проблемы крепостничества в «Русском вестнике», но, судя по тому, как часто на страницах журнала встречаются идеализированные образы «истинного русского помещика» и «истинного русского крестьянина», раздумывал над этой проблемой на протяжении всего периода издания «Русского вестника». Предложенная издателем модель взаимоотношения помещиков и крестьян должна была, по его мнению, снять наиболее острые проблемы крепостничества.

Глинка начинал с утверждения о том, что отношения между помещиками и крестьянами вписывались в традиционную для России патриархальную модель общественного устройства. В частности, «истинные русские помещики», утверждал он, «были всегда помещиками человеколюбивыми. Они знали и старались напечатлевать в сердцах детей своих, что *крестьяне суть такие же люди, как и они*»[281], что подтверждалось многочисленными примерами из русской истории. Так, боярин времен царя Алексея Михайловича Федор Ртищев, «во всю свою жизнь облегчая жребий крестьян», был их «другом, отцом и братом», и завещал своим детям и родственникам: «воспоминайте о мне любовью и милосердием к поселянам: являйте им отеческий покров; не отягчайте их работою и оброками: они братья ваши»[282]. Русские православные, крестьяне в свою очередь, всегда и во всем повиновались «Богу, Государю, помещикам, отцам и матерям», потому что «Бог велит повиноваться старшим»[283].

«Звание» «отца-помещика» - одна из составляющих «должности» русского дворянина, которая также включает военную, государственную службу и примерное выполнение обязанностей отца, сына, брата и мужа в рамках своей семьи[284]. Причем по своему статусу «попечение о крестьянах есть такая же служба, как и служение на ратном поприще. Отечество вверяет крестьян в человеколюбивый и отеческий присмотр; он отвечает за них совести, Богу и Отечеству»[285]. На помещике лежит ответственность за нравственность, здоровье и благосостояние своих крестьян. «Нравственная власть» помещика подразумевает «сближение поселян с Богом и благонравием»[286]. В качестве показательного Глинка приводит пример помещика, который приступал к началу всех сельскохозяйственных работ совместным с крестьянами богослужением «Подателю и Виновнику всех благ земных»[287]. Одна из статей журнала рассказывала о помещике, который построил для своих крестьян баню и больницу, причем, когда крестьяне отказались делать своим детям противооспенные

прививки, считая их слишком опасными, сделал такую прививку своему двухлетнему сыну и таким образом доказал ее эффективность[288]. Экономический достаток крестьян обеспечивается «умеренностью» помещика, который должен вести максимально простой образ жизни: «городским затеям», балам, дорогим экипажам, одежде по последней моде предпочитать семейный образ жизни в отцовском поместье, наследственное имущество, скромную одежду, «почти такую же» как у крестьян[289]. Помещик должен планировать график выполнения сельскохозяйственных работ, контролировать процесс их выполнения и все связанные с ним вопросы, заниматься повышением эффективности производства, например, удобрением полей[290].

Глинка стремился доказать, что подобное отношение непременно вызовет благодарность и признательность крестьян, т.к. «сии люди умеют живо чувствовать силу любви и благодетельности»[291]. В одной из статей, рассказывающей об образцовом помещике, приводится такой отзыв о нем его крестьян: «Он родной нам отец! За ним и за Богом живем как в Раю»[292], а также описываются их переживания за своего хозяина, раненого в сражении: «Вдруг разнеслась молва, что уж его нет на свете! Пристигла нас лютая печаль и тоска. Помнили мы все ласку и милости его, когда он к нам приезжал. С горькими слезами пошли всем миром в церковь Божию, отслужили панихиду, и все от чистаго сердца говорили к Господу Богу: *почто мы за него не умерли!*»[293]. Чтобы понять роль этого положения в концепции С. Н. Глинки, важно учесть литературный и бытовой контекст эпохи. Долгое время вопрос о внутреннем мире, переживаниях и чувствах простого, по терминологии первой половины XVIII в. «подлородного» человека в России не рассматривался вообще. Его начали обсуждать лишь к концу XVIII столетия, а этапным для русской литературы стало открытие, сделанное Н. М. Карамзиным в повести «Бедная Лиза», что «и крестьянки любить умеют»[294]. Таким образом, в общественном сознании россиян проявился культивировавшийся просветительской литературой пафос следования нравственным законам в отношении к человеку независимо от его сословной принадлежности. Подобный подход открывал возможность новой, надсословной оценки достоинства человека: достоин тот, кто выполняет заложенные в его статусе обязательства перед обществом. Так, Глинка настаивал, что «название благородного человека… часто неправильно употребляется… Простой воин, земледелец, усердно и терпеливо переносящие обязанности свои, суть достойные и благородные сыны Отечества»[295]. Наделяя крестьян, наряду с другими сословиями, долгом не только перед их непосредственными хозяевами,

но и перед Отечеством, Глинка подчеркивал их гражданский статус и встраивал в общую социально-политическую структуру. Он акцентировал проявление гражданской позиции крестьян их мужеством и рвением участвовать в обороне Отечества, что, в отличие от дворянства, вообще не подразумевалось их «должностью». Глинка утверждал, что «воинский дух и неустрашимость суть природные… свойства»[296] крестьян. Особенно часто Глинка описывал рвение, с которым крестьяне поставляли ратников в земские войска. Так, один из крестьян, имея возможность не отдавать на службу своего уже женатого сына, не воспользовался ею, сказав: «И барин; пусть он служит Богу и Государю! У меня остался другой сын; а коли надо, ей Богу, барин! за Веру, за Государя, хоть я и стар, а теперь же пойду с последним сыном»[297]. Однако самое яркое воплощение гражданственности русского крестьянина Глинка находил в историческом прошлом России: в подвиге Ивана Сусанина, ценой собственной жизни в конце Смуты спасшего от гибели царя Михаила Федоровича[298]. Причем М. Велижев и М. Лавринович в своем исследовании утверждают, что именно С. Н. Глинка в своем «Русском вестнике» сформулировал сусанинский миф в том виде, в котором он вошел в отечественную историографию[299].

Подобный образ крестьянина, с точки зрения Глинки, должен был мотивировать помещиков на образцовое поведение. Заметим, что помещик является активной стороной в этих отношениях, что соответствует консервативному принципу общественной иерархии. Поэтому образ идеального помещика в трактовке Глинки связан с многочисленными обязанностями, для образа крестьянина важнее прорисовка положительных, «облагораживающих» его черт. Следование предложенным моделям поведения, по мнению Глинки, должно было восстановить утраченную гармонию взаимоотношений помещиков и крестьян. Эту систему отношений Глинка считал одинаково выгодной для обеих сторон. Во-первых, с моральной точки зрения: зависимость крестьян оказывалась «сладостнее всякой мечтательной свободы», так как отеческая опека помещиков снимала с них лишнюю ответственность, даже за сохранность собственной добродетели[300]; в то время как наградой владельцев становится «любовь и приверженность подчиненных»[301]. Во-вторых, с экономической: «умеренность человеколюбие и пример помещиков, побуждающий крестьян к трудолюбию и благонравию вернее всякого нововводимого земледелия послужит к взаимному и истинному благоденствию помещиков и крестьян»[302]. В-третьих, с политической, так как являлась одним из факторов сохранения жесткой социальной иерархии и стабильности государствен-

ной системы в целом.

Важным элементом социальных отношений «Русский вестник» считал «благотворение», которое «сближает и соединяет души. Сие равенство, не нарушая порядка, доставляет способ одним благотворить, а другим – любить благодетеля своего»[303], и таким образом препятствует возникновению социальной напряженности и скрепляет общество на высшем духовно-нравственном уровне. Глинка агитировал читателей на активную благотворительную деятельность: «Мы можем встречать счастье почти на каждом шаге и каждую минуту: оно близ нас, оно всегда с нами. Пресытились ли вы отравами роскоши и сладострастия? Из великолепных палат своих ступайте под кров нищеты и злополучия; осушите слезы страждущих; отвлеките от пропасти погибающее семейство: благодарные его восторги возбудят сердце ваше к удовольствию и наслаждению. Поражены ли вы сами бедственным роком; лишились ли супруги, детей или друга? Делите скорбь вдовицы и сирот: утешая их, вы сами утешитесь. Благотворение исцеляет от отрав роскоши и облегчает болезни душевныя»[304]. «Русский вестник» сам являл наглядный пример деятельного благотворения. В конце каждого номера помещалась информация о нуждающихся людях или семьях, и рассказы о помощи читателей журнала в ответ на такие объявления. Если верить «Запискам» С. Н. Глинки, то благодаря многочисленным откликам читателей в период с 1808 по 1816 гг. через издание оказавшимся в затруднительном положении людям было направлено более 40 тысяч рублей[305].

Таким образом, консервативно-националистическая программа «Русского вестника» представляла собой конструктивную альтернативу революционному преобразованию действительности. Очевидно, что она была ориентирована, прежде всего, на дворянское сословие. По убеждению издателя, ее реализация могла снять все социальные противоречия при сохранении существующего в стране политического устройства. С другой стороны, она должна была способствовать единению общества в преддверии военной угрозы.

§ 3. Прекращение издания журнала. «Русский вестник» в глазах общественности.

В первые годы своего издания, то есть в 1808-1812 гг., «Русский вестник» пользовался несомненным успехом у читающей публики, так как направление журнала совпадало с общественным настроением. И в 1813 г. «Русский вестник» сохранял свои позиции, благодаря тому, что обратился к описанию подвигов русских войск в период Отечественной войны

и начавшихся заграничных походов русской армии, давая обществу возможность насладиться тяжелой победой. Глинка описывал, как Д. С. Дохтуров 36 часов удерживал французов под Малоярославцем, воскликнув: «Наполеон хочет пробиться, но не успеет, а если пройдет, то только через труп мой!»; как Н. Н. Раевский со своими сыновьями бросился в битву, сказав солдатам: «Ребята, представьте себе, что это место Россия – и отстаивайте его грудью богатырскою!»[306]; и еще много подвигов атамана М.И. Платова, генералов М.А. Милорадовича, А.И. Остермана-Толстого и др[307]. При этом характер его публицистики оставался прежним: восхваление русских сопровождалось порицанием французов, нашедшим отражение в статьях «О московском пожаре»[308], «Наполеон в России»[309], «Образец самохвальства и наглости слога, или первое послание в Москве Наполеона Бонапарте к французским солдатам»[310], «Адские выдумки французов к истреблению законных правителей и человечества»[311].

По окончании заграничных походов русской армии 1813-1815 гг. в связи с изменением умонастроений русского общества, приведшим к возникновению декабризма, тираж «Русского вестника» начал неуклонно сокращаться: журнал, снова обратившийся к восхвалению русской старины и современности, стал казаться анахронизмом. Чтобы хоть как-то оживить издание, Глинке пришлось нарушить свое обещание предоставлять «политические известия касательно токмо до России», и с 1817 года каждый номер журнала делился на две части: отечественные ведомости и иностранные известия, и русская история[312]. В 1818 г. вторую часть журнала составило «Семейственное чтение»[313], а в 1819 – «Новое детское чтение, или вечера доброго отца семейства»[314]. Но несмотря на это, интерес читателей к «Русскому вестнику» продолжал падать. В 1820 г. «Русский вестник» вышел под заглавием «Новое детское чтение» и в последней 11-й книжке за этот год Глинка сообщил о том, что прекращает издание журнала. В следующем году «Русский вестник» уже не вышел. В 1824 г. Глинка предпринял попытку возобновления «Русского вестника». Статьи журнала за этот год очень разноплановые: здесь и «Покорение Константинополя», и «Краткое известие о войнах Ивана Васильевича», и «Описание древнего Египта», и «Рассуждения о желтой лихорадке»[315]. Но журнал прекратился на девятой книжке.

Хотя в «Записках» С. Н. Глинка писал, что и в «грозный 1812 год разошлось не свыше ста экземпляров»[316], это заявление надо расценивать как явную ошибку, ибо списки подписчиков журнала дают совершенно иную картину[317]. Так, в период с 1811 по 1813 гг. их количество варьировало от 600 до 800 человек. Кроме того, в одной из статей августовского но-

мера за 1808 г. Глинка указывает, что «Русского вестника» разошлось 700 книжек[318]. А так как наиболее общепризнанные журналы того времени – «Вестник Европы» и «Сын Отечества» - издавались тиражом в 1-2 тысячи экземпляров, то это была довольно внушительная цифра[319]. Однако число подписчиков отнюдь не отражает реального числа читателей. Оно, видимо, было еще большим, если учитывать, что «Русский вестник», скорее всего, читался в различных клубах и частных салонах. Большая часть подписчиков приходилась на провинцию, где журнал читали преимущественно дворяне средней руки, то есть именно та социальная прослойка, на которую Глинка «примерял» роль идеального помещика-отца. Однако среди читателей были также высшая прослойка дворянства (графы и князья), купцы, мещане и даже крестьяне. Среди именитых читателей «Русского вестника» числились такие видные общественно-политические и культурные деятели, как А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, И.И. Дмитриев, Д.П. Рунич, А.С. Хомяков, М.Т. Каченовский, тогда еще юный М.П. Погодин, и др. В целом, призывы Глинки, как видно из социального состава подписчиков, воспринимались широкими слоями общества. Это можно объяснить и чуткостью автора, его способностью понять чаяния самых разных слоев русского общества, обращаться со своей проповедью ко всем социальным группам, уловить требование времени.

Отношение современников к «Русскому вестнику» было различным. Нарочитый национализм журнала, склонность издателя к патетике, морализаторству, к крайностям в оценках, несовершенство его слога, слишком частое повторение одних и тех же мыслей вызывали едкие замечания, особенно прозападнически и либерально настроенной общественности[320]. Настоящая полемика разгорелась между «Русским вестником» и журналом «Аглая», издававшимся карамзинистом князем П.И. Шаликовым в 1808-1812 гг. и выступавшим против воззрений круга литераторов А. С. Шишкова. В апрельском номере «Аглаи» за 1808 г. появилась статья «О Русском вестнике», автором которой являлся сам издатель[321]. Статья начиналась следующим пассажем: «Никогда и никакой журнал, не исключая даже и Английского зрителя, не соответствовал так хорошо своему названию, как *Русской вестник* (здесь и далее в цитатах из «Аглаи» курсив П.И. Шаликова – Н.Л.); никогда и никакой издатель не имел цели благороднейшей и полезнейшей!.. В нем все русское – не по одним только *Русским* сочинениям, но потому, что он сообщает читателям своим о добродетелях, заслугах, воздаяниях предков и современников, Государей и Правителей, людей общественных и частных; о полезных заведениях, об исторических памятниках, которые существуют или должны существо-

вать: это Оружейная Палата *нравственных* сокровищ, которыми сердце каждого Россиянина должно радоваться, возвышаться и наслаждаться. Отважный ее Архитектор имеет неотъемлемое право на живейшую благодарность соотечественников, настоящих и будущих»[322]. В историографии этот отзыв традиционно расценивался как положительный[323], однако более внимательное чтение статьи позволяет сделать вывод, что вышеприведенный отрывок написан скорее с большой долей сарказма и желчи, нежели с действительным желанием отметить издательские заслуги С.Н. Глинки. В пользу нашего заключения могут служить и личные качества П. И. Шаликова, который, по признанию современников, обладал недобрым характером, был крайне самолюбив, раздражителен, чем и наживал себе много врагов[324]. В своей статье Шаликов обвинял Глинку в «пирронизме (сомнении – Н.Л.) *в любви к отечеству, в приверженности к нему сынов его*», «который вреднее самого зла, им находимого, если бы и существовало оно»[325]. Он также критиковал чересчур горячий патриотизм «Русского вестника», говоря что «энтузиазм самый похвальный должен – как и все вещи, иметь свои границы; переступите их – и выдет все иное; полезное сделается вредным, важное смешным»[326]. Далее шла критика небрежного слога журнала, что связывалось Шаликовым с приверженностью Глинки взглядам Шишкова, и довольно ядовитые намеки на сотрудничество с ним А.А. Аракчеева и Ф.В. Ростопчина, якобы выгодное для издателя[327].

Ответ С. Н. Глинки на эту статью появился уже в майском номере его журнала[328]. Отстаивая свою позицию, Глинка рядом высказываний – о том, что его погрешности в слоге вызваны ни чем иным как юношеским увлечением французским языком, о богатстве чистого, без лингвистических заимствований русского языка, критикой «нового» слога произведений Шаликова, и замечанием о том, что «Аглая» может быть особенно посвящена Отечеству»[329] - дал повод для следующей атаки Шаликова в статье «К издателю Русского вестника», опубликованной в августовской книжке «Аглаи»[330]. Здесь Шаликов отстаивал необходимость и целесообразность пополнения национального языка иностранной лексикой[331], обвинял Глинку в лицемерии, выражающемся в том, что сам он в повседневной жизни не стеснялся говорить по-французски (факт, интересный для нас и по-своему характеризующий С. Н. Глинку)[332], а замечание Глинки по поводу «особенного» посвящения «Аглаи» русским, парировал вопросом: «Кому же она посвящается? Не ужели Туркам?» и призывал издателя «Русского вестника» не ограничивать себя исключительно русской тематикой, а быть более разносторон-

ним[333]. Глинка ответил уже в августовском номере[334], уверенно продолжая свою патриотическую линию, фактически обвиняя Шаликова в «губительном» космополитизме и настаивая на необходимости и пользе отечественного воспитания. Ответа на эту статью не последовало. Лишь в 1809 г. Шаликов еще пытался уколоть Глинку, разоблачая его идеализацию национальной истории[335], но «Русский вестник», к тому времени уже заручившийся значительной читательской поддержкой, не счел необходимым реагировать на эту акцию.

Как критику в том числе и журнала Глинки, можно рассматривать выступление против современного патриотического направления в 1809 г. «Московского вестника», издававшегося карамзинистом П.И. Макаровым: «Большая часть сих самопроизвольных заступников отечественного нашли всю пользу свою или находят ее в том, чтобы бранить иностранное, проклинать чужих учителей или ученых, довольствоваться единственно своим, хотя бы и худым и невежественным; но отнюдь не перенимать ничего хорошего и необходимого со стороны чуждой… Лучшая система добродетели их основывается на том, чтобы учиться от какого-нибудь Ульяна Березкина и Веникова (псевдонимы Ф.В. Ростопчина, под вторым он публиковался в «Русском вестнике» - Н.Л.), не спрашивая того, как они учены и чему учены»[336].

В следующем 1810 г. в журнале «Цветник» А.Е. Измайлова и А.П. Бенитцкого появилась насмешка в адрес Глинки неизвестного автора, в которой он рассказывал, что видел во сне болото и в нем множество завязших людей, которых вытаскивают другие. Один из вытащенных, бывший даже суше других, снова «стремглав бросился в болото, увяз в грязь, так что виден был лишь воротник его зеленого кафтана (намек на обертку «Русского вестника» - Н.Л.) и закричал: «Что вы, друзья, нашли хорошего на солнце? Оно только что палит вас; возвратитесь опять в болото; здесь прохладно и спокойно! То-то раздолье!» Все смотрели на чудака, но никто за ним не следовал… Увязший кричал без умолку, а что – того право я не мог разобрать»[337].

Тот же А. Е. Измайлов в 1811 г. написал сатирическую сказку «Калмык-оратор». Высказывалось мнение, что она была направлена против А. С. Шишкова, однако О. Проскурин убедительно доказал, что под личиной «калмыка» был выведен С. Н. Глинка[338]:

«Калмык, который был уже довольно стар
Довольно и сердит, пришед на булевар,
С угрюмой важностью на лавочку садится,
Глядит туда сюда, плечами жмет, дивится

Всему, что видит он, и будто встав со сна,
С досадой говорит: «Какие времена!
Здесь мода царствует и выдает законы:
Широкие теперь все носят панталоны,
Просторны сюртуки и что ж еще? очки!!
Дают безграмотным писателям щелчки!
Девицы у себя заводят уж альбомы!
На улицах везде великолепны домы!
О развращение! о суета сует!
Все очень дорого! Монеты звонкой нет!
Дворяне Русские большие моты стали!
Святые в старину отцы не так живали!».[339]

Можно согласиться с мнением О. Проскурина, что превращение патриота Глинки в калмыка было наделено особым полемическим смыслом. Таким образом А. Е. Измайлов, принадлежавший к карамзинистской группировке авторов, трактовал консервативное русофильство издателя «Русского вестника» как апологию дикости, косности и вообще азиатчины. Каждый из мотивов речи Калмыка в утрированном виде воспроизводит темы материалов «Русского вестника», а бессвязность его речи - напоминание о сумбурности текстов Глинки, в которой обвиняли его современники[340].

Не обошли вниманием С. Н. Глинку и две ярчайших литературных сатиры первой четверти XIX в. В 1809 г. вышло знаменитое «Видение на брегах Леты» К. Н. Батюшкова, в котором автор вынес суровый приговор всем писателям-современникам: и устаревшим просветителям, и шишковистам, и сентименталистам. В образе Глинки Батюшков сделал акцент на аффектированность его патриотизма, подчеркнутую тем, что в сатире Глинка семь раз повторяет слово «русский», причудливо соединявшегося с зависимостью от западно-европейской культуры:

«Уф! я устал; подайте стул!-
Позвольте мне, я очень славен!
Бессмертен я, пока забавен!»
Кто ж ты? «Я русский и поэт.
Я сам бегу, лечу за славой;
Мне враг – чужой рассудок здравый,
Для русских прав – мой толк кривой,
И в том клянусь моей душой!»
Да кто же ты? – Жан Жак я русский,
Расин и Локк и Юнг я русский!

Три драмы русских сочинил,
Для русских – нет уж боле сил!
Писал для русских драмы слезны,
Труды мои все бесполезны:
Вина тому разврат умов!»
Сказал, в реку, и был таков!»[341]

Пожалуй, лучше отражает восприятие наивного патриотизма С.Н. Глинки либерально настроенной частью общества более поздняя сатира А.Ф. Воейкова «Дом сумасшедших»:

Нумер третий: на лежанке

Истый Глинка восседит,
Перед ним дух русский в склянке
Не откупорен стоит.
Книга Кормчая отверста
И уста отворены.
Сложены десной два перста,
Очи вверх устремлены.
О, Расин! Откуда слава?
Я тебя, дружок, поймал:
Из российского Стоглава
Ты Гофолию украл.
Чувств возвышенных слиянье,
Выраженья красота
В Андромахе – подражанье
Погребению кота!»[342]

Тем не менее, переписка и мемуары современников Глинки позволяют утверждать, что определенные слои общества, и далеко не всегда консервативные, видели то важное, что несла в себе публицистика «Русского вестника». Положительная оценка журналистики Глинки литераторами круга А.С. Шишкова вполне понятна. В переписке самого главы архаистов сохранилось его мнение об издании Глинки: «весьма охотно читаю *Руской вестник*, который не твердит о словах *эстетика*, *образование*, *просвещение*, и тому подобных, - но говорит всегда об истинной и чистой нравственности, от которой в нынешние времена род человеческий, к злополучию своему, далее и далее отпадает. Он не смотрит на то, что таковые его писания многим, у которых голова вскружена новыми понятиями, не нравятся; он продолжает, исполняя свой долг, и сеет семена общего и давно проповедуемого благомыслия, не угадывая предбудущего

и не зная, дождь ли их зальет или солнце согреет»[343]. В неизданных документах Глинки сохранилось письмо одного из видных деятелей «Беседы любителей русского слова», поэта и баснописца Д.И. Хвостова, в котором он высказывал благодарность издателю «Русского вестника», не только от себя, но от «всех благомыслящих соземцев своих»[344].

Однако значение журнала понимали и люди отнюдь не консервативных взглядов. Ф.Ф. Вигель в своих мемуарах отмечал: «В обстоятельствах, в которых мы тогда находились, журнал его, при всем несовершенстве своем, был полезен, даже благодетелен для провинций»[345]. Ярче отразил эту мысль П.А. Вяземский: «По всей России, особенно в провинциях, читали его (Русский вестник – Н.Л.) с жадностью и верою… Одно заглавие его было уже знамя. В то время властолюбие и победы Наполеона, постепенно порабощая Европу, грозили независимости всех государств. Нужно было поддерживать и воспламенять дух народный, пробуждать силы его, напоминая о доблестях предков, которые также сражались за честь и целость отечества. Дух чужеземства мог быть тогда в самом деле опасен. Нужно было противодействовать ему всеми силами и средствами. В таких обстоятельствах даже излишества и крайность убеждений были у места. Укорительные слова: галломания, французолюбцы, бывшие тогда в употреблении, имели полное значение. Ими стреляли не на воздух, а в прямую цель. Надлежало драться не только на полях битвы, но воевать и против нравов, предубеждений, малодушных привычек. Европа онаполеонилась. России, прижатой к своим степям; предлежал вопрос: быть или не быть, то есть следовать за общим потоком и поглотиться в нем, или упорствовать до смерти или до победы? Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем»[346].

Ряд современников сумели подметить в материалах журнала то, что во многом положило начало российскому консервативно-националистическому дискурсу. Так, М.А. Дмитриев писал: «Надобно вспомнить, надобно знать то время, чтобы понять всю важность появления Русского вестника. Теперь о нашей старине нам твердят беспрестанно, а тогда – многие в первый раз услышали из Русского вестника о царице Наталье Кирилловне, о боярине Матвееве, о Зотове, воспитателе Петра Великого, и в первый раз увидели их портреты»[347]. О том, что влияние публицистики С.Н. Глинки проявилось в последующих поколениях, может свидетельствовать письмо к нему известного русского журналиста и видного консервативного историка М.П. Погодина. Уже в 40-е годы, узнав, что С.Н. Глинка интересуется «Москвитянином», Погодин прислал ему подписной билет и между прочим написал: «Ваш Русский

вестник 1808 года, с портретами царя Алексея Михайловича, Дмитрия Донского и Зотова, возбудил во мне первое чувство любви к Отечеству, Русское чувство, и я благодарен Вам во веки веков»[348]. Похожий отзыв о впечатлениях от журнальных статей С. Н. Глинки в письме к нему оставил другой известный историк и филолог К. Ф. Калайдович: «С каким-то особенным чувством, для меня еще в то время непонятным, читал ваш Русский вестник: я тогда учился исторической критике у великого Шлецера в его Несторе, а у Вас – святой любви к отечеству»[349].

Опираясь на воспоминания современников, можно сказать, что «Русский вестник» внес значительный вклад в процесс становления национального самосознания и подготовку общественного мнения к Отечественной войне 1812 г. Таким образом, он реализовал одну из целей, поставленных его издателем. В журнале рассматривался широкий спектр религиозных, нравственных, политических, социальных вопросов. Однако обращение к каждому из них было не просто самоцелью издания, но и стремлением издателя оспорить основные принципы популярной в современной ему России идеологии французского Просвещения, либеральные принципы которой Глинка считал виновными в революции во Франции. С этой целью на страницах журнала издатель создал утопическую модель патриархального общественного устройства или «государства-семьи», в которой нашли воплощение типично консервативные принципы: опора на позитивные традиции и ценности прошлого, культ сильного государства, приоритет интересов последнего над индивидуальными интересами, понимание естественного неравенства людей, признание необходимости общественной иерархии, высокая роль религии, антирационализм[350]. Реализация этой модели, с точки зрения автора, могла снять все существующие общественные противоречия при сохранении старого режима. Чтобы придать этой модели авторитетный характер, С. Н. Глинка проецировал ее основные черты на допетровскую Русь. Таким образом, в журнале была создана идеализированная концепция русской истории. Все это позволяет называть «Русский вестник» С. Н. Глинки одним из первых в России консервативных журналов.

---

1 Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 428.

2 Цит. по : Киселева Л. Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и отечественной войной (1807-1812) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту, 1982. С. 6.

3 Подробнее об общественных настроениях после Тильзитского мира см. : Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries : Russian Conservative Thought and Politics in the

Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 48-50.

4 Минаков А. Ю. Роль событий 1812 года в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе : сб. науч. работ. Воронеж, 2005. С. 10; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 112-113.

5 Горностаев М. В. Федор Васильевич Ростопчин // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 120-121; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. С. 114.

6 Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 262-263.

7 Эти предчувствия не покидали Глинку с 1806 г. См. : Там же. С. 232.

8 Там же. С. 259.

9 Цит. по : Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество. 1812-1912. М., 1911. Т. 2. С. 197.

10 Цит. по : Предтеченский А. В. «Русский вестник» С. Н. Глинки // А. В. Предтеченский. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 121.

11 Глинка С. Н. Записки. С. 260-261.

12 Там же. С. 261.

13 Там же.

14 Рус. вестн. 1808. № 1. С. 68-72.

15 Там же. С. 68-70.

16 Там же. С. 72.

17 Кроме упомянутого письма, в журнале было опубликовано : О Суворове. Письмо к издателю от 28 генваря 1808, с. Вороново // Там же. № 3. С. 241-249. В нем излагались воспоминания Ф. В. Ростопчина о А. В. Суворове и давалась переписка выдающегося русского полководца с императором Павлом I и самим Ростопчиным. Бумаги Ростопчина послужили одним из источников целого цикла статей Глинки, посвященных Суворову.

18 Там же. С. 406.

19 См. : Сергей Глинка – графу Аракчееву. 30-го марта 1808 г. Москва // Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883. С. 6.

20 Сергей Глинка – графу Аракчееву. 31 апреля 1808. Москва // Там же. С. 7-8.

21 См. : Отрывок из письма знаменитого сына Отечества // Рус. вестн. 1808. № 5. С. 244-245.

22 Там же. С. 244.

23 Там же. С. 244-245.

24 Там же. С. 245.

25 Глинка С. Н. Записки. С. 280.

26 Там же. С. 281.

27 Там же. С. 282. Несмотря на то, что письмо опубликовано в «Записках» Глинки, в подлинности его содержания сомневаться не приходиться. Все цитируемые им в своих воспоминаниях письма дословно воспроизводили оригинал.

28 Там же.

29 Там же. С. 282.

30 Там же. С. 269.

31 Письмо к издателю Русского вестника (подписано Россиянка) // Рус. вестн. 1808. № 2. С. 227-232.

32 Глинка С. Н. Записки. С. 272.

33 Там же.
34 К воспоминаниям // Рус. вестн. 1808. № 3. С. 388-397.
35 Глинка С. Н. Записки. С. 274.
36 Ответ на письмо Россиянки, напечатанное во второй книжке Вестника // Рус. вестн. 1808. № 4. С. 57-76.
37 Там же. С. 59.
38 Глинка С. Н. Записки. С. 275.
39 Державин Г. Р. Надежда на Бога. Ода // Рус. вестн. 1808. № 2 ; Державин Г. Р. Сетование // Там же. № 3. С. 316-319 ; Державин Г. Р. Надпись к портрету Хераскова // Там же. № 4. С. 77 ; Державин Г. Р. Обитель Добрады, пастушеская мелодрама // Там же. № 10. С. 212-226 ; Державин Г. Р. Свыше благословенному приношение // Там же. 1814. № 11. С. 26-51.
40 Глинка С. Н. Записки. С. 290.
41 Журнал издавался в 1809-1810 гг.
42 Глинка С. Н. Записки. С. 290.
43 Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 401-404; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. С. 131-132.
44 Глинка С. Н. Записки. С. 260.
45 Там же. С. 268.
46 Божерянов И. Н. Сергей Николаевич Глинка // Рус. вестн. 1895. № 3. С. 163-164.
47 Вступление // Рус. вестн. 1808. № 1. С. 3-10.
48 Там же. С. 3, 9.
49 Там же. С. 6.
50 Хотя принципиальное для нас значение имеют и некоторые статьи более поздних лет, поэтому в нашем исследовании мы будем опираться и на них.
51 Вяземский П. А. Глинка Сергей Николаевич // Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 437.
52 Предтеченский А. В. «Русский вестник» С. Н. Глинки. С. 118-132.
53 Рус. вестн. 1808. № 3. С. 398-407.
54 Рус. вестн. 1808. № 3. С. 399-400.
55 Там же. С. 400.
56 Там же. С. 401.
57 Там же. С. 404.
58 Глинка С. Н. Записки. С. 279.
59 Там же. С. 280.
60 Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. М., 1978. С. 133-135 ; История русской журналистики XVIII-XIX вв. / под ред. проф. А. В. Западова. М., 1973. С. 114 ; Мельгунов С. Глинка С. Н. // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Т. 15. С. 143.
61 Глинка С. Н. Записки. С. 280.
62 Там же. С. 279-280.
63 Рус. вестн. 1808. № 4. С. 62.
64 Там же. С. 58.
65 Там же. С. 63.
66 Глинка С. Н. Зеркало нового Парижа, от 1789 до 1809 г. Ч. 1-2. М., 1809.
67 Там же. Ч. 1. Предуведомление; Ч. 2. Предуведомление.
68 Глинка С. Н. Зеркало нового Парижа, от 1789 до 1809 г. Ч. 1. С. 1.
69 Имеется в виду знаменитая сатирическая поэма Вольтера «Орлеанская девственница»,

высмеивавшая не столько сам подвиг Жанны д'Арк, сколько нагроможденные вокруг него церковные легенды. По поводу этой поэмы Глинка писал: «Подвергнув посмеянию Жан д'Арку, спасительницу Франции, он (Вольтер – Н. Л.) поругал Веру, добродетель и, наконец, славу и честь Отечества» (Рус. вестн. 1811. № 6. С. 85).

70 Рус. вестн. 1811. № 6. С. 7.
71 Например : Там же. 1808. № 6. С. 279.
72 Там же. 1811. № 6. С. 51.
73 Там же. С. 52.
74 Там же. С. 54.
75 Там же. С. 53.
76 Там же. С. 58-59.
77 Там же. № 11. С. 122.
78 Там же.
79 Там же. С. 123-124.
80 Там же. С. 129.
81 Там же. № 6. С. 61-62.
82 Там же. 1812. № 5. С. 29-30.
83 Там же. 1808. № 7. С. 60-61.
84 Глинка С. Н. Зеркало нового Парижа, от 1789 до 1809 г. Ч. 2. С. 11.
85 Рус. вестн. 1808. № 7. С. 61.
86 Глинка С. Н. Зеркало нового Парижа, от 1789 до 1809 г. Ч. 2. С. 14.
87 Там же. С. 18-19.
88 Там же. С. 22-23.
89 Рус. вестн. 1808. № 6. С. 287-288.
90 Там же. № 1. С. 43-52.
91 Там же. С. 51 ; оригинальную цитату Н. М. Карамзина см. в Вестн. Европы. 1802. № 4. С. 363.
92 Рус. вестн. 1810. № 3. С. 105.
93 Там же. С. 103-104.
94 Там же. С. 100-101.
95 Там же. 1808. № 9. С. 375.
96 Там же. С. 375-376.
97 Там же. 1811. № 6. С. 64.
98 Там же. 1808. № 3. С. 256-258.
99 Там же. 1809. № 2. С. 292-293.
100 Там же. С. 297.
101 Там же. 1808. № 2. С. 154.
102 Там же. № 9. С. 332; 1809. № 10. С. 72-73.
103 Рус. вестн. 1808. № 9. С. 334.
104 Там же. С. 339.
105 Там же. С. 338.
106 Там же. 1809. № 8. С. 205.
107 Там же. 1812. № 2. С. 71-72.
108 Там же. 1808. № 5. С. 218-219.
109 Там же. 1811. № 7. С. 123-124.
110 Там же. 1808. № 4. С. 39.
111 Там же. № 3. С. 262-263.

112 Там же. 1812. № 2. С. 67-68.
113 Там же. 1808. № 9. С. 335-336.
114 Там же. С. 355.
115 Там же. № 4. С. 37-38.
116 Там же. 1812. № 2. С. 96-97.
117 Там же. 1809. № 4. С. 22.
118 Там же. 1808. № 3. С. 260.
119 Там же. 1809. № 8. С. 200-201.
120 Там же. 1811. № 9. С. 122-123.
121 Там же. № 6. С. 80-82, 84-86.
122 Там же. 1808. № 1. С. 44.
123 Там же. № 7. С. 59.
124 Там же. С. 51.
125 Там же. № 2. С. 279.
126 Там же. 1809. № 1. С. 177
127 Там же. 1808. № 9. С. 363.
128 Там же. С. 126.
129 Там же. 1812. № 6. С. 45.
130 Например : Там же. 1808. № 2. С. 173 ; № 5. С. 220 и др.
131 Велижев М. Об источниках «петровской» концепции С. Н. Глинки // Петр Великий. М., 2007. С. 43.
132 Рус. вестн. 1808. № 7. С. 26-27.
133 Там же. С. 21.
134 Там же. С. 21, 38-39, 47-48.
135 Там же. № 8. С. 190.
136 Там же. 1811. № 7. С. 125-134.
137 Там же. 1808. № 1. С. 4.
138 Там же. С. 6.
139 Там же. 1811. № 8. С. 71.
140 Там же. 1809. № 5. С. 165.
141 Там же. 1812. № 6. С. 86.
142 Там же. 1815. № 2. С. 16-17.
143 Там же. 1812. № 6. С. 78.
144 Там же. № 5. С. 64.
145 Там же. № 6. С. 267.
146 Там же. 1808. № 4. С. 29-30.
147 Там же. 1808. № 9. С. 365.
148 Там же. № 2. С. 130.
149 Там же. 1811. № 7. С. 22.
150 Там же. 1812. № 6. С. 30-31.
151 Там же. 1808. № 2. С. 294.
152 Там же. С. 294.
153 Рус. вестн. С. 295.
154 Там же. 1812. № 5. С. 48.
155 Там же. С. 45-48.
156 Там же. 1808. № 6. С. 288.
157 Там же. 1812. № 5. С. 47.

158 Там же. № 6. С. 14-15.
159 Там же. 1808. № 7. С. 33.
160 Там же. № 3. С. 261.
161 Там же. 1812. № 12. С. 62-63.
162 Там же. 1810. № 7. С. 40.
163 Там же. 1808. № 7. С. 33.
164 Там же. С. 64.
165 Там же. 1815. № 2. С. 43.
166 Там же. 1812. № 6. С. 80.
167 Там же. 1808. № 4. С. 48.
168 Там же. 1810. № 7. С. 13-45.
169 Там же. 1811. № 9. С. 87-97.
170 Там же. 1812. № 5. С. 2.
171 Рукопись о Задонском побоище под заглавием : «Сказание о Задонском побоище как бысть то побоище» // Там же. 1810. № 3. С. 1-32.
172 Правила русского воспитания или нравственное рассмотрение духовной князя Владимира Мономаха // Там же. 1815. № 2. С. 3-45.
173 Краткие выписки из Кормчей книги и замечания на оные // Там же. 1808. № 8. С. 189-200.
174 Выписки из рукописи под заглавием : грамоты от 1610-1613 гг. // Там же. 1810. № 7. С. 13-45 ; № 8. С. 32-55 ; Отрывки о ратном деле из указов, изданных при царях Василии Ивановиче Шуйском и Михаиле Федоровиче, с некоторыми примечаниями, из книги : Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, изданный Анисимом Михайловым // Там же. 1811. № 5. С. 11-34 ; Рассмотрение грамоты, писанной московскими обывателями в разные города в генваре 7119 г., во время междуцарствия // Там же. № 12. С. 40-65 ; Подвиги Прокопия Ляпунова во время междуцарствия // Там же. 1812. № 2. С. 1-12 ; № 3. С. 1-45 ; № 4. С. 1-38 и др.
175 О запрещении продажи табаку и ревеню царями Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем из рукописи: «Грамоты в государствование царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича, 1613 – 1682 гг.» // Там же. 1809. № 4. С. 55-68 ; Наставление царю Алексею Михайловичу Симеона Полоцкого // Там же. № 11. С. 139-161 ; № 12. С. 280-315 ; 1810. № 2. С. 1-22 ; № 4. С. 36-56 ; № 9. С. 51-86 ; Грамота Алексея Михайловича в Туринск, об отдании чести святым дарам // Там же. № 11. С. 35-56 ; Поучительная грамота царя Алексея Михайловича в Туринск о божьем гневе и об учреждении поста, из рукописи // Там же. 1811. № 1. С. 56-71 ; Выписки и замечания из хитрости ратного дела или воинского устава, изданного в царствование царя Алексея Михайловича // Там же. № 2. С. 62-80.
176 Военные наставления князя Игоря сыну Святославу, из рукописи «Царство Русское, сиречь подробное и обстоятельное повествование о всех деяниях, бывших в русском царстве, о различных судьбах оного и проч., от многих иностранных и русских летописей собранное по высочайшему повелению великого государя и царя Алексея Михайловича» // Там же. 1809. № 4. С. 36-55 ; Сила примера, выписки из рукописи Курбского // Там же. № 11. С. 190-194 ; Краткое рассуждение о поучительных словах и выписка из проповедей Гедеона // Там же. 1811. № 10. С. 42-68.
177 Там же. № 4. С. 32-35.
178 Там же. 1808. № 3. С. 374.
179 Рус. вестн. 1808. № 7. С. 28.
180 Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : У истоков русского

славянофильства. М., 2007. С. 26-50 ; Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 444 ; Киселева Л. Н. К языковой позиции «старших архаистов» (С. Н. Глинка, Е. И. Станевич) // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1983. Вып. 620. С.18-29 (далее – К языковой позиции…) ; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та.1975. Вып. 358. С. 168-254 ; Минаков А. Ю. Франкобесие // Родина. 2002. № 8. С. 18-19 ; Проскурин О. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 19.

181 Альтшуллер М. Г. Александр Семенович Шишков // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 35-40 ; Минаков А. Ю. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка А. С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Воронеж, 2002. С. 239-253 (далее – Рассуждение…)

182 Киселева Л. Н. К языковой позиции… С. 24.

183 Минаков А.Ю. Рассуждение… С. 240.

184 Рус. вестн. 1811. № 7. С. 78.

185 Там же. С. 79.

186 Киселева Л. Н. К языковой позиции… С. 24. Подробнее о взглядах А. С. Шишкова на этот вопрос см. : Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.-Л., 1935. С. 63-64.

187 Киселева Л. Н. К языковой позиции… С. 26.

188 Цит. по : Минаков А. Ю. Рассуждение… С. 245.

189 Киселева Л. Н. К языковой позиции… С. 26; см. также Альтшуллер М. Г. Александр Семенович Шишков. С. 40.

190 Киселева Л. Н. К языковой позиции… С. 25.

191 Рус. вестн. 1811. № 8. С. 91-103.

192 Там же. С. 91.

193 Там же. 1808. № 7. С. 66; 1811. № 7. С. 69.

194 Там же. 1808. № 7. С. 66.

195 Там же. С. 72.

196 Минаков А. Ю. Рассуждение… С. 245-246.

197 Рус. вестн. 1810. № 5. С. 129-130.

198 Цит. по : Киселева Л. Н. К языковой позиции… С. 27.

199 Альтшуллер М. Г. Александр Семенович Шишков. С. 50-53.

200 Рус. вестн. 1811. № 5. С. 80-130; № 7. С. 8-43.

201 Там же. 1811. № 7. С. 57-58.

202 Там же. С. 57.

203 Там же. С. 90.

204 Там же. С. 86.

205 Киселева Л. Н. Еще раз о С. Н. Глинке – читателе «Слова о полку Игореве» // Finitis luodecum lusris: сб.ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 97-100.

206 Живов В. М. Указ. соч. С. 433.

207 Рус. вестн. 1811. № 7. С. 87.

208 Там же. С. 70.

209 Там же. 1809. № 9. С. 283.

210 Там же. № 10. С. 16; 1811. № 1. С. 41-42; 1812. № 5. С. 50-51.

211 Репников А. В. Метаморфозы русского консерватизма : от С. С. Уварова до Никиты

Михалкова // Отеч. история. 2001. № 3. С. 107-108.

212 Рус. вестн. 1812. № 6. С. 53.

213 Рус. вестн. 1809. № 9. С. 292-296.

214 Там же. 1811. № 9. С. 78.

215 Князь Александр Невский // Там же. 1808. № 8. С. 157-183.

216 Правила русского воспитания, или нравственное рассмотрение духовной князя Владимира Мономаха // Там же. 1815. № 2. С. 3-45.

217 Грамота из Тобольска в Нарым о единодушном избрании на царство Михаила Федоровича Романова // Там же. 1809. № 1. С. 83-93 ; О запрещении продажи табаку и ревеню царями Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем // Там же. № 4. С. 55-68 ; Царь Алексей Михайлович // Там же. 1810. № 1. С. 3-23 ; Сравнение правил и деяний Алексея Михайловича с правилами и некоторыми деяниями Людовика XIV // Там же. № 2. С. 22-40 ; Отрывки о ратном деле из указов, изданных при царях Василии Ивановиче Шуйском и Михаиле Федоровиче // Там же. 1811. № 5. С. 11-34 и др.

218 Там же. 1808. № 1. С. 11-22.

219 Там же. С. 11-13.

220 Там же. № 3. С. 294-295.

221 Там же. № 12. С. 281.

222 Там же. 1809. № 3. С. 482-483.

223 Это можно проследить по многочисленным материалам журнала, посвященным русской царице : Царица Наталья Кирилловна, отрывок из послания к Вольтеру // Там же. 1808. № 2. С. 192-194 ; Воспитание Натальи Кирилловны Нарышкиной в доме боярина Матвеева // Там же. № 6. С. 291-306 ; Царица Наталья Кирилловна, или свойство матери россиянки // Там же. № 12. С. 261-317 ; Прощанье царицы Натальи Кирилловны с братьями во время стрелецкого бунта // Там же. 1810. № 11. С. 1-11 ; Сватовство царя Алексея Михайловича к дочери боярина Матвеева // Там же. № 10. С. 3-11. В этих статьях Наталья Кирилловна предстает как архетип истинной русской женщины – жены, матери, дочери, сестры – и олицетворение семейственных добродетелей.

224 Зотов, наставник Петра I, или рассмотрение способа его учения и соображение оного с правилами Ж.-Ж. Руссо, Кондильяка, Локка и прочих писателей о воспитании // Там же. 1808. № 9. С. 299-330.

225 Там же. 1810. № 4. С. 98.

226 Там же. № 11. С. 65.

227 См. например : Там же. С. 65-66.

228 Там же. 1808. № 6. С. 15.

229 Там же. 1810. № 4. С. 107.

230 Там же. 1808. № 3. С. 302.

231 Там же. С. 303-304.

232 Там же. № 6. С. 347-348.

233 Там же. № 1. С. 17.

234 Там же. 1809. № 3. С. 483.

235 Там же. 1808. № 3. С. 305-306.

236 Там же. № 1. С. 20-21; Глинка С. Н. Зеркало нового Парижа. Ч. 1. С. 17 ; Рус. вестн. 1810. № 4. С. 106 и др.

237 Рус. вестн. 1810. № 4. С. 108.

238 Там же. 1808. № 3. С. 307; 1810. № 4. С. 100-101.

239 Глинка С. Н. Зеркало нового Парижа. Ч. 1. С. 17.
240 Тот же перечень качеств Глинка представляет при описании «добродетелей времен Богатырских» (Рус. вестн. 1808. № 6. С. 325-340).
241 Рус. вестн. 1811. №4. С. 17.
242 Там же. №3. С. 44.
243 Там же. 1808. № 1. С. 17-18
244 Там же. 1811. № 11. С. 74.
245 Рус. вестн. 1808. № 1. С. 20-21.
246 Велижев М. Об источниках «петровской» концепции С. Н. Глинки // Петр Великий. М., 2007. С. 52.
247 Разговор Петра Первого с Анною, Англинскою королевою // Рус. вестн. 1810. № 4. С. 56-68.
248 Там же. С. 58-59.
249 Там же. С. 62.
250 Там же. С. 63-64.
251 Там же. С. 65-68.
252 Там же. 1811. № 4. С. 3-20; № 5. С. 1-11.
253 Там же. 1812. № 6. С. 93-103.
254 Там же. 1808. № 1. С. 20-21 ; Глинка С. Н. Зеркало нового Парижа. Ч. 1. С. 16.
255 Рус. вестн. 1808. № 3. С. 303.
256 Там же. 1815. № 2. С. 36.
257 Правила русского воспитания, или нравственное рассмотрение духовной князя Владимира Мономаха // Там же. С. 3-45.
258 Там же. С. 35-40.
259 Там же. 1808. № 4. С. 7.
260 См. статью : Взор на Москву // Там же. № 1. С. 23-35.
261 Там же. 1815. № 2. С. 59-60.
262 Там же. 1811. № 11. С. 74.
263 Там же. С. 83.
264 Там же. 1808. № 4. С. 42.
265 Там же. 1811. № 9. С. 85.
266 Там же. 1808. № 4. С. 8-10.
267 Там же. С. 30.
268 Там же. 1810. № 8. С. 143.
269 Там же. 1808. № 4. С. 38.
270 Там же. С. 17.
271 Там же. 1815. № 2. С. 50.
272 Там же. 1808. № 4. С. 15-16.
273 Там же. С. 3-45.
274 Там же. С. 36.
275 Там же. С. 42-43.
276 Там же. С. 37.
277 Например: Мельгунов С. Глинка С. Н. // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Т. 15. Гирке – Город. С. 143 ; Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957. С. 232 ; История русской журналистики XVIII-XIX вв. / под ред. проф. А. В. Западова. М., 1973. С. 114.

278 Глинка С. Н. Записки. С. 222.
279 Там же. С. 287.
280 Там же. С. 211.
281 Рус. вестн. 1809. № 2. С. 208.
282 Там же. 1808. № 4. С. 34-35.
283 Там же. 1812. № 10. С. 58.
284 Там же. 1808. № 4. С. 24-25.
285 Там же. 1810. № 1. С. 121-122.
286 Там же. 123.
287 Там же. С. 123-124.
288 Там же. 1811. № 8. С. 80-84.
289 Рус. вестн. 1811. № 8. С. 85-86.
290 Там же. 1810. № 1. С. 122.
291 Там же. 1809. № 2. С. 208.
292 Там же. 1811. № 8. С. 80.
293 Там же. 78-79.
294 Казаков Р. Б. Крестьянство и власть в сочинениях Н.М. Карамзина : проблемы источниковедения // Народ и власть: исторические источники и методы исследования: М., 2004. С. 96.
295 Рус. вестн. 1808. № 6. С. 315.
296 Там же. № 8. С. 219.
297 Там же. № 3. С. 352-353 ; см. схожие сюжеты в статьях : Наследственное мужество русских // Там же. 221-223 ; Русской крестьянин, гражданской анекдот // Там же. С. 315-319.
298 Крестьянин Иван Сусанин, победитель лести и Избавитель Царя Михаила Федоровича Романова // Там же. 1812. № 5. С. 72-94.
299 Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф» : становление канона // Новое лит. обозрение. № 63.
300 Рус. вестн. 1809. № 4. С. 22.
301 Там же. № 2. С. 207.
302 Там же. № 4. С. 22-23.
303 Там же. № 2. С. 208.
304 Там же. № 8. С. 231-232.
305 Глинка С. Н. Записки. С. 363.
306 Рус. вестн. 1816. № 11. С. 14-16 ; № 9. С. 42-45 ; см. также : Федоров Б. М. Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки. СПб., 1844. С. 10-11.
307 Уважение англичан и других народов к подвигам Платова // Рус. вестн. 1813. № 8. С. 113-117 ; Подарок графа Милорадовича русским воинам в сражении под Красным // Там же. 1814. № 9. С. 57-60 ; подробнее см. роспись номеров «Русского вестника» в : Колюпанов Н. Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. I, кн. 2. С. 391-401.
308 Рус. вестн. 1813. № 1. С. 7-15.
309 Там же. С. 59-73.
310 Там же. № 4. С. 24-48.
311 Там же. № 10. С. 40-52.
312 См. роспись номеров «Русского вестника» в : Колюпанов Н. Биография А. И. Кошелева.

М., 1889. Т. I, кн. 2. С. 401.
313 Там же. С. 404.
314 См. роспись номеров «Русского вестника» в Колюпанов Н. Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. I, кн. 2. С. 406.
315 Предтеченский А. В. «Русский вестник» С. Н. Глинки. С. 130.
316 Глинка С.Н. Записки. С. 268.
317 Списки подписчиков журнала были опубликованы в 11 номере за 1811 г., во втором номере за 1812 г., и в третьем, шестом, 11 и 12 номерах за 1813 г.
318 Рус. вестн. 1808. № 8. С. 281.
319 Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С. Н. Глинки. С. 106.
320 Глинка С. Н. Записки. С. 290.
321 О Русском вестнике // Аглая, издаваемая П.И. Шаликовым. 1808. Ч. 2. Кн. 1. Апрель. С. 56-60.
322 Там же. С. 56-58.
323 См. например : Замотин И. И. «Русский вестник» Глинки // Отечественная война и русское общество. 1812-1912. М., 1911. Т. 5. С. 137.
324 П. И. Шаликов // Поэты 1790-1810-х годов. Л., 1971. С. 630.
325 О Русском вестнике // Аглая, издаваемая П. И. Шаликовым. 1808. Ч. 2. Кн. 1. Апрель. С. 56.
326 Там же. С. 58.
327 Там же. С. 58-60.
328 Ответ издателю Аглаи, на замечания его о Русском вестнике // Рус. вестн. 1808. № 5. С. 234-243.
329 Ответ издателю Аглаи, на замечания его о Русском вестнике // Там же.С. 243.
330 К издателю Русского вестника // Аглая, издаваемая П. И. Шаликовым. 1808. Ч. 3. Кн. 2. Август. С. 45-60.
331 Там же. С. 52.
332 Там же. С. 55-56.
333 Там же. С. 59.
334 Ответ господину издателю Аглаи на первую и новую статью его о Русском вестнике // Рус. вестн. 1808. № 8. С. 276-293.
335 Скромное благодеяние // Аглая, издаваемая П. И. Шаликовым. 1809. Ч. 3. Кн. 2. Ноябрь. С. 38-41.
336 Цит. по : Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. СПб., 1902. Т. 1. С. 217.
337 Цит. по: Там же. С. 218.
338 Проскурин О. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 129-142.
339 Цит. по: Там же. С. 129-130.
340 Там же. С. 135-136.
341 Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.-Л., 1964. С. 98.
342 Цит. по : Поэты 1790-1810-х годов. Л., 1971. С. 297. Две последние строфы опираются на действительные замечания С. Н. Глинки ; в последнем случае имеется ввиду старинная русская сказка «Как мыши кота хоронили».
343 Письмо Шишкова А. С. к Бардовскому Я. И. от 19 июля 1811 г. // Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. С. 318.
344 ОР РНБ. Ф. 191. Е.х. 28. Л. 1.

345 Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 562.

346 Вяземский П. А. Глинка Сергей Николаевич // Глинка С. Н. Записки. С. 437-438.

347 Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М, 1869. С. 104.

348 Цит. по : Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 34.

349 Цит. по : Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 0177 примечаний.

350 Минаков А. Ю. К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма // Клио. 2003. № 3. С. 27.

ГЛАВА III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. Н. ГЛИНКИ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

§ 1. «Шатобриан московского ополчения»: роль С. Н. Глинки в московских событиях 1812 г.

Близкий знакомый С.Н. Глинки, известный русский писатель С.Т. Аксаков, утверждал, что «его (Глинки – Н.Л.) патриотическое участие в московских событиях 1812 года гораздо замечательнее его многотомных сочинений»[1]. В известной степени с этим высказыванием можно согласиться. В период войны 1812 г. Глинка получил возможность дополнить консервативно-националистическую публицистику «Русского вестника» соответствующей практической деятельностью.

Надо сказать, что 1812 год явился решающим для развития русского консерватизма, создав благоприятные условия для выдвижения его наиболее видных представителей и реализации их политических программ. В этом смысле, как верно и метафорично отметил А.Ю. Минаков, «русские ранние консерваторы – «дети 1812 года» в не меньшей, а скорее, в гораздо большей степени, чем декабристы»[2]. Если заключение Тильзитского мира создало общественное настроение, созвучное идеям ранних консерваторов, и обеспечило общественный успех литературных собраний шишковистов в доме Г. Р. Державина, «Мыслей вслух…» Ф.В. Ростопчина и «Русского вестника» С.Н. Глинки, то угроза войны с Наполеоном сделала эти фигуры и политически востребованными. Новая политическая обстановка и усилия сложившейся консервативной коалиции заставили Александра I отказаться от либерального реформаторства. Знаковой с этой точки зрения стала отставка и опала сподвижника императора и главного проводника его прежнего курса М.М. Сперанского. Его пост государственного секретаря, 9 апреля 1812 г. занял А.С. Шишков. 29 мая Ф. В. Ростопчин был произведен в генералы от инфантерии и назначен Московским генерал-губернатором с присвоением титула Московского главнокомандующего[3]. Таким образом, накануне войны ответственные политические должности, связанные с непосредственным контактом и идеологической пропагандой среди населения, заняли видные консерва-

торы. Яркое появление С. Н. Глинки на общественно-политической арене Москвы 1812 г. вполне вписывалось в логику происходящих событий.

Основываясь на собственных воспоминаниях Глинки, исследователи утверждали, что он первым записался в Московское ополчение[4]. 11 июля, прочитав воззвание Александра I к первопрестольной столице, Глинка в пять часов утра бросился к московскому главнокомандующему графу Ф.В. Ростопчину. Узнав, что граф занят и не может принять его, он оставил следующую записку: «Хотя у меня нигде нет поместья, хотя у меня нет в Москве никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженец московский, но где кого застала опасность Отечества, тот там и должен стать под хоругви отечественные. Обрекаю себя в ратники Московского ополчения, и на алтарь Отечества возлагаю на триста рублей серебра»[5]. Так всегда живший весьма скромно, а в иные времена и сильно нуждавшийся Глинка пожертвовал почти всем своим небольшим состоянием. Вообще этим фактом своей биографии Глинка чрезвычайно гордился, позиционирование себя как «Первого ратника Московского ополчения» стало одним из его литературных псевдонимов, и даже в названии своих мемуаров о 1812 годе он не преминул сослаться на этот факт.

В тот же день, 11 июля, жители столицы ожидали приезда государя. Решив идти ему навстречу, в проводники они избрали именно С.Н. Глинку. Он встал впереди народа, крикнул: «Ура! Вперед!» - и толпа двинулась за ним[6]. Государя, задержавшегося в одном из московских сел, жители столицы не встретили, но Глинка в ту же ночь не преминул оповестить полицию о народной инициативе, надеясь, что правительство примет какие-нибудь меры для ободрения народа. Однако в результате за ним самим была установлена слежка[7].

Поворотным событием, предопределившим роль С.Н. Глинки в событиях 1812 г. в Москве, стало его выступление 15 июля в Слободском дворце, где в присутствии императора проходило собрание купечества и дворянства. В речи, продолжавшейся более часа, Глинка между прочим заявил, что Москва будет сдана, так как «во-первых, от Немана до Москвы нет ни природной, ни искусственной обороны, достаточной к остановлению сильного неприятеля. Во-вторых, из всех отечественных летописей наших явствует, что Москва привыкла страдать за Россию. В-третьих, и дай Бог, чтобы сбылись мои слова, сдача Москвы будет спасением России и Европы»[8]. Выступление Глинки привлекло к себе внимание. По его собственному свидетельству, после слов о неизбежной сдаче Москвы некоторые вельможи привстали[9]. Хотя на некоторых эта речь произвела благоприятное впечатление; так, бывший тогда начальником кремлевской

экспедиции П. С. Валуев хотел представить пламенного оратора государю, но Глинка отказался[10].

Жена С.Н. Глинки, видимо, наслышанная о том, что рядом со зданием Слободского дворца московский главнокомандующий выставил полицейских с повозками, на которых предстояло отправиться в «далекое путешествие» любому, кто осмелился бы сказать что-то лишнее в присутствии императора и нарушить общественное спокойствие[11], уже слышала «звон сибирского колокольчика»[12]. Поэтому, когда 19 июля Глинка был вызван к Ф. В. Ростопчину, его семья приготовилась к худшему. Однако генерал-губернатор Москвы встретил его с распростертыми объятиями и с известием о том, что тот пожалован кавалером ордена Св. Владимира четвертой степени. В высочайшем рескрипте от 18 июля было сказано: «Господин Майор Глинка! Любовь ваша к Отечеству, доказанная сочинениями и деяниями вашими, обратила на вас Наше внимание, во изъявление чего жалуем вас кавалером Ордена святого Равноапостольного князя Владимира 4 степени, коего знаки при сем к вам препровождаются. Пребываем вам благосклонны»[13]. Вручив рескрипт и орден, Ростопчин продолжал: «Священным именем Государя Императора развязываю вам язык на всё полезное для Отечества, а руки на триста тысяч рублей экстраординарной суммы»[14]. Таким образом, С.Н. Глинка оказался в числе консерваторов, отмеченных высшей властью, и если в 1808 г. она считала «Русский вестник» изданием оппозиционным, то теперь тон журнала полностью соответствовал настроениям правительства и был признан им. Полученная Глинкой награда была, пожалуй, высшей формой императорского благоволения, которое могло быть оказано частному лицу, независимому литератору, не состоящему на государственной службе.

Надо сразу сказать, что врученная Глинке сумма сполна осталась в казне. Единственной тратой, на которую решился бескорыстный Глинка, оказались шапка и кушак, которые он купил крестьянину села Крылацкого Никифору Михайлову, приведшему на службу в ополчение трех своих сыновей[15]. А позже Глинка снарядил на службу в ополчение 20 человек, заложив для этой цели драгоценности своей жены и продав часть своей богатой библиотеки[16]. Среди получивших помощь Глинки добровольцев были большей частью патриотически настроенные студенты московского университета, в их числе был и известный в будущем историк, филолог и археограф Константин Федорович Калайдович[17].

Помимо награды, Ростопчин сообщил Глинке, что «государь возлагает на вас особенные поручения, по которым будете совещаться со мною»[18]. С этого момента С.Н. Глинка становится фактически правой

рукой московского главнокомандующего. П.А. Вяземский писал, что Ростопчин «хорошо понял значение Глинки в подобных обстоятельствах… Глинка был рожден народным трибуном, но трибуном законным, трибуном правительства. Он умел по православному говорить с народом православным. Речами своими он успокаивал и ободрял народ. И то, и другое по обстоятельствам было нужно»[19]. Схожие свидетельства о популярности С.Н. Глинки среди москвичей оставил М.А. Дмитриев: «Русский вестник, простое и резкое обращение издателя, громкий его голос и привычка видеть его по площадям и рынкам, между простым народом, сделали его очень известным московскому народу»[20]. Именно к Глинке за помощью шли студенты московского университета, не имевшие средств на необходимую для поступления в ополчение экипировку: «Ваш «Русский вестник», - говорили они, - воспламенил наш дух; помогите нам жертвовать собою Отечеству!»[21]. Таким образом, в глазах общественности Глинка стал настоящим символом патриотизма, и, безусловно, Ф.В. Ростопчин, который особое значение в условиях войны придавал пропагандистской деятельности[22], был заинтересован в вовлечении в нее человека с репутацией ярого патриота. Скорее всего, именно московский генерал-губернатор явился инициатором награждения издателя «Русского вестника». Таким образом, конфликт между Глинкой и графом, длившийся с 1809 г., оказался исчерпан.

По словам самого Глинки, в качестве помощника графа Ростопчина он выполнял «*тайные* и *важные* препоручения», неоднократно подвергая свою жизнь опасности[23]. Об «особых поручениях», возложенных на него, Глинка неоднократно упоминает в «Записках о 1812 годе»[24], но нигде даже не намекает на то, какого рода поручения это были. С полной уверенностью можно говорить лишь об активной устной пропаганде среди московского народа. Дореволюционный историк В.К. Надлер предполагал, что в задачи Глинки с подачи Ростопчина входило «возбуждать народ против Наполеона, доказывать ему всяческими способами, что обещания чуждого завоевателя дать крепостным людям свободу – не менее как гнусный обман и ложь»[25]. Это предположение можно считать верным, если принять во внимание, что и в публицистике «Русского вестника» периода Отечественной войны проблема сохранения спокойствия среди крестьян занимала важное место, о чем говорилось в соответствующем параграфе диссертационного исследования.

Думается, что важной задачей С.Н. Глинки стала агитационная поддержка усилий Ростопчина по созданию народного ополчения. Так, дореволюционный консервативный исследователь И.В. Евдокимов указывает,

что в ходе своей агитационной деятельности Глинка призывал москвичей к составлению ополчения и партизанской войне[26]. В воспоминаниях С.Т. Аксакова, хорошо знавшего издателя «Русского вестника», сказано, что тот изначально делал ставку на народный характер войны[27]. В «Записках» Глинка утверждает, что идею создания партизанских отрядов он высказывал еще до начала военных действий[28], а в «Записках о 1812 годе» он упоминает о том, что уже в июле 1812 г. подал графу Ростопчину «записку о лесных отрядах», способных сильно помочь отражению нашествия[29].

В воспоминаниях одного из очевидцев московских событий тех дней, известного писателя И. И. Лажечникова, содержится колоритный рассказ об одном из выступлений Глинки: «На Поклонной горе особенное мое внимание привлек к себе многочисленный кружок, составленный, большей частью, из купцов, мещан и крестьян. В середине толпы стоял мужчина, довольно высокий, плечистый; лицо его казалось вдохновенным, голос звучал знойно, энергически. За толпою, тесно окружившей его, я не мог слышать его речи, обращенной к народу, но до меня долетали по временам слова его, глубоко западавшие в грудь. Толпа, творя крестное знамение, повторяла с жаром его последние слова: «за батюшку царя и Русь православную, под покровом Царицы небесной!» - Я узнал, что это был Сергей Николаевич Глинка»[30]. Пропаганда сочеталась с распространением сочинявшихся им летучих листков[31], возможно, и воззваний Ростопчина к жителям столицы. Плоды этой работы проявились после вступления в Москву наполеоновских войск, когда отряды вооруженных мужиков не давали французам возможности добыть продовольствие в округе.

Не стоит забывать, что агитаторская деятельность Глинки сочеталась с интенсивной издательской: вместе с августовской книжкой «Русского вестника» он издал сентябрьский и октябрьский номера журнала. Таким образом, его издательская деятельность не была приостановлена даже в связи с военными событиями.

Когда в середине августа С.Н. Глинка с семьей уже готовился к отъезду из Москвы, он получил приказ графа Ростопчина оставаться в столице, «где нужна ваша служба»[32]. Глинка оставался в Москве вплоть до вступления в нее французов. После Бородинского сражения столица была наполнена ранеными, и он лично перевязывал им раны и ухаживал за умирающими[33], хотя, по собственному признанию, боялся даже вида крови[34]. Его последняя встреча с московским главнокомандующим накануне оставления столицы состоялась 30 августа. В воспоминаниях Глинка утверждает, что уже тогда, то есть до совета в Филях, Ростопчин сказал

ему о том, что Москва будет сдана без боя[35]. Тогда же граф передал своему помощнику текст знаменитого воззвания на три горы, призывавшего народ к партизанской войне против французов. Глинка должен был напечатать его в типографии С. А. Селивановского. При этом Ростопчин пояснил: «У нас на трех горах ничего не будет; но это вразумит наших крестьян, что им делать, когда неприятель займет Москву»[36].

Зная затруднительное материальное положение Глинки, тратившего на пропагандистскую деятельность собственные средства, Ростопчин предлагал ему сумму, необходимую для эвакуации его семьи, но Глинка отказался брать деньги[37]. Он отправил свою семью из Москвы первого сентября. Приближение неприятеля к древней столице России ввергло Глинку в совершенное отчаяние. Накануне вторжения французов в Москву он бил зеркала и рвал книги из своей богатой библиотеки[38]. Его брат Ф.Н. Глинка в «Письмах русского офицера» под вторым сентября записал: «Москва осиротела, пустая, ничем не отличается от простого уездного города! Все уехало и уезжает. Вчера брат мой, Сергей Николаевич, выпроводил жену и своих детей. Сегодня жег и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества против зараз французского воспитания, простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России»[39]. Интересный анекдот о Глинке, по-своему отражающий его настроение в эти дни, сохранился в записях П. А. Вяземского: «Рассказывали, что в предсмертные дни Москвы до пришествия французов, С. Н. Глинка, добродушный и добросовестный отечестволюбец, разъезжал по улицам, стоя на дрожках, и кричал: «Бросьте французские вина и пейте народную сивуху! Она лучше поможет вам». Рассказ, может быть и выдуманный, но не лишенный красок местности, современности и личности»[40].

Глинка замешкался в Москве и едва не попал в плен. Он наблюдал, как полки Наполеона тремя колоннами входили в столицу[41], и видел, как в городе начался пожар. Этот момент очень эмоционально описан в его воспоминаниях: «Объятый тяжкою, гробовою скорбью, я ринулся на землю с лошади и ручьи горячих слез мешались с прахом и пылью. Приподнимая меня, брат Федор Николаевич говорил «Вы сами предсказали жребий Москвы, вы ожидали того, что теперь в глазах ваших». – «Я говорил о сдаче Москвы, - отвечал я, - я предвидел, что ее постигнет пожарный жребий. Но я мечтал, что из нее вывезут и вековую нашу святыню и вековые наши памятники. А если это все истлеет в пламени, то к чему будет приютить-

ся мысли и сердцу?»[42]. Из этого отрывка можно заключить, что Глинка предполагал возможность зажжения Москвы. Интересно, что некоторые современники, кто в шутку, кто всерьез, обвиняли Глинку в поджоге столицы. Так, А.П. Валуев, встретивший Глинку в послепожарной Москве в начале 1813 г., «с жаром вскрикнул: «что вы наделали с вашим Ростопчиным?»[43]. И по прошествии многих лет, в 1835 г., один из московских литераторов, встретившись с Глинкой, заявил, что московский пожар – дело его рук, ссылаясь на то, что тот был ближайшим поверенным Ростопчина, на которого общество возлагало вину за поджог столицы[44]. Глинка отметал подобные обвинения и усердно защищал Ф.В. Ростопчина от сомнительной славы поджигателя Москвы[45]. Но на склоне лет, в одной из своих неопубликованных работ писал, что именно он подал мысль о зажжении Москвы, «а граф Ростопчин произвел ее в действие. Но я желал, чтобы вся заветная жизнь Москвы, то есть и святыня ее и вековые памятники были из нее вынесены. И не думайте, что это мечта»[46]. В настоящее время факт организации московского пожара Ф.В. Ростопчиным является общепризнанным среди исследователей[47], но проверить истинность позднего признания Глинки в авторстве этой идеи не представляется возможным.

По оставлении Москвы Глинка принялся отыскивать свою семью. Шестого сентября он был в Коломне, но не нашел там своих родных. Оттуда он отправился в Нижний Новгород, где оставался до конца сентября[48]. В Нижнем Новгороде тогда собрался круг литераторов, среди которых были Н.М. Карамзин, В.Л. Пушкин, Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский, К.Н. Батюшков. Все они именно к Глинке обратились с предложением издавать ежедневные листки о действиях армии и народа, но тот отказался, так как сильно переживал за свое семейство, о котором не имел никаких сведений[49]. Тогда же в Нижнем К.Н. Батюшков, еще недавно подшучивавший над Глинкой в своем «Видении на брегах Леты», признался ему, что «обстоятельства оправдали Вас и Ваше издание»[50].

Только первого октября С.Н. Глинка узнал, что его семья живет в городе Горбатове. Оставшиеся месяцы 1812 года он вместе с родными провел в Арзамасе[51]. В Москву он вернулся первого января 1813 г.[52] и сразу же принялся за продолжение «Русского вестника»[53].

Уже в 1830 г. в одном из своих писем П.А. Вяземский писал, что в 1812 г. С.Н. Глинка был «Шатобрианом московского ополчения»[54]. Это образное сравнение с одним из видных европейских консерваторов, христианских мыслителей и гневных критиков Наполеона выглядит более чем удачным. В период Отечественной войны энергичная издательская и пропагандистская деятельность С.Н. Глинки среди московского насе-

ления, опиравшаяся на православную риторику и способствовавшая возжиганию ненависти к Наполеону и его войскам, сильно способствовала предотвращению паники ввиду приближения неприятеля и созданию партизанских отрядов, серьезно беспокоивших французов в Москве и ее окрестностях, что стало одним из важных факторов победы над наполеоновской армией.

§ 2. Патриотическая риторика и антифранцузская пропаганда «Русского вестника» накануне и в период Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии.

Как уже было сказано выше, С.Н. Глинка приступил к изданию «Русского вестника», уверившись в неизбежности войны с Наполеоном, и главной целью своего издания положил «возбуждение народного духа и вызов к новой и неизбежной борьбе». Поэтому материалы, посвященные патриотической пропаганде и военной тематике, стали фигурировать уже в первых номерах журнала. Речь идет о многочисленных статьях, подчеркивавших врожденные «храбрость, мужество, предприимчивость, бесстрашие, непобедимость» русского народа[55] и пестрящих именами Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Скопина-Шуйского; рассматривающих вопросы военного искусства и тактики[56]; напоминающих о подвигах россиян в недавних войнах в составе антинаполеоновских коалиций[57].

В первой главе нашего исследования упоминалось о том, что особо сильное впечатление на формирование консервативно-националистических убеждений С.Н. Глинки произвел патриотизм простонародья при составлении милиции, и эти впечатления нашли отражение и в его переписке тех лет, и в его мемуарах. Этому в немалой степени способствовало то, что составление народного ополчения проводило нужную историческую параллель с событиями начала XVII в., когда Россия также оказалась на грани иноземного порабощения, только со стороны поляков, а не французов, но благодаря всенародному отпору смогла сохранить свою независимость. Потому и в «Русском вестнике» формированию милицейских войск уделялось значительное внимание[58]. Глинка изображал его как единодушный, самоотверженный народный порыв в ответ на призыв верховной власти: «Целые селения спешили на соборное место; старики, молодые, все сходились. Им читают Манифест с объяснением слога и содержания оного. Сердца их от одной уже молвы воспылавшие усердием, еще более воспламеняются. *Ведите нас, куда угодно; мы все пойдем без*

выбору!»[59]; или «Отцы и матери выбранных ратников благословили хлебом и солью; жены, братья и сестры наделили родных, чем могли; между тем по решительности новых слуг Отечества, казалось, что они заранее отреклись от самих себя, для усердного служения Богу и Государю»[60].

Особо многочисленный комплекс статей был посвящен А. В. Суворову[61], который на страницах «Русского вестника» выступал как образец истинно русского воина. В его облике акцентировались важнейшие для системы Глинки детали. Так, утверждалось, что Суворов получил истинно русское, основанное на христианской морали, воспитание[62], и даже многие военные правила он заимствовал именно из священных книг[63]. Особый акцент автор делал на внимании полководца к отечественному наследию в области военного искусства, сравнивая его с русскими полководцами Владимиром Мономахом и Петром I[64].

Однако Глинка раскрывал не столько военный гений Суворова и его талант стратега, сколько его нравственные качества, проявившиеся, прежде всего, в том, что и озаренный блеском славы, он продолжал ревностно исполнять свои обязанности попечительного отца по отношению к солдатам и верного подданного своего государя и Отечества. Отеческая опека Суворова по отношению к своим «молодцам» заключалась в особом подходе к ним, в облечении всех мыслей и приказаний в доступную им форму, основанную на «коренных народных понятиях» и «простонародном наречии», в разделении с ними сложного солдатского быта[65]. Этим Суворов заслужил «доверенность» и любовь солдат, которые называли его «батюшкой»[66].

Но главной силой, делавшей его воинов непобедимыми, Глинка считал Веру. Глубоко религиозный человек, Суворов «животворил воинов своих Русской Верой и Русским Богом»[67]. Подобно Петру Великому, за все свои достижения он благодарил Бога и учил своих подопечных: «Молитесь Богу! от Него победа: чудо-богатыри! Бог вас водит»[68], а лучшим нравоучением «истинным воинам» считал «Закон Христианский»[69]. Таким образом, в публицистике Глинки русская армия выступала последовательницей и носительницей христианской морали.

В силу цензурных запретов и помня казус с жалобой Коленкура, Глинка в довоенный период не мог критиковать наполеоновских войск, как этого логически требовала сама система его мышления, основанная на антитезе русское (в значении положительное) – французское (в значении отрицательное). Однако издатель нашел оригинальный способ характеристики европейских войск посредством исторической параллели. В статье «Выписки и замечания из хитрости ратного дела или воинского уста-

ва, изданного в царствование царя Алексея Михайловича»[70], он приводит описание развращенных нравов европейских войск XVII в.: «Посмотри ратный строй у европейских народов: что некогда почиталось бесчинством и пороком, то теперь почитают удальством и хитростью воинскою; сбылась пословица, что *привычка вторая Природа*. Они и не мыслят о злобе своей, вменяя оную ни во что; но Бог не дает им в войнах благословения. Все войны, которые европейские Государи начнут и ведут, то в наказание и в язвы ставится, чем Господь Бог их язвит»[71] По логике Глинки, если русские войска со времен Киевской Руси руководствовались нормами христианской морали и сохранили чистоту нравственности и в современную ему эпоху, то это же можно было сказать о европейских войсках, которые в начале XIX в. возглавил Наполеон, и к сражению с которыми готовил своих читателей «Русский вестник». Таким образом, будущей схватке придавался космогонический характер как столкновения добра и зла, христианской нравственности и поправшего божественные заповеди разврата.

С полной силой это противопоставление высказалось в 1812 году, когда, по словам П. А. Вяземского, «Русский вестник» «облекся в плоть и кровь»[72]. Эпиграф к статье «Обеты русских воинов», открывавшей первый номер журнала за 1812 г. гласил: «Никому живому не сдаваться, всем умирать за одного; биться до смерти за веру, за царя, за землю Русскую»[73].

В военное время Глинка уже не сдерживал своего натиска на «лживых и неверных» французов, которые обещали жить в мире, а сами «разбойнически ворвались в земли любезного нашего отечества»[74]. В статье с красноречивым заголовком «Злоумышленность французских военных правил»[75] издатель резко критиковал безнравственные захватнические амбиции французских войск, якобы порожденные «зловредным духом» французской революции, который эти войска распространяют на побежденных территориях[76]. Глинка описывал коварство и жестокость французского правительства, якобы намеренно не снабжавшего свои войска продовольствием, чтобы заставить их «добывать отважно в чужой земле все то, в чем отказало им их правительство»[77], то есть фактически заниматься мародерством. Для характеристики Наполеона Глинка не жалел самых мрачных красок: он «неверный Гольяф», выступивший против «верного Давида»[78]; «лицемер», для которого сам Бог будет «карателем»[79]; «исчадие греха, раб ложной, адской славы, изверг естества, лютый сын геенны»[80].

Использование религиозной риторики, наполнявшей тексты Глинки космологическим смыслом, вторило пропаганде Синода, который еще до

заключения Тильзитского мира пытался пробудить в русском крестьянстве антифранцузские настроения, воздействуя на его религиозное чувство. Эти меры были направлены на предотвращение крестьянского бунта, который дворянство считало возможным в связи с действием французской агентуры. Последняя уже в 1807 г. в западных приграничных областях Российской Империи, действительно, распространяла листовки, восхвалявшие Наполеона, будто бы отменившего крепостное право в Великом Герцогстве Варшавском. Чтобы предотвратить возникновение у крепостных крестьян симпатии к Наполеону, Александр I обратился к нравственному влиянию православной церкви. Святейший Синод с готовностью ответил на этот призыв и заявил, что Наполеон отрёкся от христианской веры и участвовал в кощунственных торжествах безбожной Французской революции. В ходе своей кампании в Египте он якобы проповедовал ислам, затем восстановил еврейский Великий Синедрион – орган, осудивший Христа; а после приступил к обдумыванию дьявольского плана объединения всех евреев с целью уничтожить христианство и провозгласить себя новым мессией. Поэтому от истинно православного требовались неустрашимость в сражении, покорность установленным властям и стойкость перед дьявольскими искушениями[81].

Возможно, те же цели ставил перед собой и Глинка, если принять во внимание тот факт, что в 1812 г. он активно сотрудничал с сильно сомневавшимся в верности российских крестьян престолу Ф. В. Ростопчиным. К слову сказать, материалы графа в это время снова появляются на страницах «Русского вестника». Например, написанное в характерном для него псевдонародном стиле «Дружеское послание от Главнокомандующего в Москве к жителям ее», в котором Ростопчин раскрывал ложность всех обещаний Наполеона и призывал жителей столицы выдавать властям тех людей, которые пропагандируют эти обещания и восхваляют французского императора[82].

В пользу нашего предположения говорит и обилие в номерах журнала за 1812 год статей, призванных, с одной стороны, создать необходимый нравственный ориентир и образец для подражания крестьянству, а с другой – успокоить дворян, убедив их в верности крестьян престолу и Отечеству. Так, в статье «Крестьянский разговор»[83] побывавший за границей крестьянин произносит следующую речь: «Хвали чужбину тот, кто ее не видал; а я видел, видел братцы! тамошнюю волю и вольность. Оборони нас Бог от той воли, от которой часто и кусить нечего… Многие из *вольницы иноземской* до того от *воли* Французской дожили, что все прожили… Выпьем, братцы! за Русь правоверную: у нас славное *житье-бытье*…

Ходит Он (Царь – Н.Л.) между народа православного как отец между детей. Не то на чужбине! Не дети там подданные; гоняют их толпами Бог весть куда; выгоняют из родных пепелищ проливать кровь в дальних сторонах, за что и за кого, сами того не знают. Вот какова вольность иноземская! Вот каково тамошнее житье-бытье! Иные там крестьяне и куску хлеба были бы рады, да не откуда взять. Помещик там про себя, купец про себя, всякий про себя, и всякому тяжело там от руки сильной. А у нас в земле Русской все доброе для всех. Бережет нас ЦАРЬ-ГОСУДАРЬ (выделение С. Н. Глинки – Н.Л.), жалуют нас отцы-помещики; у нас все за всех и все для всех. Милосердие Божие живет над землею Русскою»[84].

Вообще, войну с французами С. Н. Глинка воспринимал как зло, но зло необходимое, которое может объединить все сословия перед лицом внешней угрозы. Поэтому в своем журнале в 1812 г. он помещал материалы, призванные подчеркнуть долгожданное для него единение русского народа в своем патриотическом порыве, что иллюстрируют статьи «Русская речь Никифора Михайлова, крестьянина государева села Крылацкого, что близ Хорошева»[85], «Усердие русского купечества к военнослужащим»[86], «Добродетельный подвиг мещанина Семена Зункова»[87], «Подвиг смоленского дворянина Петра Николаевича Клочкова»[88] и мн. др. Знаменательно, что именно в 1812 г. на страницах «Русского вестника» появилась обширная статья «Опыт о народном нравоучении»[89], в которой Глинка впервые в систематизированном виде изложил свою консервативно-националистическую концепцию, в которой подчеркивалась органичность и гармоничность сложившегося в России общественно-политического устройства и необходимость следования ему, особенно в опасные для государства периоды.

Глинка надеялся, что нашествие французов заставит обратиться к национальной культурно-исторической традиции самых отъявленных галломанов. Подобный сценарий развития событий отражен в одной из статей об Артемии Булатове[90]. Этому герою в «Русском вестнике» посвящен целый цикл статей, которые были явным стилистическим подражанием ростопчинским «Мыслям вслух…», и также были проникнуты ярким националистическим пафосом. Имена и названия здесь были преисполнены глубокого для издателя смысла: Артемий Булатов был жителем села Громилова, - и уже это настраивало читателей журнала на воинственный лад. В десятом номере «Русского вестника» за 1812 г. появилась статья «Разговор Артемия Булатова с Молодовым»[91], в которой издатель показал столкновение двух «миров» современной ему России – приверженцев праотеческих традиций и убежденных галломанов, представленных

соответственно Булатовым и Молодовым. Последний – сын сослуживца Булатова, «воспитанник *мод* и *вкуса*»[92], узнав о начавшемся нашествии французов на Россию в ужасе скачет к другу отца, при этом ему мерещится, «что вслед за ним гонятся уже Французы»[93]. Встретив непоколебимое спокойствие Булатова при известии об опасности и выслушав его речь, ключевым местом в которой можно считать следующий отрывок: «Молодой человек! чему научился ты у иноплеменника? Ты и тебе подобные, вы все привыкли или к крайней беспечности, или к крайнему малодушию. Вы не знаете и понять не можете, что такое *благоразумная опасность*. Кто толковал вам силу природного языка и силу Русских душ? Молодой человек! стань на колени, и припомня, как часто в присутствии моем плакал твой отец, видя, к какому злу тебя готовит *не Русское ученье*; проси Бога, чтобы тебя вразумил… Стань на колени и молись со мною за Царя милосердного, за Царя Охранителя земли Русской и Веры нашей»[94], - Молодов сжигает все свои французские альбомы и, вооружившись отцовской шпагой, готовится к службе Отечеству и Государю. Для С. Н. Глинки это желаемая кульминация войны, которая приводит к уничтожению нравственного господства французов в русском образованном обществе.

В 1812 г. «Русский вестник» пользовался необыкновенной популярностью. Патриотический энтузиазм издателя, возведение русских и России на степень апофеоза на фоне обличительной критики наполеоновской Франции как нельзя лучше соответствовали историческому моменту. А он был таков, что никакие средства, направленные на патриотическое воодушевление общества, не казались крайностью. Знаменательно, что афиши Ф. В. Ростопчина, написанные в так называемом «народном» стиле, находили благодушный отклик и у части дворянства[95]. Можно предположить, что материалы «Русского вестника» за 1812 г. перекликались с содержанием патриотической пропаганды С. Н. Глинки среди московского населения в период Отечественной войны.

§ 3. Отечественная война 1812 года в воспоминаниях С. Н. Глинки

События 1812 года оставили неизгладимый след в душе С. Н. Глинки. Для него, как и для многих его современников, Отечественная война – это целая эпоха и центральное событие жизни. В своих мемуарах Глинка писал: «Для меня продолжается еще 1812 год. Спасение Отчества успокоило мое сердце, но я отжил для радостей земных»[96]. Знавший Глинку с 1812 г. С. Т. Аксаков, так вспоминал о встрече с ним в конце 1815 г.:

«При первом взгляде мне кинулось в глаза какое-то особенное выражение в лице Сергея Николаевича Глинки, которого я прежде не замечал: как бы след прожитого необычайного времени; это выражение сохранилось навсегда»[97]. Осмысление войны началось еще на страницах «Русского вестника»[98], так или иначе он обращался к этой теме в различных произведениях на протяжении всей жизни. Но среди его работ есть две книги, которые наиболее полно и отчетливо раскрывают восприятие Глинкой 1812 года в контексте российской и всеобщей истории. Это «Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения», изданные в 1836 г., и появившиеся годом позже «Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года». В них со свойственной стилю Глинки эмоциональностью, с большим чувством изложены все подробности военного времени: детально описаны сражения и движения войск, изображены подвиги русских воинов и полководцев (причем эти изображения зачастую полностью повторяют аналогичные в «Русском вестнике» за 1813-1816 гг.), показаны людские судьбы в это непростое время, страдания обеих воюющих сторон. Неслучайно «Записки о 1812 годе» явились одним из основных источников для написания знаменитого романа Л. Н. Толстого «Война и мир»[99]. Для нас самое интересное в этих книгах то, что интерпретация войны встраивается в консервативно-националистическую концепцию С. Н. Глинки и является ее кульминацией.

Глинка рассматривает катастрофу, постигшую человечество в 1812 г., с точки зрения провиденциализма. Эта война, страшная, вовлекшая в свой круговорот десятки народов, с точки зрения автора, не что иное, как урок Провидения всем странам, где нет «задушевного быта человеческого», основанного на христианской морали[100]. Согласно Глинке, это естественное следствие распространения атеистической идеологии Просвещения, пропагандировавшей всесилие человеческого разума. Результатом этого учения стала «безбожная» Французская революция. Олицетворением революции и того идеологического ряда, который стоял за ней, явилась фигура Наполеона Бонапарта, поэтому Глинка уделяет ему пристальное внимание. Стремление Наполеона к всемирному господству он трактует как проявление эгоистической этики просветительской философии: это человек, ослепленный личными «страстями» и мечтами[101]. Глинка выделяет в Наполеоне две ипостаси: с одной стороны, это великий полководец; с другой – «человек суда Божия»[102]. Характерна эволюция личности Наполеона, предложенная Глинкой. Юный Бонапарт был добродетелен и чужд светского общества[103]. Но

его многочисленные военные победы, сдобренные лестью ближайшего окружения, убедили его в собственном всесилии, в результате чего он сперва принял титул императора, а затем загорелся идеей всемирного обладания[104]. В этом заключается трагедия Наполеона как личности: Глинка признает, что он был гениален, но его гений заключался в таланте законодателя, неслучайно созданное им Уложение было принято и Людовиком XVIII[105]. Но самоуверенность, стремление к неограниченной власти и лесть сподвижников, которая возвела его «на одну чреду с волею Всетворящего»[106], сбили его с предназначенного ему пути[107]. Вот почему он стал орудием «суда Божия»[108]: сокрушительное ниспровержение его планов должно было стать лучшим «уроком смирения силы человеческой»[109], способным вернуть людей к мысли о всесилии божественного промысла. Глинка утверждает, что Бог лишил Наполеона разума в наказание за недовольство тем многим, что он уже имел. Навязчивая идея императора покорить Россию и взять Москву, с точки зрения Глинки, являлась проявлением «суда Божия» над Наполеоном и той рационалистической и материалистической идеологией, которую он олицетворял[110].

1812 год – это урок и для России, внутри которой возникло как бы второе государство «с иными нравами, обычаями, мнениями и действием мыслей»[111], продиктованными Западной Европой и просветительской идеологией. Сама дата для Глинки глубоко символична: в истории страны это «второй двенадцатый год». В этом также видна «тактика Провидения», которое напоминает России о «первом двенадцатом годе» - 1612 г.[112] Аналогия этих двух эпох для автора абсолютно очевидна. В «наш двенадцатый год», так же как и в «первый», перед Отечеством стоял один вопрос – «быть или не быть земле Русской на лице земли»[113]. В 1612 г. Россия спаслась только единением всего населения, основанном на религиозной общности и предполагающем верность Богу, Царю и Отечеству. Поэтому цель Провидения, с точки зрения Глинки, заключается в обращении всей России к национальной почве, в пробуждении «русского духа», для Глинки означавшего, прежде всего, гармоничное сосуществование всех сословий русского общества и их духовное единство[114]. Отсюда эсхатологическое толкование московского пожара. Автор убежден, что Москву сожгли и не русские, и не французы; Москва не была оставлена, она была «отдана на суд Божий»: «тут огнь небесный. Горели палаты, где прежде кипели радости земные, стоившие и многих и горьких слез хижинам. Клубились реки огненные по улицам, где рыскало тщеславие человеческое на быстрых колесницах, также увлекавших за собою быт

человечества. Горели наши неправды, наши моды, наши пышности, наши происки и подыски»[115].

Победу России в войне, с точки зрения Глинки, обеспечило, во-первых, то, что нравственная правда была на ее стороне, т.к. Россия вела войну оборонительную, а не захватническую[116]. Во-вторых, народный характер войны. Выше уже упоминалось о воспоминаниях С. Т. Аксакова, который говорил, что Глинка изначально надеялся на народную войну[117]. С.Н. Дурылин утверждал, что записки Глинки о 1812 г. «посвящены одной теме: народной войне. Основная мысль Глинки в том, что ни усилия правительства, ни искусство полководцев, ни мастерство дипломатов, а единодушный и повсеместный народный отпор был причиною гибели Наполеона… Глинка любовно выискивает, тщательно отмечает в своих «Записках» все факты, в которых особенно ярко проявляется основная особенность войны 1812 г., что ее вел и довел до победы народ»[118]. Причем С.Н. Дурылин под народом подразумевал исключительно непривилегированные социальные слои. Однако для Глинки это понятие шире. Он действительно значительное место уделяет описанию подвигов выходцев из простонародья, прежде всего крестьян, подчеркивая тем самым, что без них победа могла не состояться[119]. «Записки о Москве и о заграничных происшествиях» в качестве эпиграфов предваряют три цитаты: М.И. Кутузова: «Русские крестьяне истинные, почтенные сыны Отечества»; Екатерины II: «Народ русский отличается силою, догадкою, умом»; обращение Лесепса к Наполеону, относящееся ко времени пребывания французов в Москве: «Я сулил золота мужикам, а они наотрез мне сказали: «хоть головы сними с нас, мы не отыщем ни хлеба, ни мяса, ни овса, ни сена»[120]. Однако ничуть не меньшее внимание Глинка уделяет подвигам русского офицерства[121], выдающихся полководцев М.Б. Барклая-де-Толли[122], М.И. Кутузова[123] и многих других. Для автора народная война – это война всех сословий русского общества, сплотившихся перед угрозой завоевания, и вклад каждого из них в победу над войсками Наполеона в равной степени важен. Не случайно Глинка акцентирует внимание на обращении его современников к временам и именам Минина и Пожарского, «мясного продавца» и князя, спасших Россию от гибели в начале XVII в.

Это обращение важно еще и потому, что как бы сближает два столетия, и 1612 г. проявляется в 1812 г.[124] Глинка постоянно проводит параллель между этими событиями. Так, и в тот, и в другой двенадцатый год Смоленск стал первой жертвой неприятеля[125]. 23 августа «наши предки» сражались в стенах Москвы, а современники назначили место решающей

битвы; таким образом, это «достопамятный день двух веков», когда над Россией «засветилась заря избавления»[126]. И в тот, и в другой «двенадцатый год» англичане первыми вызвались в союзники русским[127]. Посещение Москвы Александром I в июле 1812 г. Глинка сравнивал с избранием на царство Михаила Федоровича Романова[128]. Таким образом, в 1812 г. ожил «самобытный дух русский». Все население сплотилось вокруг одной мысли – «Бог и Отечество»[129]. Народ снова объединился в одну семью во главе с отцом-монархом[130].

Правда, в отличие от 1612 г., война 1812 г. «должна была сочетаться с войною заграничною»[131]. Так как в России после отражения нашествия «продолжился прежний *обыкновенный* ее быт; а в Европе все было *необычайно*. Уверенный в России, Александр знал, что она отстоит себя и устоит; знал он также по прозорливой дальновидности и сберегал в себе силы свои, чтобы бороться в Европе с целым *политическим миром* Европейским, где каждое лицо вправе было думать, что оно вполне изучило весь ход жизни мира своего. А тут и явилась *эпоха*, не существовавшая дотоле на лице земли… Но в Европе XIX столетия, известен был каждый ее шаг; все было исследовано, все было на чертежах географических, все было в тысячах книг; все, кроме того, что написано было в книге Провидения. И так Александру I одному, собственными усилиями ума своего надлежало убедить умы Европейские, что они не все еще видели, не все знали… Борьба была сильная и упорная… против всезнания самолюбивого; против тщеславия высокомерного и притязательного; и эта борьба была и сильнее и труднее борьбы с целым нашествием вооруженным»[132]. Таким образом, если Наполеон выступал олицетворением западноевропейской атеистической, рационалистической и материалистической морали, то Александр I был выразителем иной духовности, основанной на покорности воле Всевышнего и вере в его всесилие. И если первый был орудием «суда Божия», то второй был призван способствовать нравственному перерождению Европы: «Десница Провидения крепит Царя Северного: она сокрушит пред ним все преграды; она проявит очам его невидимое. И изумленная Европа увидит, что тот, кто не перелетал за вершины гор заоблачных, тот, кто не заносил оружия в пески знойные, кто не величался счастливою своею звездою, тот новый вождь внезапно укрепится *опытом* (курсив мой – Н. Л.) и преобразит в Европе Европу Наполеонову… На что Царю Северному содействие ума постороннего: его Бог ведет»[133].

Таким образом, события 1812 г. были восприняты С.Н. Глинкой как осуществление того идеала общественного устройства, к которому он

призывал в «Русском вестнике». И на какое-то время эти события способствовали укреплению его консервативных взглядов. Так, в «Записках о 1812 годе» он писал, что война заставила его мечтать о том, что, во-первых, «сближение дворян с крестьянами к взаимной обороне Отечества сблизит их и на поприще жизни нравственной, и что, не посвящая их в философы, они, по крайней мере, уступят им чреду людей». Во-вторых, «что владельцы тысячей душ, брося прихоти мод столичных и городских, заживут в поместьях своих, чтоб от различных управлений не гибли имущества и не страдали наши почтенные питатели рода человеческого и Отечества, то есть земледельцы». В-третьих, «что уничтожение всепожирающих мод и перемена безжизненного воспитания сроднят души всех сословий и вдохнут в них новое бытие»[134]. Однако сразу по окончании Отечественной войны Глинка с горечью констатировал возрождение всех тех общественных пороков, против которых он боролся на страницах «Русского вестника»[135]. Не случайно после изложения своих мечтаний военных лет он с грустью приписывает: «Утопия! Утопия! Мечта! Мечта!»[136]. Это разочарование породило известный пессимизм относительно реалистичности его прежних воззрений и способствовало эволюции его взглядов, начиная с 20-х гг. XIX столетия.

---

1 Аксаков С. Т. Литературные и театральные воспоминания (1812-1826) // Собр. соч. М., 1996. Т. 3. С. 6.

2 Минаков А. Ю. Роль событий 1812 года в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе: сб. науч. работ. Воронеж, 2005. С. 17.

3 См. об этом подробнее : Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 189-247 ; Минаков А. Ю. Указ. соч. С. 7-18 ; Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries : Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 123-142.

4 См. например : Евдокимов И. В. Забытый патриот 1812 г. // С.-Петерб. ведомости. 1912. 29 авг. № 195. С. 18 ; Сивков К. Глинка С. Н. // Русский биографический словарь. М., 1995. «Герберский-Гогенлоэ». С. 292 ; Федоров Б. М. Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки. СПб., 1844. С. 7.

5 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб, 1836. С. 4. (далее - Записки о 1812 годе…)

6 Этот факт так же воспроизводится исследователями по воспоминаниям Глинки. См. : Там же. С. 8-9 ; из исследователей Евдокимов И. В. Забытый патриот 1812 г. С. 20.

7 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 9-10.

8 Там же. С. 18-19.

9 Там же. С. 18.

10 Там же. С. 20-21.

11 Подробнее об этом см. : Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian

Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. P. 134.

12 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе... С. 28.

13 Глинка Василий Сергеевич. Очерк жизни Сергея Николаевича Глинки. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е. х. 675. Л. 6.

14 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе... С. 27-28.

15 Глинка Василий Сергеевич. Очерк жизни Сергея Николаевича Глинки. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е. х. 675. Л. 7.

16 Там же. Л. 6 об. См. также : Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С.

17 Глинка Василий Сергеевич. Очерк жизни Сергея Николаевича Глинки. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е. х. 675. Л. 7.

18 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе … С. 28.

19 Вяземский П. А. Сергей Николаевич Глинка // Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 440.

20 Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М, 1869. С. 103-104.

21 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 45.

22 Мещерякова А. О. Ф. В. Ростопчин : У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 155-171.

23 Автобиографическая записка Глинки Сергея Николаевича. 18 сентября 1830 г. // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Е.х. 35. Л. 1.

24 Например : Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С.28-29, 48-49 и т.д.

25 Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886. Т. I. С. 142.

26 Евдокимов И. В. Забытый патриот 1812 г. С. 23.

27 Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 23.

28 Глинка С. Н. Записки. С. 298-300.

29 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 32-34.

30 Лажечников И. И. Новобранец 1812 года (Из моих памятных записок) // Собр. соч. И. И. Лажечникова. СПб., 1858. Т.7. С. 270.

31 Евдокимов И. В. Забытый патриот 1812 г. С. 23.

32 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 49.

33 Там же. С. 51-53.

34 Глинка С.Н. Записки. С. 200.

35 Глинка С.Н. Записки о 1812 годе… С. 54-55.

36 Там же. С. 55-56.

37 Там же. С. 55-56.

38 Там же. С. 68.

39 Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 23.

40 Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813-1877. М., 2003. С. 357.

41 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 69.

42 Там же. С. 74.

43 Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года, с присовокуплением статей : 1) Александр I и Наполеон ; 2) Наполеон и Москва. СПб., 1837. С. 38-39 (далее - Записки о Москве и о заграничных происшествиях…).

44 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 80-81.

45 Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях… С. 39.

46 [Глинка С. Н.] Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. 1 января 1844 г. // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. Л. 204 об.-205.

47 См. например : Минаков А.Ю. Русский крнсерватизм в первой четверти XIX века.

Воронеж, 2011. С. 200-201; Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1994. С. 167 ; Холодковский В. М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопр. истории. 1966. № 4. С. 31-43 и др.

48 [Евдокимов И. В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. Л. 32.

49 Общество литераторов в Нижнем Новгороде в 1812 г. // Сев. пчела. 1845. № 72. С. 285-286.

50 Там же. С. 286.

51 [Евдокимов И. В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. Л. 32-33.

52 Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях… С. 19.

53 Там же. С. 26.

54 Князь Вяземский – Бибикову Д. Г. Остафьево, 2 сент. 1830 // Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813-1877. С. 593.

55 Например : Древние русские стихотворения // Рус. вестн. 1808. № 3. С. 373-387 ; № 4. С. 101-104 ; № 5. С. 206-214 ; О свойствах россиян и замечания об изменении героического свойства народов // Там же. № 7. С. 49-64 ; Мужество и бесстрашие русских воинов // Там же. № 8. С. 253-255 ; Военные наставления князя Игоря сыну Святославу // Там же. 1809. № 4. С. 38-55 ; Краткое нравственное и историческое начертание о ратном деле россиян // Там же. 1810. № 10. С. 22-70 ; Выписки и замечания из хитрости ратного дела или воинского устава, изданного в царствование царя Алексея Михайловича // Там же. 1811. № 2. С. 62-80 и др.

56 Замечания о военном искусстве // Там же. 1808. № 10. С. 19-38 ; № 12. С. 318-325 ; О военном искусстве // Там же. 1809. № 6. С. 280-350 ; № 7. С. 12-41 ; № 8. С. 150-173 ; Краткое нравственное и историческое начертание о ратном деле россиян // Там же. 1810. № 10. С. 22-70 ; Отрывки о ратном деле // Там же. 1811. № 5. С. 11-34 и др.

57 Братья Звягины в сражении под Фридландом // Там же. 1808. № 1. С. 88 ; Воин чудобогатырь, рядовой Шишков // Там же. № 3. С. 350-351 ; Прапорщик Иван Сидоренко : русской умрет, а живой в руки не отдастся // Там же. № 4. С. 86-88 и др.

58 См. статьи : Поселянин сын Отечества, крестьянин Сосна, не хотевший возврата назад сына, взятого в ратники // Там же. № 3. С. 352-355 ; Наследственное мужество русских // Там же. № 8. С. 221-223 ; Великодушный отец, пожертвовавший в ратники трех сыновей // Там же. С. 225-226 ; Русский солдат, вставший в ряды из чистой отставки // Там же. С. 227-229 и др.

59 Там же. С. 222.

60 Там же. С. 220-221.

61 Например : Тактика Суворова в перстне // Там же. № 2. С. 204-206 ; О Суворове, сообщенное графом Ростопчиным // Там же. № 3. С. 241-249 ; Суворов в хижине на горах альпийских // Там же. № 7. С. 3-8 ; Замечание на защиту тактики Суворова в перстне // Рус. вестн. 1808. № 7. С. 8-16 ; Военные анекдоты о Суворове // Там же. 1809. № 1. С. 94-103 ; Изображение генералиссимуса князя Италийского // Там же. 1809. № 2. С. 242-247 ; Нечто о великом Суворове // Там же. № 9. С. 353-358 ; Изречения и мысли Суворова // Там же. 1810. № 1. С. 30-62 ; Из записок Суворова : свойство истинного человека и героя // Там же. № 8. С. 86-92 ; О слоге Суворова // Там же. № 11. С. 11-26 ; Пятое письмо Артемия Булатова, или богатырские воспоминания в с. Громилове, относящиеся к Суворову // Там же. 1811. № 3. С. 1-79 ; Некоторые отрывки относящиеся к предписаниям Суворова // Там же. 1812. № 9. С. 12-30 и др.

62 Там же. С. 28.

63 Там же. № 6. С. 35.
64 Там же. 1815. № 2. С. 40-42.
65 Там же. 1811. № 11. С.74 ; 1812. № 9. С. 19.
66 Там же. 1810. № 1. С. 43.
67 Там же. 1812. № 6. С. 36.
68 Там же. 1811. № 3. С. 41-42, 44.
69 Там же. 1812. № 9. С. 12.
70 Выписки и замечания из хитрости ратного дела или воинского устава, изданного в царствование царя Алексея Михайловича // Там же. 1811. № 2. С. 62-80.
71 Выписки и замечания из хитрости ратного дела или воинского устава, изданного в царствование царя Алексея Михайловича // Там же. С. 71.
72 Вяземский П. А. Сергей Николаевич Глинка // Глинка С. Н. Записки. С. 440.
73 Рус. вестн. 1812. № 1. С. 3.
74 Там же. № 9. С. 88.
75 Там же. № 10. С. 36-46.
76 Там же. С. 36-39.
77 Там же. 1812. № 10. С. 40-41.
78 Там же. № 4. С. 96-102.
79 Там же. № 7. С. 89.
80 Там же. № 11. С. 16.
81 Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. P. 46-47.
82 Рус. вестн. 1812. № 10. С. 82-86.
83 Там же. С. 66-78.
84 Там же. С. 67-68, 71-72.
85 Там же. № 9. С. 91-93.
86 Там же. С. 121-125.
87 Там же. № 10. С. 50-55.
88 Там же. С. 89-90.
89 Там же. № 5. С. 1-94; № 6. С. 5-106.
90 Сельские упражнения старого служивого : письмо к издателю от Артемия Булатова из города Б. из села Громилова // Там же. 1809. № 3. С. 351-376 ; второе письмо // Там же. № 5. С. 230-249 ; третье письмо : сельский праздник по случаю рекрутского набора // Там же. № 12. С. 396-416 ; Мечты и разговоры в селе Громилове или четвертое наставление Артемия Булатова // Там же. 1810. № 11. С. 120-133 ; Пятое письмо Артемия Булатова, или богатырские воспоминания в селе Громилове, относящиеся к Суворову // Там же. 1811. № 3. С. 1-79. См. схожий цикл статей о Герасиме Старожилове : Рассуждение Герасима Старожилова (из деревни Т. п. л. в. к.) о прошедшей зиме // Там же. 1809. № 6. С. 396-410 ; О русских пословицах, второе письмо Старожилова // Там же. № 8. С. 173-194 ; Третье письмо Старожилова о празднике в селе Громилове по случаю пребывания в Москве Государя // Там же. 1810. № 2. С. 133-149 ; Письмо Старожилова о памятнике, поставленном в селе Громилове Ивану Сусанину // Рус. вестн. 1810. № 10. С. 3-15.
91 Там же. 1812. № 10. С. 3-20.
92 Там же. С. 3.
93 Там же. С. 5.
94 Там же. С. 11-12.
95 Минаков А. Ю. Указ. соч. С. 14-15.

96 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 259.
97 Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 22.
98 См. роспись номеров «Русского вестника» за 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. в книге : Колюпанов Н. Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. I, кн. 2. С. 391-401.
99 [Евдокимов И. В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. Л. 5 об.-6; Кулешов В. И. История русской литературы. М., 2005. С. 552.
100 Глинка С.Н. Записки о 1812 годе… С. 91.
101 Там же. С. 240.
102 Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях… С. 197.
103 Там же. С. 200.
104 Там же. С. 206-218.
105 Там же. С. 251.
106 Там же. С. 298.
107 Там же. С. 253.
108 Глинка С.Н. Записки о 1812 годе… С. 131-135.
109 Там же. С. 246.
110 Там же. С. 133-134.
111 Там же. С. 24, 119-120.
112 Там же. С. 24-25.
113 Там же. С. 270.
114 Там же. С. 49-50, 101-108, 119-120, 232-233, 269-270, 275-276.
115 Там же. С. 78-79.
116 Там же. С. 192-194.
117 Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 23.
118 Дурылин С. Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 года. М., 1943. С. 18.
119 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 44-47, 76-77, 111-119, 285-290 и др.
120 Вступление к Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях…
121 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 57-63, 177-191, 223-226.
122 Там же. С. 36-40, 236-240, 296-319.
123 Там же. С. 34-36, 40-41, 65-67, 100-101, 177-189, 236-240, 251-252, 296-319.
124 Там же. С. 217-220, 275-276.
125 Там же. С. 101-108.
126 Там же. С. 49-50.
127 Там же. С. 232-233.
128 Уортман Р. С. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. С. 291.
129 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 179, 268-269.
130 Глинка С. Н. Русское чтение. Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия. СПб., 1845. Вып.3. С. 243.
131 Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях… С. 13-14.
132 Там же. С. 264-265.
133 Там же. С. 92-93.
134 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 91-92.
135 Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях… С. 116-123.
136 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе… С. 92.

ГЛАВА IV. ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ С. Н. ГЛИНКИ (вторая половина 1810-х – 1840-е гг.)

§ 1. Педагогические проекты С. Н. Глинки

Как уже было отмечено выше, С. Н. Глинка проявлял интерес к вопросам воспитания еще в кадетском корпусе. Склонность к назиданию проявлялась во всех его сочинениях. В начале 1800-х гг. Глинка работал учителем у богатого украинского помещика, «Русский вестник» задумывался им как журнал «отечественного воспитания». Период жизни С.Н. Глинки с середины 1810-х до начала 1830-х гг. ознаменовался целым рядом новых и зачастую весьма успешных педагогических проектов.

Издательская деятельность С.Н. Глинки была порождена предчувствием Отечественной войны, а сам 1812 год стал временем ее расцвета. Вся публицистика «Русского вестника» концентрировалась вокруг противостояния России и наполеоновской Франции, поэтому, когда Отечественная война и заграничные походы русской армии закончились, журнал потерял сам смысл своего существования, а издатель – источник для материалов своего издания. Какое-то время, как было упомянуто выше, Глинка удерживал его за счет воспоминаний о славных победах россиян в эпоху военного противостояния Франции, но и они в скором времени перестали интересовать читателя. В этих условиях С.Н. Глинка приступает к систематизации исторических материалов, опубликованных на страницах «Русского вестника» за предшествующие годы. Итогом этой работы стало написание «Русской истории», впервые частично опубликованной на страницах «Русского вестника» в 1817 и 1818 гг.[1] Помимо этой публикации, книга выдержала три издания: в 1817-1818 гг.; в 1818-1819 гг. она вышла под названием «Русская история в пользу воспитания» в восьми частях; в 1823-1825 гг. – под названием «Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой» в 14-ти частях.

В «Записках» С. Н. Глинки содержится рассказ о том, почему первое издание его истории в названии получило пояснение «в пользу воспитания». Объявления о выходе книг тогда помещались в «Московских ведомостях» при наличии подписи полицейского начальства. Последнее отказалось подписать историю Глинки в связи с тем, что по высочайшему

распоряжению российскую историю в это же время писал Н.М. Карамзин. Глинка «не пускаясь в рассуждения» «взял перо и написал: «В пользу воспитания», благодаря чему и получил необходимую подпись[2]. Таким образом, его исторический труд изначально не был предназначен только для юношества, как можно заключить из названия первого издания, а скорее предназначался для широкой читательской аудитории. Тем не менее, дидактический характер его работы очевиден. Характеризуя содержание своей книги Глинка писал: «Наблюдая отечественные происшествия, я старался показывать от чего возвышались души, от чего ослабевала нравственность; наконец, от чего потрясалось основание Веры и законов»[3]. Эта информация, с его точки зрения, должна была стать частью коллективной памяти народа и давать примеры поведения в той или иной общественно-политической ситуации: «Если не будем обращать к пользе общественной примеров, сохраненных в летописях; тогда *История* будет бесполезной *сказкой*»[4].

Достоверно установить, какими источниками и литературой пользовался Глинка при написании «Русской истории», сложно. Никаких ссылок в своей работе он не делал, объясняя это желанием не надоедать читателю[5]. Т.А. Володина отмечает знакомство Глинки с основным кругом сочинений по истории России – трудами В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, А.-Л. Шлецера[6]. Но почерпнутые в источниках и исторических сочинениях факты Глинка «преображал» в соответствии со своим «русским направлением». Так, например, стремясь опровергнуть норманнскую теорию, он сконструировал довольно стройную концепцию. Глинка утверждал, что руссы были одним из славянских племен, но переселились за Ладожское озеро. Там они соседствовали с варягами и, конечно, подверглись их влиянию, однако не переняли их грабительских нравов. Отсюда и был призван Рюрик. Таким образом, оказывалось, что он принадлежал к славянскому корню[7]. В соответствии со своими патриотическими убеждениями, Глинка объяснял и многие другие исторические факты: название «славян» произошло от славы[8], а опричники Ивана Грозного были вовсе не русскими, а татарами и этим объясняется их жестокость[9].

Историософия «Русской истории» С.Н. Глинки вырастает из консервативно-националистической концепции «Русского вестника». Коренным началом русского духа Глинка считал монархизм. Уже в IX в. славяне поняли, что «*народное правление*, возрождающее буйство и своеволие, вредно в земле великой и обильной» и добровольно установили «*наследственную* власть»[10]. Принятие христианства закрепило

установившийся политический порядок, связав народ «единодушием» и стремлением к «общей пользе». Все кризисы русской государственности были связаны с тем, что «Вера», «единодушие» и «общая польза» забывались в угоду «своеволию», «разномыслию» и исканию «личной выгоды». Так было в эпоху феодальной раздробленности и последовавшего за ней монголо-татарского ига[11], правления Ивана IV[12], в период Смуты[13], в эпоху дворцовых переворотов[14]. Но всякий раз политическое чутье русского народа способствовало восстановлению национальной политической системы. В этом смысле апофеозом русской истории для Глинки было начало XVII столетия, когда «самодержавие утвердилось в России верою и единодушным избранием на престол Царя Михаила Феодоровича»[15]. Таким образом, Глинка акцентировал внимание на том, что русская государственность имела аутентичный, а не привнесенный извне характер, и противопоставлял ее консервативную, патриархальную природу, нашедшую выражение в особом типе политического строя – самодержавии, либеральным политическим ценностям.

Отечественную историю Глинка не разделял на периоды Московской Руси и Петербургской России. Царствование Петра I[16], а также Екатерины II[17] он оценивал в контексте продолжения государственных традиций XVII в., воспроизводя созданные на страницах «Русского вестника» образы отца и матери Отечества, приверженных исконно русским национальным началам.

То, что «Русская история» выдержала фактически четыре издания за столь короткий период, говорит о ее несомненной популярности среди читающей публики. Книга обладала всеми необходимыми для этого качествами: она была написана легко, интересно и увлекательно (сказался опыт написания драматических произведений); Глинка довел повествование до 1812 г.; таким образом, оказалась приоткрытой завеса тайны над эпохой дворцовых переворотов, о которой современники автора имели достаточно смутное представление[18]. Однако уже в 1818 г. появилась «История государства Российского» Н.М. Карамзина, на фоне которой книга Глинки оказывалась в явно невыгодном положении. И на «Русскую историю» обрушился шквал критики. Жестокий приговор книге вынес в «Московском телеграфе» его издатель Н.А. Полевой: «Сочинитель ее не исправил самых явных несообразностей, говорит не шутя такие вещи, о которых никто уже и не спорит – и если он назначает свою историю для детей, то можно посоветовать родителям и наставникам отметить при чтении все, что может внушить детям понятия неправильные; а без того *не давать им Истории Русской С.Н. Глинки*»[19]. Позже А.Ф. Воейков

в журнале «Славянин» поздравлял Глинку с совершенным овладением «искусством переводить читателя от скуки к зеванию, от зевания к дремоте, и от последней к сладкому и глубокому сну»[20]. В результате третье издание «Истории» оказалось нераскупленным. За Глинку вступился сам Н.М. Карамзин, который ходатайствовал перед министром народного просвещения А.С. Шишковым о предоставлении Глинке средств для погашения долга в типографии московского университета и настаивал, что «Русская история» «по изложению происшествий и по нравственной цели заслуживает быть классической книгой»[21]. Фактически это означало признание книги пригодной для программ различных учебных заведений. Долг в типографию был уплачен, однако статуса классической работа Глинки не получила.

Несмотря на многие недостатки, значение «Русской истории» С.Н. Глинки нельзя недооценивать. Говоря о слабых сторонах работы, надо помнить, что это было время становления исторической науки, определенные требования к историческим исследованиям еще не сложились. И даже в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина стали находить несовершенства уже вскоре после ее публикации[22]. Кроме того, говоря словами П.А. Вяземского, «Россия не была еще отыскана»[23], знания подавляющего большинства общества по отечественной истории были очень скудными. В этих условиях книга С.Н. Глинки, несомненно, была полезна обществу, о чем свидетельствует и ее востребованность, и высокая оценка официального историографа.

Безусловно, историческая концепция С.Н. Глинки стоит у истоков патриотической линии русской историографии. В частности, прослеживается довольно отчетливое влияние исторических взглядов Глинки на выдающегося русского историка М. П. Погодина (особенно отчетливо оно прослеживается в его толковании государственной деятельности Петра I). Сложно говорить о том, был ли он знаком с «Русской историей», но доподлинно известно, что издание «Русского вестника», явившегося предтечей этого труда, было первым полным собранием юного Погодина, на которое он потратил свои первые деньги[24]. Как уже говорилось, современные исследователи М. Велижев и М. Лавринович убедительно доказали, что именно в «Русской истории» впервые был сформулирован «сусанинский миф» в том виде, в котором он вошел в официальную историографию николаевского царствования[25].

Еще одним ярким педагогическим проектом С.Н. Глинки стал пансион для воспитания детей донских казаков. Авторитет Глинки среди донского казачества был высок. Очевидно, им импонировал и яркий патриотиче-

ский тон его журнала, и то, что многие материалы в нем были посвящены их подвигам в период Отечественной войны и заграничных походов русской армии[26]. Неудивительно, что уже в 1813 г. атаман донских войск граф М. И. Платов обратился к Глинке с предложением выпустить отдельной книгой все материалы о донских казаках, печатавшиеся в «Русском вестнике»[27] и выделил издателю две тысячи рублей на издержки, связанные с предстоящей работой, чем сильно помог разоренному войной С.Н. Глинке. Итогом его работы стала книга «Вера, верность и слава донцов»[28], вышедшая в 1813 г., а в следующем году им была выпущена «Русская песнь графу Матвею Ивановичу Платову на подвиг знаменитого Донского войска, по занятии Москвы врагами и по изгнании из отечества»[29].

В очередной раз донские казаки обратились к Глинке в конце 1817 г. Тогда в Москву приехал казачий атаман А.В. Иловайский и от имени всех донцов просил издателя «Русского вестника» взяться за обучение их детей. Глинка долго отказывался, но «гордая мысль, что положу начало воспитанию донского юношества, и страсть к воспитанию победили»[30], и он открыл пансион для донцов. Судя по «Запискам», в пансионе Глинка воспроизводил систему образования кадетского корпуса. Он избегал давления на учеников, излишней требовательности к ним; старался не заставлять их учиться, но пробуждать в них интерес к знаниям. Обучение проходило в форме бесед, нередко во время прогулок; широко использовался метод наглядного обучения[31]. Современники отмечали «блистательный» успех пансиона[32]; некоторые даже утверждали, что «золото обильно лилось в его (Глинки – Н.Л.) карманы»[33]. Из воспоминаний самого владельца видно, что воспитательная деятельность действительно давала значительный доход. Но мечтательный, не практичный Глинка оказался совершенно не способен вести пансионное хозяйство. Так, в «Записках» он вспоминал: «Зная… что наша летняя роскошь, то есть арбузы, дыни, виноград и проч., - простые дары Дона, я целое лето лакомил их этою роскошью с накладом для кармана. Хозяева того дома, где помещалось у меня донское училище, видя, что я каждое утро приезжаю с кульками, говорили, что я или… разорюсь от привоза или обогащусь от продажи запасных кульков. Первое сбылось»[34]. С.Н. Глинка действительно залез в огромные долги. Вскоре родителям воспитанников стали отсылать анонимные доносы, в которых говорилось, будто бы их детей в пансионе истомляют «и голодом и холодом»[35]. Хотя, по словам Глинки, его заведение тогда еще процветало и информация была явно преувеличена, думается, она была не вполне голословной. Он сам в своих воспоминаниях рассказывал, что, опять же следуя корпусной методе воспитания, пытался

сочетать умственное и нравственное развитие своих питомцев с воспитанием физической крепости. С этой целью он «отпустил их в начале осени гулять без шинелей. Как же я удивился, когда некоторые из них возвратились с прогулки с простудой!»[36]. Очевидно, что Глинка сам не замечал своей беспечности, но этот случай не мог остаться без последствий. Родители начали забирать своих детей, и в декабре 1819 г., просуществовав два года, пансион был закрыт с дефицитом в десять тысяч рублей.

Единственным средством прокормить семью стала литературная и публицистическая деятельность, которая также по преимуществу имела педагогический характер. Так, в 1821-1823 гг. вместо «Русского вестника» Глинка издавал альманах для детей «Плутарх в пользу воспитания», состоявший из назидательных рассказов по античной истории, и журнал «Новое детское чтение». Название последнего свидетельствует о том, что Глинка попытался обратиться к опыту Н. И. Новикова, создавшего первый детский журнал в России - «Детское чтение для сердца и разума»[37]. В «Новом детском чтении» преобладали материалы, основанные на толковании Священного писания[38], и педагогические рекомендации для родителей по организации процесса воспитания и обучения своих детей[39]. Но эти издания не имели успеха своего предшественника.

В 1828 г. С.Н. Глинка снова обратился к оказавшей сильное влияние на становление его мировоззрения педагогической системе Сухопутного шляхетного кадетского корпуса времен графа Ф. Е. Ангальта. Он переиздал две брошюры с сентенциями, составлявшими основу воспитательной системы графа - «Говорящая стена» (1790 г.) и «Рекреационная зала» (1791 г.) - под названием «Искусство учиться прогуливаясь, или ручная энциклопедия для воспитания, составленная графом Ангальтом»[40]. Содержание этой книги подробно рассмотрено в первой главе настоящего исследования. В 1830 г. был издан «Московский альманах для юных русских граждан, или новая ручная энциклопедия с картинками»[41], представлявший собой довольно пестрый по тематике и небрежно составленный сборник статей. К концу 1820-х гг. относятся еще несколько менее ярких работ Глинки, адресованных юному возрасту[42].

В это же время Глинка снова получил возможность в какой-то степени участвовать в образовательном процессе Московского кадетского корпуса, куда по высочайшему покровительству был принят один из его сыновей. С.Н. Глинка с удовольствием сочинял патриотические пьесы для кадетского театра и участвовал в их постановке[43]. Сохранились интересные воспоминания о нем одного из воспитанников Московского кадетского корпуса А.Н. Корсакова: «С.Н. Глинка, сын которого воспитывался

в Малолетнем Отделении… часто бывая у нас, принимал участие в наших театральных представлениях, указывая как должна была идти пьеса, после которой мы должны были петь написанный им гимн с хором, начинавшийся словами: «Хвала тебе, герой». Мы пели гимн на репетициях, а вместе с нами, густым басом, пел и Сергей Николаевич, беспрестанно утирая платком, а чаще просто рукою, раскрасневшееся от удовольствия лицо свое. Какая живость, какая энергия была и в речи, и в движениях этого почтенного старика! Как он ласков был с нами детьми, товарищами его сына! Живо сохранился в моей памяти его образ с взъерошенными и наполовину седыми волосами, в синем фраке с плоскими светлыми пуговицами, в панталонах, опущенных в полуботфорты с кисточками. Не даром лежала у меня душа к этому добродушному старику. Спустя слишком 30 лет потом, я прочел его Записки и понял, почему так сильно было впечатление, произведенное им на меня в детстве: такая открытая, честная, незлобивая душа могла ли не привлекать к себе простых детских сердец и не вызывать их симпатии?»[44].

Во второй половине 1810-х – 1820-е гг. С.Н. Глинка, конечно, не ограничивался лишь педагогическими проектами. В 1817-1820 гг. вышло собрание сочинений С. Н. Глинки в 12-ти частях, в 1823-1824 гг. – книга «Театр света, или изображение достопамятнейших происшествий древних и новых времен, нравов и словесности» в восьми частях, в 1824 г. – «Путеводитель по Москве», в 1826 г. - «Московский альманах для прекрасного пола», за который по представлению В.А. Жуковского автор получил от императрицы Александры Федоровны драгоценный перстень[45]. А затем были изданы «Незабудочка, московский альманах на 1827 г.» и «Московский альманах на 1828 г.»[46]. Однако большинство вышеперечисленных работ не представляли значительного литературного интереса, так как целью их написания был заработок денег для содержания большого семейства, и многие из них были написаны в спешке, часто небрежно. Кроме того, в поисках заработка Глинка занялся переводом басен Лафонтена, и даже сочинял надгробные надписи[47].

Уже упоминалось, что по окончании Отечественной войны С.Н. Глинка остался в очень тяжелом материальном положении, выбраться из которого так никогда и не смог. Этому во многом способствовало его абсолютное неумение обращаться с деньгами и бескорыстие, порой переходившее все грани разумного. К.А. Полевой писал, что «бескорыстие его доходило до безрассудства, по обыкновенному понятию человеческому: он тратил деньги, не соображая ничего, и раздавал много милостыни, так что часто оставался без гроша»[48]. Характерный

рассказ содержится в воспоминаниях М.А. Дмитриева: «Он (С.Н. Глинка – Н.Л.) был чрезвычайно бескорыстен и любил следовать первому движению своего сердца. Государь Император Александр пожаловал ему бриллиантовый перстень в 800 рублей ассигнациями. Глинка приехал в один дом и показал свой перстень гостям и хозяевам. В эту минуту предложили сбор в пользу какого-то бедного семейства. Денег с Глинкою не случилось, и он, не задумавшись, пожертвовал свой перстень. Сколько ни уговаривали его, сколько ни предлагали ему отдать за него небольшую сумму, которую он после пришлет хозяину дома, он никак не соглашался и приехал домой без перстня»[49].

В феврале 1817 г. С.Н. Глинка обратился к некогда сотрудничавшему в его журнале А.А. Аракчееву, которому было поручено обозрение состояния смоленских дворян, к коим принадлежал и Глинка, с просьбой поспособствовать предоставлению ему пяти тысяч рублей на издание его сочинений. Свое обращение он мотивировал тем, что в 1812 г. потратил именно такую сумму из собственных средств на снаряжение добровольцев в московское ополчение[50]. Аракчеев вызвался быть представителем прошения Глинки перед тогдашним министром народного просвещения князем А. Н. Голицыным[51], но просьба писателя не была удовлетворена.

Разорение донского пансиона усугубило ситуацию, Глинке нечем было отдавать долги. Его многочисленное к тому времени семейство находилось в тяжелейшем материальном положении с конца 1819 до 1823 г. Очень пессимистично звучат написанные в этот период письма С.Н. Глинки к А.И. Михайловскому-Данилевскому, известному историку войны 1812 г., который был его «коротким знакомым»[52] на протяжении многих лет. Так в письме от 23 августа 1823 г. Глинка писал, что его семейство «плывет на скучной лодке через бурный и безбрежный океан нищеты»[53]. В сентябре 1823 г. Глинка неожиданно получил наследство в размере шести тысяч рублей по завещанию знакомого музыканта Альберта Фишера. Однако все наследство разошлось на уплату долгов. Семья Глинки смогла лишь выкупить зимнюю одежду[54].

Еще одним ударом для Глинки стала резкая критика его «Русской истории», в результате чего ее третье издание осталось лежать нераскупленным на складах. 31 января 1824 г. в письме к А.И. Михайловскому-Данилевскому С.Н. Глинка писал: «Едва начал я сбрасывать бремя Донских долгов, новые долги меня постигли. Московский книгопродавец Матвей Глазунов простер алчную руку на новое издание моей Истории, то есть на отнятие последнего куска хлеба у бедного и многочисленного моего семейства»[55].

Со сменой министерства А. Н. Голицына, способствовавшего распространению в России западно-европейского мистицизма и проводившего экуменическую политику, на консервативное министерство А. С. Шишкова[56] в середине 1824 г., ситуация для С. Н. Глинки изменилась в лучшую сторону. Уже в конце 1824 г. он получил извещение А.С. Шишкова о том, что «Русская академия наук не приминет обратить внимание» на новое издание «Русской Истории»[57]. В феврале 1825 г., как уже говорилось выше, по представлению Н. М. Карамзина долг Глинки в типографии был погашен. Но, зная о крайней нужде его семейства, Н. М. Карамзин обратился к А. С. Шишкову с прошением исходатайствовать пенсию для Глинки[58]. Последнему 8 марта 1825 г. историограф писал: «Господин министр не решился доложить об Вас вторично, а сделает то со временем… Обо мне же можете только сказать по справедливости, что я не уступлю никому в искреннейшем Вам доброжелательстве и в готовности доказать делом истину моих чувств. Любите меня просто за любовь мою к Вам; а будет, что Богу угодно. Не забуду напоминать Господину Министру, пока он нам решительно не откажет»[59].

Доклад государю по отношению Н. М. Карамзина о предоставлении С.Н. Глинке пенсии был сделан в мае 1825 г., но не получил удовлетворительного разрешения, по причине того, что Глинка не состоял ни на какой службе. Вместо того, государь велел ему служить и изъявил готовность оказать временное вспомоществование[60]. В июле 1825 г. С.Н. Глинка отправился в Петербург, чтобы просить место директора гимназии в каком-нибудь городе, но А.С. Шишков заявил, что после принятия нового цензурного устава он пригодится ему в Москве в качестве цензора при Московском университете[61].

§ 2. «Цензор без страха и упрека»[62]: С.Н. Глинка в Московском цензурном комитете.

После издания цензурного устава 1826 г. Сергею Николаевичу Глинке было предложено место цензора при Московском цензурном комитете. Интересно, что С.Н. Глинка крайне негативно отреагировал на цензурный устав, разработанный консервативным министерством А.С. Шишкова, ставленником которого он сам являлся: в «Записках» он писал, что этот документ «превращал цензурный комитет в инквизицию» и давал возможность даже «Отче наш» «перетолковать якобинским наречием»[63]. Судя по тем же воспоминаниям, именно Глинка метко назвал устав «чугунным», так как, отказываясь от предложенной ему должности, заявил,

что не может быть цензором «в силу такого чугунного устава»[64]. Однако материальное положение Глинки было очень затруднительным. К тому времени он был единственным кормильцем семьи, в которой воспитывались уже восемь детей: сыновья Владимир, Сергей, Василий, Павел и Федор, и дочери Мария, Анна и Софья. С. Н. Глинка не оставлял надежды на место в сфере образования, но в просьбе к помощнику министра просвещения Д. Н. Блудову о назначении его объездным инспектором над частными пансионами ему было отказано[65]. Поэтому 1 октября 1827 г. С.Н. Глинка был «вынужден» начать службу в Московском цензурном комитете[66].

С.Н. Глинка, прямолинейный, не умевший сдерживать своих эмоций, не склонный к кропотливой работе, мало подходил на должность цензора. По воспоминаниям С.Т. Аксакова, бывшего тогда сотрудником Глинки, в первый день его пребывания в комитете председатель предложил ему, как новому цензору, прочитать журналы, состоявшиеся до его вступления. Но Глинка не мог усидеть на одном месте и, почитав немного, начал ходить взад и вперед по комнате и чуть было не запел какой-то французский романс; а потом, не выдержав, заявил председателю комитета: «... цензоров и так здесь двое; мне, третьему совершенно нечего делать; дайте мне мою работу, то есть какую-нибудь рукопись и отпустите меня домой»[67]. К величайшему удовольствию Глинки, он был отпущен и почти выбежал из комитета, размахивая своей всегда измятой шляпой и уже напевая какой-то куплет. Председатель цензурного комитета «называл его Диогеном, циником, и очень забавлялся им, но беспрестанно повторял: «Какой он же цензор, особенно при нынешнем уставе?»[68]. Действительно, не желая стеснять свободы авторов, Глинка часто подписывал их рукописи, не читая; причем абсолютно не скрывал этого. Напротив, он неоднократно повторял: «Дайте мне стопу белой бумаги, я подпишу ее всю по листам как цензор; а вы пишите на ней что хотите! Да! Я не верю, чтобы нашелся такой человек, который употребил бы во зло доверенность цензора, когда притом он и сам отвечает за то, что пишет»[69]. Но даже при таком отношении Глинка умудрился продержаться в должности цензора около трех лет. Хотя эти годы были ознаменованы рядом конфликтов, некоторые из которых получили широкую общественную огласку.

В годы цензорства Глинка проявил себя больше как человек достаточно свободных, нежели консервативных взглядов. Так, к 1829 г. относятся два случая, когда он вопреки мнению остальных цензоров пытался пропустить в печать книги масонского содержания. Первый связан с кни-

гой «Избранные сочинения госпожи де-ла-Мот-Гион, или изъяснения и размышления на святое Евангелие Иисуса Христа, руководствующие ко внутренней жизни». Она была издана еще в 1822 г. в посвящение министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну, известному своими масонскими убеждениями. С. Н. Глинка вздумал переиздать эту книгу и подал прошение в Московский цензурный комитет, где характеризовал ее как сочинение, «где с общею нравственностью, предлагаемою чистым наречием, соглашены слова из священного писания, и где все ясным изложением мыслей применено к общим понятиям читателей всех разрядов»[70]. Однако книга не была допущена к печати[71].

В рукописи «Записок» Глинки содержится не вошедший в опубликованную версию мемуаров рассказ о книге под заглавием «Как каждому христианину ходить перед Богом своим и проч.», которую все цензоры, кроме Глинки, сочли масонской. Однако Глинка обратился за помощью к тогдашнему попечителю Московского университета, его товарищу по кадетскому корпусу А. А. Писареву, который оказывал ему покровительство[72]. Писарев показал рукопись «одной знаменитой духовной особе», которая не нашла в книге ничего предосудительного. Таким образом, этот случай разрешился в пользу Глинки, но больше благодаря покровительству начальства[73].

Уже будучи цензором, С.Н. Глинка и в своих литературных произведениях допускал откровенно «крамольные» мысли. Так, в апреле 1828 г. он попросил В.В. Измайлова процензуровать свою рукопись «История жизни Александра I», во второй части которой между прочим упомянул, что «Александр обещал ту Конституцию, которую дал Царству Польскому, дать и странам, врученным ему Провидением, то есть: России»[74]. К «крайнему удивлению» Глинки, Измайлов заявил, что после 14 декабря опасно говорить о Конституции[75]. На что Глинка разразился длинной патетической речью, суть которой сводилась к тому, что долг государя – держать свое слово, поэтому повторение слов императора – не преступление, а лишь напоминание ныне царствующему Николаю I о том, что введение Конституции должно лечь на его плечи[76]. Естественно, что вторая часть сочинения Глинки оказалась не допущена к печати, и вышла только первая часть книги[77]. Но среди сослуживцев за Глинкой закрепилась репутация не просто неуживчивого человека, но и слишком либерального цензора.

В 1828 г. в связи с отставкой А.С. Шишкова и назначением на пост министра просвещения князя К.А. Ливена был принят новый цензурный устав, о котором С.Н. Глинка писал в своих мемуарах: «Со време-

ни существования цензуры никогда не было такого свободного, такого льготного устава для мысли человеческой, каким казался устав 1828 г. С горестью повторяю: казался»[78]. Вдохновленный новым уставом, Глинка написал брошюру о свободе печати, но не в России, так как подобное сочинение очевидно не могло быть пропущено, а во Франции, где в то время действительно проходили прения о законе касательно периодических изданий[79]. Но, как указывают в своем исследовании В.Э. Вацуро и М.И. Гиллельсон, «это был географический маскарад – писалось: Франция, подразумевалось: Россия»[80]. На беду автора, брошюра получила хвалебный отклик во французском журнале La Revue Encyclopedique (1829, № 12), который был доставлен цензорами новому попечителю Московского университета князю С.М. Голицыну. А ведь в брошюре Глинки речь шла о порицании чрезмерной жесткости цензуры, которая взыскивает «то тюрьмой, то денежной пеней»[81]. В результате князь Голицын заключил, что Глинка является агентом «каких-то тайных обществ»[82], а его коллеги заручились поддержкой нового начальства в своих попытках избавиться от сослуживца, который, по словам Аксакова, не подчинялся «никаким формам общественного и служебного приличия»[83]. Это была не первая атака на Глинку со стороны его сослуживцев. Сразу по замещении С.М. Голицыным поста покровительствовавшего Глинке А.А. Писарева, цензоры подали князю бумагу, в которой обвиняли своего неудобного коллегу в попытках печати «бунтовских сочинений»[84]. Но, как следует из вышеприведенных инцидентов, С.Н. Глинка сам давал повод для такого рода доносов.

Посредством С.М. Голицына поведение С.Н. Глинки стало известно министру просвещения К.А. Ливену, который сделал выговор строптивому цензору. Глинка, никогда не склонявший голову перед начальством, отвечал министру довольно дерзко, осмелился спорить с ним, доказывая свою правоту; и «взволнованный светлейшими кулаками министра, я по выходе от него на улицу кричал, что от самоуправства министров будут вспыхивать каждый день четырнадцатые декабри»[85]. После этого инцидента стало ясно, что Глинка не долго задержится в цензорском кресле.

За время пребывания С.Н. Глинки в должности цензора, он стал героем трех разбирательств, получивших громкую огласку, еще больше способствовавших складыванию его дурной репутации в глазах начальства. Первый конфликт был связан с тем, что Глинка пропустил в печать 20-ю книжку цензурируемого им «Московского Телеграфа», в которой Н.А. Полевой, полемизируя с «Вестником Европы» М.Т. Каченовского,

заявил, что «Вестник Европы» выходит из стен университета на скудельных ногах»[86]. М.Т. Каченовский 18 декабря 1828 г. подал жалобу Московскому цензурному комитету на цензора С.Н. Глинку, обвиняя его в «оскорблении личности чиновника университета»[87], и положил начало конфликту, затянувшемуся на несколько месяцев. С.Н. Глинка, отвечая на жалобу Каченовского, указывал, что в статье Полевого не было никакой клеветы, и личность Каченовского не была затронута[88]. Московский цензурный комитет принял сторону Каченовского[89]. И лишь один В.В. Измайлов подал особое мнение, в котором он оправдывал Глинку[90]. Дело было передано в Главное Управление Цензуры, которое согласилось с мнением Измайлова и отказало Каченовскому в его жалобе[91]. Конфликт получил широкую общественную огласку, в частности на него отозвался А.С. Пушкин[92]. Для Глинки же он обернулся новыми материальными потерями, так как отвлек от литературных занятий, приносивших ему дополнительный доход. Вследствие чего Глинка даже обращался с просьбой к попечителю Московского университета о возмещении понесенных им убытков. Но его прошение было отклонено[93].

В январе 1830 г. Глинка был отправлен на гауптвахту на три недели. Причиной явилось то, что он пропустил в печать в «Московском вестнике» М.П. Погодина сатирический фельетон своего товарища по цензурному комитету С.Т. Аксакова «Рекомендация министра», в котором обнаружили намеки на личность министра юстиции Д. И. Лобанова-Ростовского, и стихотворение С. С. Тепловой в «Деннице» М. А. Максимовича, написанное на смерть какого-то юноши и заподозренное в намеке на декабристов. Арест вызвал бурный протест московского общества и был воспринят как произвол властей, так как в указанных сочинениях решительно не содержалось никакого тайного смысла[94]. К арестованному Глинке началось настоящее паломничество, в три-четыре дня у него с визитом перебывало человек 300[95]. Дело подверглось дополнительному разбирательству, в результате которого Глинка был освобожден и получил три тысячи рублей в качестве компенсации[96].

Следующий инцидент закончился не столь благополучно. В том же 1830 г. С.Н. Глинка был уволен из цензурного комитета за то, что пропустил в печать в «Московском Телеграфе» сатирический фельетон Н.А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина», в котором явно проглядывали намеки на престарелого князя Н.Б. Юсупова. Поводом к написанию фельетона послужило стихотворение А.С. Пушкина, посвященное князю Н.Б. Юсупову, - «К вельможе». Это послание вообще вызвало целый ряд кривотолков в обществе, многие обвиняли Пушкина в низкопоклонстве

перед знатью. Одним из таких обвинителей явился Н.А. Полевой, довольно зло высмеявший и князя Юсупова, и поэта.

Как видно из «Записок», С. Н. Глинка вообще не должен был цензуровать этот номер «Московского Телеграфа», так как числился в отпуске в связи с поездкой в Петербург. Однако из столицы он вернулся на неделю раньше, и его коллеги прямо «подсунули» ему номер со статьей, которая уже успела вызвать недовольство начальства[97]. Глинка мог отказаться от цензурования журнала, но не сделал этого, и пострадал из-за собственного благородства. По распоряжению попечителя Московского университета князя Голицына Глинке, пропустившему уже не одну подобную статью, был сделан выговор, а цензурование «Московского Телеграфа» передавалось С. Т. Аксакову[98]. Однако Глинка заявил, что намерен подать заявление против несправедливости принятого решения. Тогда Голицын решил лично объявить распоряжение Глинке на заседании цензурного комитета 7 июля, но к «крайнему изумлению» увидел, что «г. Глинка, потеряв все должное уважение к месту и товарищам своим, с запальчивостью сказал, что объяснения сего он не принимает, потом начал угрожать мне, что подаст на сие жалобу… к Государю Императору, и, схватив шляпу, вышел из присутствия. Таковые странные действия г. Глинки убедили меня, наконец, что ему чужды не только правила, Уставом Цензуры предписанные, но и всякого приличия, и что жалобы товарищей его на строптивый характер, совершенно оправдываются»[99]. Вследствие этого, князь Голицын просил министра народного просвещения избавить Московский цензурный комитет «от сего беспокойного человека» и уволить его от занимаемой им должности цензора[100]. 30 июля 1830 г. последовало увольнение С. Н. Глинки из Московского цензурного комитета, однако, он был уволен скорее как эксцентричный и неуживчивый человек, нежели как плохой цензор.

Участь С.Н. Глинки, оставшегося без содержания, взволновала его друзей. Так, в его судьбе принимал участие П. А. Вяземский, который просил «замолвить слово» за Глинку перед великим князем Михаилом Павловичем[101], в письме к Е. М. Хитровой просил ее «постучаться у сердца Бенкендорфа» с тем, чтобы Глинке выдали пенсию[102]. С этой же просьбой он обратился к Д. Г. Бибикову, напоминая, что «наказав цензора за оплошность (а почему цензору угадывать личности на лицо, которое, может быть, ему и незнакомо?), не имели в виду, что губят вместе с тем и доброго человека, бедного семьянина и писателя, которого вся жизнь была ознаменована честностью поступков и беспорочностью мнений,

писателя, служившего пером своим верою и правдою правительству, особенно же в 1812 году»[103].

Сам С.Н. Глинка подавал прошения К.А. Ливену о назначении ему пенсии. Униженный тон этих прошений говорит о том, насколько трудным было положение уволенного цензора. Он говорил о том, что у него нет «никаких заслуг, никаких трудов и никакого следа к пенсии» и называл себя человеком, «заторопленным сердечною заботливостью о жребии своего семейства», потому что «в любезном отечестве вовсе нет у меня никакой собственности». В конце прошения он «умолял» князя Ливена не только как «знаменитого сановника государственного», но и как «христианина» не отклонять его просьбы[104]. Прошение С. Н. Глинки о назначении ему пенсии было удовлетворено.

§ 3. Восточный вопрос в сочинениях С.Н. Глинки.

В 1820-е гг. оживленный отклик российского общества вызвала борьба православных народов, входивших в состав Османской империи, против турецкого гнета, а также защита Россией своих интересов в черноморском регионе. На рубеже 20-30-х гг. XIX в. С.Н. Глинка написал ряд работ, в которых касался восточного вопроса во внешней политике России. Благодаря им и отчасти архивным документам, можно реконструировать его внешнеполитическую концепцию.

Попытке обосновать правомерность греческого восстания и российского влияния на территории Греции были посвящены работы «Поэма о нынешних происшествиях или воззвание к народам о единодушном восстании против турок. Сочинение Вольтера. Подражание Сергея Глинки»[105], «Обозрение внутренности Турции Европейской, почерпнутое из древних и новых писателей»,[106] «Картина историческая и политическая новой Греции»[107], «Картина историческая и политическая Порты Оттоманской, от начала существования поколения турецкого до взятия Константинополя и до падения греческой державы, с присовокуплением о войнах турков со времени вторжения их в Европу до 1830 года»[108].

С точки зрения С.Н. Глинки, Греция – родина одной из величайших цивилизаций, положившей начало европейской образованности, поэтому европейские страны в долгу перед Грецией и должны всеми силами способствовать ее восстановлению[109]. Глинка утверждал, что в политическом отношении эта страна изначально была обречена, т.к. «разнообразное правление Греков удерживало их… в вечном младенчестве политическом»[110]. История же Византийской империи, явившейся наследницей

Древней Греции, свидетельствует о том, что «тлетворные семена разрушения, при самом основании… пали на ее землю»[111], т.к. она восприняла политический опыт Римской империи: «Вместе с Римским владычеством, Константин в новую свою столицу переселил и ту роскошь, которая сперва заразила нравы Римлян, потом расторгла все связи общественные и наконец подвергла Рим ярму Неронов и Калигул»[112]. К моменту турецкого завоевания «в Империи Греческой час от часу более ознаменовывались бедственные признаки… падения. Личная корысть заменила стремление к пользе общей. Государство, со всех сторон тревожимое врагами» оказалось не готовым к противостоянию, т.к. греки «чем единодушно вступаться за страну отеческую, спорили о том, кто скорее ухватит участок от области потрясенной»[113].

Турцию С.Н. Глинка рисовал в очень негативных тонах. Это деспотическая страна, где правительство помышляет только о том, «чтобы все стонало под ярмом его и не дерзало б роптать на насилие… Турецкий деспотизм основан на острии меча. Залогом спокойствия его – безмолвие гробовое. Над частными людьми смерть парит повсеместно. Главное преступление – богатство; закон – произвол султана; а судьи - палачи»[114]. Население Турции деградирует и в физическом, и в нравственном отношении: «Хотя турки от природы сложения крепкого и сильного, - писал Глинка, - но они порабощены привычкам, заграждающим пути к народонаселению. Сидячая жизнь, многоженство, неумеренное употребление опиума, курение табака и другие развратные излишества препятствуют размножению семейств до такой степени, что рождения вознаграждают только обыкновенный ход смерти… племени человеческому угрожает истребление в той самой стране, где природа все доставила, но где люди ничем не умеют пользоваться»[115]. В Османской империи не развиваются ни земледелие, ни промышленность[116]. «Деньги есть душа Турции», «преимущественное право всех должностных людей есть право грабежа. Султан не только смотрит на сей грабеж сквозь пальцы, но, как будто бы и покровительствует оному. Он знает, что по властительному произволу своему может всегда присвоить себе богатство, награбленное его чиновниками»[117].

Глинка отмечал, что под ярмом турецкого владычества происходит постепенная деградация греков[118]. В качестве причин этого явления он называет губительный пример «развратной» жизни турок[119] и угнетение, которому подвергли греков завоеватели. Так, «даже потомки древних Греческих порфироносцев должны уступать дорогу притеснителям своим»[120], «лучшим удовольствием» турки почитают «осыпать ругательства-

ми Христианина»[121], но главное, с точки зрения Глинки, орудие подавления греков – это определенная система воспитания, направленная на то, «чтобы отроков христианских переводить от *Евангелия* к *Алкорану*»[122], и таким образом отрывать их от своей религиозной традиции.

Глинка был уверен в том, что всем этим негативным тенденциям придет конец, как только Греция освободится от турецкого владычества. При этом он настаивал на том, что Греция сама, без чьей-либо посторонней помощи, в том числе и без помощи России, должна вести борьбу за национальное освобождение; так, как это было в древние периоды ее истории, когда она смогла отразить «сама собою и все силы Азии и покушения Африки. Она спасена была единодушием сынов своих»[123]. Одновременно Глинка считал Грецию территорией, входящей в ареал российского влияния, также как и славянские по своему происхождению народы, находящиеся в зоне турецкого владычества. Так, в упомянутой выше «Поэме о нынешних происшествиях или воззвании к народам о единодушном восстании против турок», перечислив тяготы угнетенных турками Греции, Сербии, Черногории, Глинка восклицает:

Мы братья! Братьям ли разлукою томиться?
Любовь влечет к любви; спешим соединиться.
Под кровом благости приятно отдыхать;
Россия нежная своим народам мать![124]

Здесь важно отметить, что упомянутое Глинкой «братство» народов предполагает не только этническое родство, но и культурно-историческое, в данном случае основанное на общности религии. А также тот факт, что в изображаемом Глинкой братстве России все же отводится особое место – покровительницы славянских и православных народов, блюстительницы их интересов.

Восточную тему Глинка продолжил в сочинениях, посвященных армянскому вопросу, привлекшему к себе внимание общественности в ходе русско-персидской войны 1826-1828 гг. В работах «Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи»[125] и «Описание переселения армян азербайджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении»[126] С.Н. Глинка доказывал правомерность притязаний России на вхождение армянских территорий в состав Российской империи. Определяющими в этом отношении факторами он считал исповедание одной религии[127] (Глинка не замечал разницы между русским православием и армянским монофизитством – Н.Л.), породившее схожесть нравственного облика двух народов, и

общность политического устройства. Так, Глинка утверждал, что «Армения от начала бытия своего имела быт патриархальный»[128], причем его изображение очень напоминает политический строй древней Руси, «реконструированный» им в «Русском вестнике». Неудивительно, что армяне «издревле» проявляли приверженность к России; эта приверженность стала очевидна в царствование Петра I, а русско-персидская война стала последним и закономерным шагом на пути сближения «братьев-Христиан»[129]. Следует отметить, что работы Глинки, посвященные истории Армении, сыграли «определенную роль в становлении русской школы арменоведения»[130].

Таким образом, в работах, посвященных восточному вопросу во внешней политике России, С.Н. Глинка доказывал, что нахождение православных балканских народов под властью Османской империи носило искусственный характер, что эти чуждые культурно-исторические единицы удерживались в рамках данного политического образования насильственным образом. Все православные страны, находящиеся в ее составе, он считал сферой интересов России. Основываясь на внешнеполитических взглядах С.Н. Глинки, можно сказать, что религиозный фактор играл решающую роль в его национализме. Характерно, что рассматривая Польшу как самостоятельное государство, выросшее из католических культурно-религиозных традиций, он отрицательно относился не только к присоединению Польши к России (для него правомерным было лишь возвращение земель, некогда входивших в состав Киевской Руси), но и к вмешательству России в ее внутриполитические дела[131]. Эти работы свидетельствуют также о том, что Глинка распространял свой идеал общественно-политического устройства и представления о справедливых с его точки зрения основах миропорядка вообще на всю историю человечества, считая их универсальными для всех народов и всех эпох.

§ 4. Последние годы жизни. Эволюция идейно-политических взглядов С. Н. Глинки.

Вскоре после увольнения с должности цензора С. Н. Глинке пришлось оставить Москву. Причина заключалась в том, что по столице поползли слухи, будто он «отголосок какого-то невидимого общества». Эти слухи, судя по «Запискам», имели давнее происхождение: «С 1812 года облекли меня личиною таинственного человека, предполагая что я сам собою не отважился бы явно и гласно говорить все то, что тогда говорил. Со времени открытия масонских лож, негодовали на меня за то, что ни в одну

из них не заполонил я своей независимости… Любовь моя к независимости… возбудила странное подозрение, будто бы я для того от всего и всех отклоняюсь, чтобы за всем и за всеми наблюдать»[132]. Наверняка сыграли свою роль связанные с Глинкой литературные скандалы в годы его службы в Московском цензурном комитете. В таких обстоятельствах Глинка не смог больше оставаться в Москве и уехал сначала в Смоленск, а затем в Петербург. Впоследствии он так объяснил свой отъезд К. А. Полевому: «И так с улиц московских, то есть из обители моих мечтаний, согнали меня крючкотворная ябеда и истома души: то есть – тяжба»[133].

Лишившись должности, Глинка сосредоточился на литературной деятельности, и 1830-1840-е гг. стали довольно плодотворными в этом плане. В эти годы были изданы его книги «Историческая панорама древнего и нового мира, с прибавлением обозрения духа событий древней Руси и новой России»[134], «Были и небылицы и гражданское начальное учение И. Екатерины II»[135], «Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения»[136], «Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года. С присовокуплением статей: 1) Александр I и Наполеон; 2) Наполеон и Москва»[137], «Повествование и рассказы из русской истории для детей»[138], «Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова»[139], «Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и отечеству»[140], «Русское Чтение. Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия»[141], не считая более мелких произведений, а также уже упоминавшихся нами в предыдущем параграфе книг, касающихся восточного вопроса.

В Петербурге С.Н. Глинка продолжал пользоваться поддержкой литераторов консервативного толка - А.С. Шишкова и В.А. Жуковского (кстати, последний был близким другом семьи Глинок, крестным отцом одного из сыновей Сергея Николаевича[142], и, вообще, принимал довольно деятельное участие в судьбах членов этого семейства[143]). При их содействии были изданы «Записки о 1812 годе» и «Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова». Названия последних сочинений С.Н. Глинки - «Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и Отечеству» и «Русское чтение» - свидетельствуют о том, что их автор все еще хранил верность «русскому направлению». Глинка никогда не считался талантливым писателем. Теперь же, на фоне плеяды молодых талантливых литераторов, его литературный стиль выглядел как откровенное «старообрядчество». Неслучайно, что эти книги были раскритикованы В.Г. Белинским[144].

Содержательно эти работы мало чем отличались от его публицистики периода издания «Русского вестника», они полностью воспроизводили идеологические модели, сконструированные на страницах этого журнала, культивируя ценности патриархального общественного устройства, общественной и политической морали, основанной на религиозных ценностях; довольно часто Глинка обращался к образам Петра I и Екатерины II как следующих русским национальным традициям отца и матери Отечества. Таким образом, никакой эволюции взглядов казалось бы не наблюдалось. Иную картину дают неопубликованные сочинения С.Н. Глинки этого периода.

В 40-е гг. XIX в. С.Н. Глинкой был написан ряд сочинений, скорее всего, не предназначавшихся для печати, так как те же проблемы, которые он излагал в опубликованных сочинениях этих лет, здесь получали кардинально иное решение. Речь идет о книге «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества», датированной 1844 г.[145], о статье «Взгляд на русскую народность в XVIII столетии», рукопись которой не датирована[146], и о рукописи двух глав, обозначенной в личном фонде С.Н. Глинки в отделе рукописей Российской национальной библиотеки как часть его новой версии истории России «Глава первая. О быте русских крестьян до Петра I и вопросы и ответы о полагаемом новом состоянии русских крестьян. Глава вторая. Временное прекращение Юрьева дня и торжественное возобновление царем Борисом Юрьева дня и вольности перехода крестьян», предположительно относящейся к 1844 г.[147]

Как было указано во второй главе нашего исследования, консервативно-националистическая концепция С.Н. Глинки носила полемический характер, и ее исходной точкой являлись антирационализм и связанная с ним критика рациональной в своей основе философии Просвещения, прежде всего французского, так как Глинка был убежден, что именно она спровоцировала Французскую революцию. В неопубликованных сочинениях он заявил обратное, признавшись однако, что для него это «самый щекотливый вопрос»[148]. Глинка указал на то, что в истории Франции было множество печальных и кровавых страниц и до появления философов-просветителей, например, Варфоломеевская ночь в XVI в., гонения против протестантов в XVII в.[149] Причем, упоминая об этих событиях, он был склонен оправдывать известный антиклерикализм Вольтера, вызывавший его бурную критику в период издания «Русского вестника»[150]. Кроме того, «крамольные» идеи, пропагандировавшиеся просветителями, зачастую являлись лишь развитием размышлений их

предшественников – мыслителей более ранних эпох[151]. Это не значит, что теперь Глинка был склонен оправдывать деятельность просветителей. Однако он сделал вывод, что ее содержание явилось отражением неблагоприятной социально-экономической и культурно-нравственной ситуации, сложившейся во Франции к концу XVIII столетия и грозившей серьезными общественно-политическими потрясениями даже без интеллектуальных усилий со стороны философов[152]. В качестве причины деградации социально-экономической и духовной жизни Франции Глинка назвал отсутствие Конституции[153]. Таким образом, если в консервативный период своей деятельности Глинка исходил из идеи господства над миром нравственных законов и возможности регулирования с их помощью политической сферы, то теперь он пришел к убеждению, что политическая система государства может хорошо функционировать только при условии ее регулирования политико-правовыми мерами.

С.Н. Глинка стал обосновывать мысль о необходимости конституционного устройства всех обществ и суть этого устройства толковал следующим образом: «*Здравый смысл* (курсив мой – Н.Л.) управляет обществами человеческими; а этот здравый смысл давно сказал: «человека не должно и не можно никогда позабывать. Чего же желает человек? Чтобы его личность, его собственность, его честь, его жизнь обеспечены были ясными, охранительными средствами: словом, чтобы и каждый член общества и все его сочлены боялись законов, и никого бы кроме них не боялись». А тут и вся Конституция»[154]. Причем Глинка теперь настаивал на том, что «вера» не должна оказывать никакого влияния на «законоучреждение», так как это противоположные друг другу понятия: «Вера – порыв души от земли к небу, а законы гражданские приковывают к земле и каждое помышление, и каждое обязательство, и каждый шаг. И чем сильнее их действие, то есть: чем тверже скрепляют они союз взаимных польз, тем надежнее и безопаснее жизнь обществ человеческих»[155]. Конституция, с точки зрения Глинки, охраняет общества от двух страшных явлений – резкой социальной дифференциации, разделяющей всех жителей на угнетателей и угнетаемых, и деспотизма или абсолютизации власти государей, которые всегда ведут к падению обществ[156]. Последнее утверждение Глинка проиллюстрировал царствованием Людовика XIV, который, провозгласив, что государство, это он, царствовал фактически для удовлетворения своих честолюбивых замыслов, еще больше распаляемых придворными льстецами, а не для благоустройства жизни своих подданных[157]. Именно с него во Франции начался кризис социально-экономической и духовной сфер, приведший в конце концов к револю-

ции[158]. Но и сам Людовик «во всем пережил себя при себе»[159], он узнал «мечту своего *Я*» и «советовал внуку своему и наследнику не подражать ему в страсти к войне и расточительности»[160]. С точки зрения Глинки, завершение царствования Людовика XIV не было бы столь плачевным, поставь он закон выше своего «Я», так как «если глава постановительных областей не посягает сам на узаконенные права всех и каждого, тогда на него не падает никакая укоризна, тогда он вполне свободен, ибо воля его в воле законов, а не в порывах самоуправства, уловляемых ухищрением» и мечтанием, «что она *все* и что в ней *все*»[161].

Отталкиваясь от новых убеждений, С.Н. Глинка пересмотрел свою трактовку российской истории. Прежде всего, он ввел в арсенал рассматриваемых им явлений такое понятие, как «народность». С точки зрения Глинки, она находила свое преимущественное проявление в «родном языке каждого народа»[162]. Глинка утверждал, что русское народное слово выражало две «особые мысли» - «внимание к летописям народным», которое можно трактовать как традиционализм, и склонность русского народа к законотворчеству[163]. Он заявлял, что с момента появления первого писаного свода законов на Руси – «Русской правды», отечественная законотворческая деятельность не прерывалась. Он предполагал, «что и в смутное время Удельного княжения были какие-нибудь узаконения, но они утратились в переходе веков, но из последствий видим, что и Иоанн Грозный в Судебнике, составленном на общем совещании тогдашних сословий, с точностью означил все узаконения, относившиеся к быту Русских поселян и вообще Русского народа»[164]. Здесь для Глинки принципиально важным был тот факт, что русское законодательство в равной степени учитывало права всего населения государства, и в частности крестьян, которые, по мнению автора, на протяжении многих веков российской истории были лично свободными. Подразумевая события IX в., Глинка утверждал, что уже «в колыбели народа русского сиял луч личной свободы»[165]. Это состояние население Руси сохраняло вплоть до царствования Ивана Грозного, о чем свидетельствовала 88-я статья его Судебника, в которой оговаривалось существование весеннего и осеннего Юрьева дня, т.е. периода в который крестьяне могли переходить к другому землевладельцу (неделю до весеннего и неделю после осеннего)[166]. Лишь при Борисе Годунове в 1592 г. Юрьев день был временно отменен, но в 1601 г. царь Борис, по мнению Глинки, не только возобновил оба Юрьевых дня, но и продлил их срок еще на две недели[167].

Закрепощение крестьян Глинка связывал с государственной деятельностью Петра I. Именно этот государь «неосторожною и заторопленною

рукой двинул народ русский на крепостной быт, дотоле не существовавший», т.к. при нем была проведена первая поголовная перепись, прикрепившая крестьян к той земле, на которой они находились на момент переписи[168]. Причем Глинка резко отрицательно оценивал это событие. Вообще, в своих неопубликованных сочинениях С.Н. Глинка стал трактовать деятельность Петра Великого совершенно иначе, нежели в «Русском вестнике». Теперь он утверждал, что «вырвав с корнем старинный быт земли Русской», Петр ничего не оставил «в основание жизни народа русского»[169]. Как об ошибке Глинка отзывался о Великом посольстве Петра в Европу, целью которого было «привесть с собою сокровища для преобразования России»[170]. Ссылаясь на мнения европейских историков, Глинка заявлял, что Европа в этот период «час от часу более дряхлела в обветшалой жизни своей»[171], а потому цель Петра была обречена изначально. Соответственно, негативную оценку получала социо-культурная европеизация России: «Целое поколение в новой России переодевалось: превращалось из себя не в себя. Люди взрослые были младшими на шутовских ассамблеях, неуклюже передразнивавших обветшалый, больной Парижский свет. Все было маскарадом и быстрой перестановкой театральных декораций»[172]. Последнее утверждение можно ассоциировать с представлением Глинки об общем итоге царствования российского императора, создавшего лишь внешние формы новой жизни, но не обеспечившего ее соответствующим законодательным базисом: «Не утвердил Петр Первый внутренней жизни новой России ни на каком очевидном и прочном основании, и все исчезло с ним, кроме флота и войска. Исчез народ, окованный цепями крепостными: личность людей стала жертвою самоуправства»[173].

Однако обвинения Глинки в адрес Петра I были не столь резки, как разоблачение государственной деятельности Екатерины II, так как, если первый «не готовился быть законодателем», то вторая «подавала надежду России, что упрочит будущую ее судьбу. Никогда ни один из владык земных не писал подобного ей Наказа… она при жизни своей бралась… доставить новой России новое постановление для внутренней ее жизни. Казалось, что сама судьба предоставляла ей дополнить то, чего не сделал Петр I»[174]. Однако созывом Уложенной комиссии Екатерина лишь «обманула и себя, и народ. Мирно собирались депутаты, мирно и разошлись. Голоса некоторых из их членов, заменились пушечными выстрелами. Временщики одержали верх над пользою общенародною… Но и домогательства и своекорыстие тогдашних временщиков не были б помехою Екатерине в деле законодательства, если б она родилась законодатель-

ницей. Не надела она этого венца. Она была только очень умною писательницею о законах. Пришлось и ей, говоря просто: «идти на попятный двор». То есть: подобно Петру Первому не положа никаким постановлением никакого прочного основания, перестраивать внешнее здание России»[175].

При Екатерине, утверждал Глинка в своей неопубликованной книге, положение русских крестьян ухудшилось, так как эта императрица «или потворством к барам, или неосторожною рукою проложила новые пути и к роскоши, и к мотовству, и ко всем злоупотреблениям, поражающим быт земледельческий»[176]. «При новом учреждении Губерний, - продолжал Глинка, - оставя быт сельский, избыточные дворяне ринулись в Губернские города. Закипели и там балы, карты, моды»[177]. А это, в свою очередь, привело к увеличению оброчных крестьян и «чужому управлению» ими, под которым Глинка понимал любое управление, осуществляемое не лично помещиком и которое оценивал как тягостное для земледельцев[178].

Делая вывод о екатерининской эпохе, Глинка, как и в случае с Петром I, проводит сравнение ее деятельности с театральной постановкой: своим «творениям» Екатерина радовалась, как «радуется театральный писатель, когда при громких рукоплесканиях разыгрывают его произведение и когда в честь его раздается торжественный вызов… При ней все было ее и все было для нее»[179].

С. Н. Глинка верно оценил рубеж XVIII-XIX столетий с точки зрения становления европейских национализмов. Ряд исследователей этой проблемы утверждает, что Французская революция и последовавшие за ней наполеоновские войны, охватившие всю Европу, явились и проявлением, и катализатором развития националистических тенденций в Европе[180]. В этой связи интересен следующий фрагмент неопубликованной книги Глинки: «При начале Французской революции время царей отжило… Пришла очередь народов… шли отыскивать свои права, свою душу, свою свободу. Буква *Я* час от часу более исчезала в молниях военных; не жизнью, смертью народов утверждалось слово *мы*; не *мы* так называемых самодержцев, но *мы* народное и природное слово *мы*. Я говорю *мы*: ибо человек не создан ни для ярма рабства, ни для жизни одинокой. Первый его законодатель Бог дал ему волю и свободу избирать себе пути своего существования»[181]. Единственным государством, последовавшим в конце XVIII столетия «духу времени», по мнению Глинки, была Польша: «Главные ее деятели, Костюшко и другие, хотели весть свое отечество на настоящую, прямую дорогу… перевесть его на поприще постановления, Конституции с наследственным, а не избирательным королем. Конститу-

ция польская 1792 г. 2 мая явное тому свидетельство»[182]. Поэтому автор скептически относился к опасениям России относительно радикальности Польши и отрицательно оценивал участие екатерининского правительства в разделах этого государства[183].

Историческая ошибка российских монархов, с точки зрения Глинки, заключалась в том, что они не изменили основ своей политики в соответствии с требованиями эпохи: «Павел… хотел царствовать полномочно, нераздельно»[184], а его сын Александр, хотя и заявил, что будет царствовать по сердцу своей бабки, но «все царствование Екатерины рушилось 1802 года учреждением министерства… безответственного», которое «учредило в России гидру олигархического правления: оно заслонило престол от народа новыми властелинами»[185]. Вообще, царствование Александра I Глинка подвергал особой критике. Так, он критически оценивал его внешнюю политику, считая, что русский император больше шел на поводу западно-европейских государств, прежде всего Англии, реализовывая их интересы в ущерб национальным интересам России[186]. С точки зрения Глинки, «после 1805 года, России так сказать надлежало в самой себе затаить себя от Европы: выслать… всех чужестранных послов; разорвать все связи торговые; укрепиться в пределах своих собственными своими силами и не мешаться ни в какие дела Европейские»[187]. Так же критически он оценивал заграничные походы русской армии после Отечественной войны 1812 г.[188] По мнению Глинки, с изгнанием из России Наполеона, в год двухсотлетия дома Романовых, Александру предоставлялся лучший шанс даровать России «заветное законоучреждение для всех и каждого»[189], но он не воспользовался этим шансом, и «вместо новой жизни в стенах Москвы закипел новый разврат; новое заторопление мелких страстей»[190].

Еще большим преступлением Александра I, по мнению Глинки, было пообещать России даровать ей Конституцию, - автор имел в виду знаменитое выступление императора перед варшавским сеймом в 1818 г., - и не сдержать своего обещания[191]. Результатом именно этой ошибки стало восстание 14 декабря 1825 г., которое, в отличие от французской революции, вспыхнувшей от того, что «снизу… раздался голос, требовавший преобразования Франции», вспыхнуло от того, «что первое в ней (России – Н.Л.) лицо; что сам император Александр распустил молву о преобразовании России и потом Бог знает почему, домогался заглушить ее неуместным самовластием. Закрыли двери залы масонской: но общество осталось. Закрыли масонские ложи, состоящие под надзором правительства. За то возникли тайные общества, мимо надзора правительства»[192].

Критикой царствования Александра I заканчиваются неопубликованные сочинения С. Н. Глинки. Но, как было указано во втором параграфе данной главы, еще в конце 1820-х гг. С. Н. Глинка высказывал мысль о том, что принятие Конституции должно лечь на плечи Николая I.

Таким образом, в последние годы жизни С. Н. Глинки его взгляды заметным образом эволюционировали. Об этом свидетельствуют его неопубликованные сочинения, где им выдвигались либеральные по сути идеи естественных прав человека, рационализма, верховенства закона в общественно-политической жизни. В конце предшествующей главы нашего исследования уже говорилось, что эволюции взглядов С. Н. Глинки способствовало его разочарование в возможности реализации предложенной им консервативно-националистической концепции общественно-политического устройства, наступившее после окончания Отечественной войны. Анализ материалов данной главы позволяет предположить, что этому также способствовали обсуждение вопроса о российской Конституции Александром I, жесткое подавление выступления декабристов, а также кодификация российского законодательства М. М. Сперанского и мероприятия николаевского правительства в области крестьянского вопроса. Тем не менее, систему воззрений Глинки данного периода стоит трактовать как консервативный либерализм, так как источником и гарантом прав должна была выступать личность монарха. В опубликованных сочинениях Глинка продолжал следовать своей патриархальной концепции общественного устройства, вероятно, в силу сознательной авторской установки и возможных цензурных запретов.

В эти годы С. Н. Глинка не переставал писать статьи в различные журналы. Так, на рубеже 20-30-х гг. XIX в. он сотрудничал в «Дамском журнале» П. И. Шаликова под псевдонимом Мечтатель, в 1837 г. – в «Сыне Отечества», в 1841 – в «Репертуаре русского театра», в 1843-1844 гг. – в «Современнике», в «Журнале Министерства народного просвещения» и в «Маяке»[193]. Особое значение он придавал сотрудничеству с возобновленным «Русским вестником». Инициатором возрождения журнала в 1841 г. стал Н. И. Греч, а его ближайшими помощниками в редакторской работе были Н. А. Полевой и Н. В. Кукольник. Журнал не был успешным, и в конце 1841 г. Н. А. Полевой взял руководство изданием в свои руки. В 1842 г. он выпустил лишь шесть книжек, а затем журнал вообще не выходил около года. В 1843 г. журнал перешел к П. П. Каменскому, который в конце 1843 г. издал оставшиеся шесть книжек за 1842 г. В 1844 г. вышли еще два номера журнала, после чего «Русский вестник» прекратился.

С.Н. Глинка с энтузиазмом воспринял весть о возобновлении журнала, который он небезосновательно считал «своим». Тем более, что целью нового издания провозглашалось «содействие своему монарху в его боголюбивых подвигах водворения в России истинного просвещения, любви к правде и добру и наслаждения благородными и высокими науками и изящными искусствами». Глинка начал активно интересоваться возрождением журнала уже тогда, когда «Русский вестник» еще не был одобрен правительством. В феврале 1840 г. он справлялся у К.С. Сербиновича о судьбе журнала, причем из письма видно, что «переходы о «Вестнике» происходят около двух лет по министерству народного просвещения»[194]. Глинка сразу же начал писать для журнала и помещать в нем отрывки своих «Записок»[195]. Но сотрудничество оказалось не очень удачным для Глинки в финансовом отношении: судя по переписке, Греч задерживал авторские гонорары, что сильно раздражало нуждавшегося Глинку. В письме от 13 октября 1842 г. он прямо требовал от сына издателя выплаты хотя бы части долга, в противном случае грозился подать жалобу в Главное Управление цензуры об уничтожении журнала[196]. По этому факту можно предположить, что само возобновление издания и его существование требовали юридического согласия его первого издателя. Об этом же могут свидетельствовать те усилия, которые Глинка предпринимал для спасения «Русского вестника» в 1844 г.: из переписки с А.В. Старчевским видно, что на протяжении июля-августа Глинка, к тому времени уже старый и больной человек, пытался организовать совещание о судьбе «Русского вестника», руководство которым, видимо, предполагал взять на себя А.В. Старчевский, Глинка же обещался распространить объявления о журнале[197]. Но все усилия оказались напрасны.

В последние годы жизни Глинка часто тяжело болел[198] и ослеп. К.А. Полевой, видевший его незадолго перед смертью, зимой 1846-1847 г., был изумлен смирением и преданностью провидению, с какими этот некогда огненный человек переживал свое ужасное несчастье. Чтобы хоть как-то двигаться, С. Н. Глинка велел протянуть через комнату веревочку и расхаживал, держась за нее, сколько ему было угодно. Дочь его, находившаяся всегда при нем, читала ему или писала под его диктовку. Из прежних знакомых, кроме Полевого, только П. А. Вяземский посетил слепого Глинку[199].

С.Н. Глинка умер 5 апреля 1847 г. Похоронен он на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге.

---

1 См. роспись номеров «Русского вестника» в : Колюпанов Н. Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. I, кн. 2. С. 401-406.
2 Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 356.
3 Глинка С. Н. Русская история в пользу воспитания. Ч. 1. М., 1818. С. XVIII.
4 Глинка С. Н. Русская история в пользу воспитания. Ч. 2. М., 1818. С. 140.
5 Глинка С. Н. Русская история в пользу воспитания. Ч. 1. С. XIV.
6 Володина Т. А. Русская история С.Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // Вопр. истории. 2002. № 4. С. 148.
7 Глинка С. Н. Русская история в пользу воспитания. Ч. 1. С. 8-26.
8 Там же. С. 25-26.
9 Глинка С. Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. Ч. 4. М., 1823. С. 112-133.
10 Глинка С. Н. Русская история в пользу воспитания. Ч. 1. С. 64.
11 Глинка С. Н. Русская история в пользу воспитания. Ч. 2. 186 с; Ч. 3. М., 1818. 166 с.
12 Глинка С. Н. Русская история в пользу воспитания. Ч. 4. С. 98-133.
13 Глинка С. Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. Ч. 5. М., 1823. 215 с.
14 Глинка С. Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. Ч. 8. М., 1823. 208 с.
15 Глинка С. Н. Русская история в пользу воспитания. Ч. 1. С. 64.
16 Глинка С. Н. Русская история в пользу воспитания. Ч. 6. М., 1818. С. 129-156; Ч. 7. М., 1819. С. 1-215.
17 Глинка С. Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. Ч. 9. М., 1823. 263 с.; Ч. 10. М.,1823. 194 с.
18 Володина Т. А. Сергей Николаевич Глинка // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 161-162.
19 Моск. телеграф. 1825. № 10. С. 79.
20 Славянин. 1828. № 30. С. 150.
21 Письмо Карамзина к Шишкову о Глинке // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 2. С. 399-400 ; Вяземский П. А. Сергей Николаевич Глинка // Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 442 ; Глинка С. Н. Записки. С. 394.
22 Володина Т. А. Русская история С.Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. С. 158-159.
23 Вяземский П. А. Сергей Николаевич Глинка. С. 437.
24 Можаева Г. В. Погодин М. П. // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 138.
25 Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф» : становление канона // Новое лит. обозрение. 2003. № 63.
26 См. статьи Старинные свойства казаков // Рус. вестн. 1811. № 12. С. 14-39 ; Подвиг есаула Елаткова // Там же. 1813. № 3. С. 64-67 ; Мысли из послания казака Ермолая Гавриловича Атаману Платову // Рус. вестн. 1813. № 6. С. 71-84 ; Разговор атамана Платова с донскими генералами Иловайским и Карповым; приказ Платова о вспомоществовании Донскому монастырю // Там же. № 9. С. 51-61 ; Подробное известие о пребывании в Лондоне донского казака // Там же. 1814. № 1. С. 66-86 ; Перевод письма графу Платову башкирского старшины Кутнугелдея Темировича // Там же. № 9. С.

64-66 ; Письмо графа Платова войсковой канцелярии // Там же. 1815. № 9. С. 69-71 ; Предписание графа Платова генерал-майору Грекову и приказ Атаманскому полку // Там же. 1816. № 8. С. 32-37 ; О взятии донскими казаками гор. Намура, 3-4 февраля 1814 г. // Там же. № 5. С. 46-57 ; Дар английского принца-регента графу Платову // Там же. № 4. С. 76-80 ; Описание сабли, препровожденной графу Платову от гор. Лондона // Там же. № 6. С. 3-8 ; Письмо из Новочеркасска о прибытии на Дон атамана графа Платова // Там же. № 11. С. 36-52 ; Праздник атаманского полка в Кременчуге // Там же. № 10. С. 24-29 и др.

27 Глинка С. Н. Записки. С. 350.

28 Глинка С. Н. Вера, верность и слава донцов. М., 1813. 52 с.

29 Глинка С. Н. Русская песнь графу Матвею Ивановичу Платову на подвиг знаменитого Донского войска, по занятии Москвы врагами и по изгнании из отечества. М., 1814. 8 с.

30 Глинка С. Н. Записки. С. 365.

31 Там же. 369.

32 Аксаков С. Т. Литературные и театральные воспоминания (1812-1826) // Собр. соч. М., 1996. Т. 3. С. 7.

33 Лажечников И. И. Новобранец 1812 года (Из моих памятных записок) // Собр. соч. И. И. Лажечникова. СПб., 1858. Т. 7. С. 271.

34 Глинка С. Н. Записки. 366-367.

35 Там же. С. 375-376.

36 Там же. С. 366.

37 Греков В. Н. Глинка С. Н. // Русские писатели. XIX век. Библиогр. слов. Ч. 1. М., 1996. С. 155.

38 См. например : Новое дет. чтение Сергея Глинки. Ч. 1. М., 1821.

39 Например : статья Сельский день, или полезное препровождение времени // Новое дет. чтение, изданное Сергеем Глинкою. Ч. 2. М., 1821. С. 7-98.

40 Искусство учиться прогуливаясь, или ручная энциклопедия для воспитания, составленная графом Ангальтом, изданная Сергеем Глинкою. М., 1829. 189 с.

41 Московский альманах для юных русских граждан, или новая ручная энциклопедия с картинками. М., 1830. 186 с.

42 См. Геннадии Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г. Берлин, 1876. Т. 1. А-Е. С. 221-222.

43 Сивков К. Глинка С. Н. // Русский биографический словарь. М., 1995. «Герберский-Гогенлоэ». С. 295 ; Федоров Б. Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки. СПб., 1844. С. 17.

44 Корсаков А. Н. Воспоминания московского кадета // Рус. арх. 1879. Кн. 2. № 7. С. 321-322.

45 Федоров Б. Указ. соч. С. 16.

46 Более подробно см. : Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1. С. 221-222.

47 Сивков К. Указ. соч. С. 294.

48 Полевой К. А. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Полевой Н. А. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. Л., 1934. С. 252.

49 Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М, 1869. С. 112-113.

50 Просьба С. Н. Глинки о выдаче ему пособия на издание его сочинений // Рус. старина. 1901. № 9. С. 480.
51 Федоров Б. Указ. соч. С. 13.
52 Михайловский-Данилевский А. И. Записки // Ист. вестн. 1892. № 8. С. 295.
53 Там же. С. 296.
54 Глинка С. Н. Записки. С. 380-382.
55 Глинка Сергей Николаевич. Письма его (3) Михайловскому-Данилевскому Александру Ивановичу // РО ИРЛИ. Ф. 527. Е.х. 127. Л. 10-10 об.
56 См. об этом подробнее : Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). СПб., 1999. С. 192-230.
57 Глинка С. Н. Записки. С. 385-386.
58 Письмо Карамзина к Дмитриеву. 10 февраля 1825 г. // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 2. С. 400 ; Письмо Карамзина к Глинке // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч.2. С. 400.
59 Письмо Карамзина Н. М. к Глинке С. Н. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 441.
60 Глинка С. Н. Записки. С. 398.
61 Там же. С. 398-400.
62 Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 151.
63 Глинка С. Н. Записки. С. 409.
64 Там же.
65 Там же. С. 410.
66 Там же. С. 410 ; Данилов В. В. С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измайлов в Московском цензурном комитете // Изв. Отд. рус. яз. и лит. 1928. Т. 1. Кн. 2. С. 513-514.
67 Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 116.
68 Там же.
69 Цит. по : Полевой К. А. Указ. соч. С. 255.
70 Цит. по : Данилов В. В. Указ. соч. С. 519.
71 Там же. С. 517-520.
72 [Глинка С. Н.] Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. 1 января 1844 г. // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. Л. 31.
73 Глинка С. Н. Воспоминания о работе цензурного комитета. 1830 г. // РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Е.х. 300. Л. 6-13.
74 Мое цензорство. Из «Записок» С. Н. Глинки // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 10. Л. 21-21 об.
75 Там же. Л. 21 об.
76 Там же. Л. 22-26.
77 Глинка С. Н. История жизни и царствования Александра I. М., 1828. Ч. I. 180 с.
78 Глинка С. Н. Записки. С. 411.
79 Там же. С. 419.
80 Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Указ. соч. С. 153.
81 Глинка С. Н. Записки. С. 419.
82 Глинка С. Н. Записки. С. 419.
83 Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 115.
84 Глинка С. Н. Записки. С. 415.
85 Там же. С. 416.

86 Глинка С. Н. Записки. С. 412.
87 Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 265-267.
88 Там же. С. 267-268.
89 Там же. С. 272.
90 Там же. С. 272-274.
91 Там же. С. 274.
92 Пушкин А. С. Отрывок из литературных летописей // А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. : в 17 т. М., 1996. Т. 11. С. 77-81.
93 Барсуков Н. Указ. соч. СПб., 1889. Кн. 2. С. 274-275.
94 Письмо М.А. Максимовича к В.П. Гаевскому // ОР РНБ. Ф. 171. № 171. Л. 3.
95 Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 109.
96 Барсуков Н. Указ. соч. СПб., 1890. Кн. 3. С. 4-5.
97 Глинка С. Н. Записки. С. 417-418 ; Данилов В. В. Указ. соч. С. 520.
98 Барсуков Н. Указ. соч. СПб., 1890. Кн. 3. С. 22 ; Данилов В. В. Указ. соч. С. 521.
99 Барсуков Н. Указ. соч. СПб., 1890. Кн. 3. С. 22.
100 Там же.
101 См. Письмо Вяземского П. А. к Хитровой Е. М. // Рус. арх. 1899. № 5. С. 84.
102 Там же. С. 83-87.
103 Письмо Вяземского П. А. к Бибикову Д. Г. // Рус. арх. 1899. № 5. С. 87-88.
104 Цит. по : Данилов В.В. Указ. соч. С. 522.
105 Глинка С. Н. Поэма о нынешних происшествиях или воззвание к народам о единодушном восстании против турок. Сочинение Вольтера. Подражание Сергея Глинки. С историческими примечаниями сочинителя и подражателя. М., 1828. 30 отд. л. (далее - Поэма о нынешних происшествиях…) Книга была запрещена к печати цензурой.
106 Глинка С. Н. Обозрение внутренности Турции Европейской, почерпнутое из древних и новых писателей. С присовокуплением 12-ти картинок, изображающих окрестности Константинополя, древние и новые памятники зодчества, находящихся в стенах его. М., 1829. 94 с. (далее - Обозрение внутренности Турции Европейской…)
107 Глинка С. Н. Картина историческая и политическая новой Греции. М., 1829. 127 с.
108 Глинка С. Н. Картина историческая и политическая Порты Оттоманской, от начала существования поколения турецкого до взятия Константинополя и до падения греческой державы, с присовокуплением о войнах турков со времени вторжения их в Европу до 1830 года. М., 1830. 308 с. (далее - Картина историческая и политическая Порты Оттоманской…)
109 Глинка С. Н. Поэма о нынешних происшествиях… С. 20.
110 Глинка С. Н. Картина историческая и политическая новой Греции. С. 124.
111 Глинка С. Н. Картина историческая и политическая Порты Оттоманской… С. 101.
112 Там же.
113 Там же. С. 51.
114 Глинка С. Н. Обозрение внутренности Турции Европейской...С. 52.
115 Там же. С. 11.
116 Глинка С. Н. Картина историческая и политическая Порты Оттоманской… С. 95.
117 Глинка С. Н. Обозрение внутренности Турции Европейской… С. 61-62.
118 Глинка С. Н. Картина историческая и политическая новой Греции. С. 127.
119 Глинка С. Н. Обозрение внутренности Турции Европейской… С. 56.
120 Там же. С. 53.

121 Глинка С. Н. Обозрение внутренности Турции Европейской… С. 54-55.
122 Там же. С. 26.
123 Глинка С. Н. Поэма о нынешних происшествиях... С. 20-21.
124 Там же. С. 9.
125 Глинка С. Н. Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи. Ч. 1-2. М.,1832-1833. Ч. 1. 1832. 273 с. ; Ч. 2. 1833. 294 с. Книга была переиздана Глинка С. Н. Обозрение истории армянского народа / [Арменовед. благотворит. о-во]. – [Репринт. воспроизведение изд. 1832 г.] – Ереван, 1990. 294 с.
126 Глинка С. Н. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении, почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою. М., 1831. 142 с. Книга была переиздана Глинка С. Н. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. Почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою. Баку, 1990. 142 с. (далее - Описание переселения армян азербайджанских в пределы России…)
127 Глинка С. Н. Обозрение истории армянского народа... Ч. 1. С. 7.
128 Там же. Ч. 1. С. 34 ; Ч. 2. С. 102-103.
129 Глинка С. Н. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России… С. 15-17, 39.
130 Акопян Э. А. Арменоведческие взгляды А. Н. Радищева и С. Н. Глинки (К изучению русско-армянских литературных и научных связей XVIII – начала XIX в.) // Литературные связи. Ереван, 1981. Т. 3. С. 114.
131 [Глинка С. Н.] Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. 1 января 1844 г. // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. Л. 161-161 об.
132 Глинка С. Н. Записки. С. 390-391.
133 Письмо Сергея Николаевича Глинки // Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., 1888. С. 352.
134 Глинка С. Н. Историческая панорама древнего и нового мира, с прибавлением обозрения духа событий древней Руси и новой России. Ч. 1-2. М., 1832. Ч. 1. 177 с.; Ч. 2. 213 с.
135 Были и небылицы и гражданское начальное учение И. Екатерины II. М., 1832.
136 Глинка С. Н. Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. 401 с.
137 Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года. С присовокуплением статей: 1) Александр I и Наполеон; 2) Наполеон и Москва. СПб., 1837. 370 с.
138 Глинка С. Н. Повествование и рассказы из русской истории для детей. СПб., 1841. 54 с.
139 Глинка С. Н. Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова. Ч. 1-3. СПб., 1841. Ч. 1. 197 с. ; Ч. 2. 253 с. ; Ч. 3. 278 с.
140 Глинка С. Н. Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и отечеству. Кн. 1-2. СПб., 1842. Кн. 1. 56 с. ; Кн. 2. 63 с.
141 Русское Чтение, издаваемое Сергеем Глинкою. Вып. 1-4. СПб. Вып. 1. Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия. 1845. 74 с. ; Вып. 2. То же. 1845. 75-143 с. ; Вып. 3. То же. 1845. 144-256 с. ; Вып. 4. То же. 1845. 257-312 с.
142 Глинка С. Н. Записки. С. 372.

143 См. например : Письмо Глинки С. Н. к Жуковскому В. А. С.-Петербург, 1844, 15 сент. // Рус. арх. 1899. № 5. С. 90-91.

144 Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т.6. С. 341; Т. 9. М., 1955. С. 238-239.

145 [Глинка С. Н.] Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. 1 января 1844 г. // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. 212 л.

146 Глинка Сергей Николаевич. Взгляд на русскую народность в XVIII столетии // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 671. Б/д. 24 л.

147 [Глинка С. Н.] История России. Отрывки : Глава 1. О быте русских крестьян до Петра I и ответы о полагаемом новом состоянии русских крестьян. Глава 2. Временное прекращение Юрьева дня и торжественное возобновление царем Борисом Юрьева дня и вольности перехода крестьян. ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 12. 1844 ? 32 л.

148 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. Л. 107.

149 Там же. Л. 112.

150 Там же. Л. 113-114.

151 Там же. Л. 121 об.

152 Там же. Л. 108 об. – 110 об.

153 Там же. Л. 6, 109, 129-156.

154 Там же. Л. 24 об. В данном отрывке С. Н. Глинка цитирует статьи Наказа Екатерины II.

155 Там же. Л. 26.

156 Там же. Л. 42-48.

157 Там же. Л. 32-37 об.

158 Там же. Л. 108 об.

159 Там же. Л. 35.

160 Там же. Л. 36 об.-37.

161 Там же. Л. 48 об.

162 РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 671. Л. 7 об.

163 Там же. Л. 9.

164 Там же. Л. 9-9 об.

165 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 12. Л. 2 об.

166 Там же. Л. 4 об.

167 Там же. Л. 14 об., 20 об.-21 об.

168 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. Л. 53 ; ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 12. Л. 31 об.

169 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. Л. 50.

170 Там же. Л. 50 об.

171 Там же. Л. 51.

172 Там же. Л. 55 об.

173 Там же. Л. 63 об.

174 Там же. Л. 65 об.

175 Там же. Л. 71-71 об.

176 Там же. Л. 87 об.

177 Там же. Л. 90 об.

178 Там же. Л. 89 об.

179 Там же. Л. 91 об.-92.

180 Смит Э. Национализм и модернизм : Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 234-236.

181 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. Л. 166, 174 об.

182 Там же. Л. 160.

183 Там же. Л. 160 об.-161.

184 Там же. Л. 166 об.

185 Там же. Л. 182.

186 Там же. Л. 203 об.

187 Там же. Л. 194 об.

188 Там же. Л. 206 об.

189 ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. Л. 206-207 об.

190 Там же. Л. 207 об.

191 Там же. Л. 208 об.

192 Там же. Л. 210-210 об.

193 [Евдокимов И. В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. Л. 227-232.

194 Письмо Глинки С. Н. Сербиновичу К. С. 18 февр. 1840 г. // Рус. старина. 1895. № 2. С. 222 ; а также : Письмо Глинки С. Н. Гречу Н. И. 24 июля 1841 г. // Рус. арх. 1869. С. 606.

195 [Евдокимов И. В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. Л. 230-231.

196 Глинка С. Н. – Гречу А. Н. 13 окт. 1842 // Вестн. всемир. истории. 1900. № 6. С. 86-87.

197 Глинка С. Н. Письма (3) к Старчевскому А. В. 1844, июля 7 – авг.10 // РО ИРЛИ. Ф. 583. № 375. Л. 1-5.

198 См. : Письма Глинки С. Н. к Глинке Ф. Н. с приписками Глинки М. В. 13 марта 1831 г. – 16 янв. 1845 г. 12 писем // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Е.х. 220. 20 л.

199 Полевой К. А. Указ. соч. С. 258.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сергей Николаевич Глинка – яркая и самобытная фигура общественной и культурной жизни России начала XIX в. Он был драматургом, поэтом, писателем (одним из самых плодовитых в свое время, как указывал П.А. Вяземский[1]), переводчиком, издателем, педагогом. По своим личным качествам это был привлекательный человек: современники в один голос отмечали его доброту, необыкновенное бескорыстие, искренность, честность, преданность, и т.д. Но особенно примечателен он был благодаря своей неизменной приверженности «русскому направлению».

Общественно-политические взгляды С.Н. Глинки позволяют отнести его к ключевым фигурам русского консерватизма первой четверти XIX столетия. При этом они обладали заметной специфичностью. Эта специфика являлась следствием влияния на Глинку полученного в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе эклектичного образования, основное место в котором занимали принципы идеологии Просвещения. Наиболее четко специфичность взглядов С. Н. Глинки прослеживается на фоне основных черт магистральной линии русского консерватизма. К ним относятся апология православия, идеал мощного централизованного государства с жесткой иерархической структурой, национализм, сформировавшийся в результате неприятия западной культурной традиции[2].

Пожалуй, в классическом виде в консервативном проекте С. Н. Глинки воспроизводится второй признак. По своим политическим убеждениям Глинка, без сомнения, был последовательным сторонником самодержавной монархии и жесткой общественной иерархии. Любой другой социальный порядок, с его точки зрения, был чреват опасностью анархии. Причем особую роль в этой системе он отводил монарху, который как бы задавал импульс развитию общества. Отсюда пристальное внимание автора к образу идеального государя, который *обязан* (здесь и далее курсив мой – Н.Л.) заботиться обо всех своих подданных и, таким образом, подавать им пример. Следовательно, социальная функция монарха самая сложная (в силу его наивысшего социального статуса). Фактически, Глинка сформулировал один из стержневых принципов зрелого консерватизма – принцип иерархии, как регулятора требований, предъявляемых каждому

члену общества в зависимости от его социального статуса (чем выше положение человека, тем выше его ответственность).

Некоторая специфика характерна для православной составляющей консервативных взглядов С.Н. Глинки. Отводя значительное место религии как нравственному стабилизатору общественной жизни, он, в отличие от А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина, Ф.В. Ростопчина, А.С. Стурдзы, не делает особенного акцента на православном вероисповедании. Это отчетливо проявляется в терминологии Глинки: слово «православие» в его публицистике встречается крайне редко; подчеркивая важную роль религиозного фактора в общественной жизни, он употребляет более абстрактный термин «Вера». Не упоминал Глинка и роли церкви как института; его «Вера» не подразумевает строгой обрядности, а больше соответствует масонскому учению о внутренней церкви. Кажется символичным и тот факт, что роль нравственных наставников, служащих позитивным примером обществу, Глинка в рамках своей концепции отводил светским, а не духовным лицам. Он создавал пантеон *светских* святых, что также роднило его с А.С. Шишковым, Н.М. Карамзиным, Ф.В. Ростопчиным[3].

В том числе, слабостью православного элемента можно объяснить отсутствие в сочинениях С.Н. Глинки критики масонства (наиболее отчетливо выраженной у Ф.В. Ростопчина и А.С. Шишкова), индифферентное отношение к экуменическому эксперименту Александра I, вызвавшему острое неприятие со стороны А.С. Шишкова, видевшего в нем угрозу православию. Для Глинки же важно распространение христианской морали как таковой, вне зависимости от проповедующей ее конфессии.

Своеобразные особенности присущи и национализму Глинки. В нем нет ярко выраженных устойчивых национальных антипатий, как в случае антисемитских, антипольских настроений Г.Р. Державина, А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина. Антизападническая, а точнее антифранцузская направленность национализма Глинки носила скорее ситуативный характер и была обусловлена конкретными историческими событиями: войнами с Наполеоном и особенно заметной и ставшей казаться опасной на их фоне галломанией русского образованного общества. Но в последующие годы его жизни антифранцузский элемент в его взглядах постепенно тускнеет.

Тем не менее, именно внешнеполитическая угроза стала основным фактором складывания националистической концепции С.Н. Глинки, как и других консерваторов этого периода. И то, что страна, от которой

эта угроза исходила, была в глазах ранних русских консерваторов живым олицетворением политической бесперспективности реализации либеральных ценностей (это с их точки зрения доказал опыт Французской революции), предопределило консервативное содержание их собственных концепций общественно-политического устройства. Каждый из них пытался предложить свою основу национального существования России и освятить ее авторитетом исторического опыта. И если А. С. Шишков в этом качестве видел язык, а точнее «старый слог», Н. М. Карамзин – самодержавие[4], то С. Н. Глинка за субстанцию народности представлял особую «русскую нравственность», духовность, основанную на «христианской» морали и отраженную им в особом национальном характере, который отождествлялся с добродетелями предков допетровской Руси. Подобное видение русской нации было отражено Глинкой в публицистике «Русского вестника», и это был уже не только культурный национализм, за ним стояла определенная политическая программа. Приобщение к «русской нравственности» предполагало осознание самодержавия как лучшей для России формы политического бытия. Этот политический аспект националистической концепции С. Н. Глинки был наиболее ярко и последовательно выражен в его «Русской истории», в которой отечественное прошлое раскрывалось как процесс поступательного развития истинно русской политической системы – самодержавия. Таким образом, если следовать одной из разработанных в западноевропейской литературе схем деления истории националистических движений на определенные этапы[5], деятельность С.Н. Глинки можно отнести не к первому этапу, который характеризуется интересом националистов к сфере культуры, фольклора и литературы, а к следующей стадии развития националистической идеологии, когда появляется группа активных сторонников национальной идеи и первые признаки политической агитации в ее пользу.

Однако здесь также можно отметить воздействие просветительской идеологии на убеждения С. Н. Глинки. В первой главе настоящего исследования было отмечено, что на становление его антифранцузской националистической программы существенное влияние оказали взгляды Ж.-Ж. Руссо, отраженные им в книге «Соображения об образе правления в Польше». Просветительский субстрат присутствовал и в самом консервативно-националистическом проекте С.Н. Глинки. Так, выдвинутая им триединая формула «Бог. Вера. Отечество», являвшаяся квинтэссенцией «русской нравственности», по сути, представляла собой консервативное толкование знаменитого лозунга французской революции

«Свобода. Равенство. Братство», перенесенное из политической плоскости в плоскость нравственно-этическую. Потому что свобода для Глинки – это способность человека отречься от собственных «страстей» ради исполнения долга, предназначенного ему божественной волей; равенство рассматривалось им как ответственность каждого человека за исполнение своего общественного долга перед общим отцом по Вере – Богом; а братство предполагало принадлежность населения страны к единой для всех религии «праотцов», что являлось важнейшим признаком государственного строительства. И само представление о том, что на политическую сферу можно влиять из сферы нравственной, также роднило Глинку с просветителями.

Сильный просветительский элемент во взглядах С.Н. Глинки во многом повлиял на эволюцию его идейно-политических взглядов. Так, С.Н. Глинка проявил себя довольно либеральным цензором во второй половине 1820-х гг., а в неопубликованных сочинениях, писавшихся на протяжении 1830-40-х гг. отрицал консервативно-националистические взгляды периода издания «Русского вестника», ратуя за введение в России конституции. Но этому способствовали и многие другие факторы: осознание утопичности своей общественно-политической концепции; разочарование в непоследовательном политическом курсе Александра I; так, особое негодование Глинки вызвал тот факт, что император не сдержал обещание даровать России конституцию. Последнее обстоятельство вполне могло предопределить оформление конституционных взглядов С.Н. Глинки, которые в дальнейшем могли быть укреплены кодификационной деятельностью николаевского правительства.

Все вышеозначенные особенности консервативных взглядов С.Н. Глинки не стоит преувеличивать, мы хотели подчеркнуть лишь степень их проявления на фоне воззрений других ранних консерваторов. Так или иначе, Глинка типологически близок и А.С. Шишкову, и Н.М. Карамзину, и Ф.В. Ростопчину, и наряду с ними обозначил тезис, согласно которому Россия является самобытным миром и должна развиваться по особому пути, независимому от Запада. Это положение впоследствии проявилось в различных направлениях русской общественной мысли. Оно ярко отразилось в официальной идеологии николаевского царствования, в концепциях славянофилов, во взглядах на государственное устройство К.П. Победоносцева[6].

Можно констатировать, что историческая концепция С.Н. Глинки стоит у истоков патриотической линии русской историографии. По его

мнению, изучение истории должно было вызывать чувство национальной гордости и воспитывать любовь к родине. В частности, прослеживается довольно отчетливое влияние исторических взглядов Глинки на выдающегося русского историка М.П. Погодина. Последний в письме к издателю «Русского вестника» сам признавался в большом влиянии, оказанном журналом Глинки на становление его мировоззрения. Известно также, что издание «Русского вестника» было первым полным собранием юного Погодина, на которое он потратил свои первые деньги[7]. Тема данной преемственности заслуживает дальнейшего, более пристального внимания.

Характер идеализации Глинкой русской старины и нравственного облика русских очень напоминает позднейшие взгляды славянофилов[8]. Утверждение Н. И. Цимбаева о том, что «называя достоинства старой Руси, которые следует воскресить, Хомяков не столько идеализировал прошлое, сколько перечислял преобразования, необходимые николаевской России»[9], вполне можно повторить в отношение публицистики С.Н. Глинки периода издания «Русского вестника» и восприятия им александровского царствования.

Таким образом, Сергей Николаевич Глинка явился одним из общественных деятелей, внесших значительный вклад в процесс становления консервативной мысли и начало формирования националистической традиции. Его публицистическая, литературная и общественная деятельность стали важным фактором пробуждения национального самосознания (преимущественно накануне Отечественной войны и в первые послевоенные годы). Некоторая противоречивость и эклектичность его взглядов во многом отражают сложный характер процесса становления раннего русского консерватизма и неоднозначность этого феномена, проявившего себя в различных направлениях, нередко противостоявших друг другу.

Несмотря на важность определения идеологической направленности взглядов и деятельности Сергея Николаевича Глинки, в завершении книги хотелось бы сосредоточиться не на этом и привести цитату из его воспоминаний: «Любовь моя к отечеству не мечтой витала в душе моей. Смотрю на небо, и небо не обличит меня во лжи»[10]. Думается, эта фраза лучше всего раскрывает характер деятельности С.Н. Глинки, который был, прежде всего, пламенным патриотом и все что делал – делал для блага Отечества так, как понимал это благо. Неслучайно, знавший и высоко ценивший Глинку Петр Андреевич Вяземский в одной из своих заметок назвал его «добродушным и добросовестным отечестволюбцем»[11], тем

самым метко определив и позицию Глинки в важнейших идейных спорах начала XIX в., и цель его главных проектов – «Русского вестника», «Русской истории», патриотической пропаганды в Москве в 1812 г.

---

1 Вяземский П. А. Глинка Сергей Николаевич // Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 435.

2 Аленов С. Г., Минаков А. Ю. Предисловие // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 6-7.

3 Минаков А. Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX в. в России // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 14.

4 См. подробнее : Минаков А. Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX в. в России. С. 12-17.

5 Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 23.

6 Минаков А. Ю. Глинка Сергей Николаевич // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : Энциклопедия. М., 2005. С. 109.

7 Можаева Г. В. Погодин М. П. // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 138.

8 См. подробнее : Цимбаев Н. И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986. 274 с.

9 Цимбаев Н. И. Либералы сороковых годов // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. Т. 4. Общественная мысль. С. 178.

10 Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 289.

11 Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813-1877. М., 2003. С. 357.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники:

Автобиографическая записка Глинки Сергея Николаевича. 18 сентября 1830 г. // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Е.х. 35. 5 л.

Глинка Василий Сергеевич. Очерк жизни Сергея Николаевича Глинки. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 675. 20 лл.

Глинка Сергей. Б.м. Б.г. письмо Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 859. К-34. №-39. Л. 115-116.

Глинка Сергей Николаевич. Взгляд на русскую народность в XVIII столетии. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 671. 24 л.

Глинка С. Н. Воспоминания о работе цензурного комитета. 1830 г. // РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Е.х. 300. 26 л.

Глинка Сергей Николаевич. Записки // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 655 – 658. 313 л.

Глинка Сергей Николаевич. Записки // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 668. 1 л.

Глинка Сергей Николаевич. Записки. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 661 – 662. 98 л.

Глинка Сергей Николаевич. Записки. Отрывки. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 664. 19 л.

Глинка Сергей Николаевич. Записки. 1795-1812. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 666. 139 л.

Глинка Сергей Николаевич. Записки его от 1776 до 1788. Часть первая. 1830 г. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 654. 44 л.

Глинка Сергей Николаевич. Записки его 1775-1800 гг. 1830 г. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 653. 73 л.

Глинка Сергей Николаевич. «Записки» книга I. С предисловием редакции журнала «Русская старина». Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 667. 260 л.

Глинка Сергей Николаевич. Записки (от 1818 до 1830). Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 659. 43 л.

[Глинка С. Н.] Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. 1 января 1844 г. // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 18. 212 л.

[Глинка С. Н.] История России. Отрывки: Глава 1. О быте русских крестьян до Петра I и ответы о полагаемом новом состоянии русских крестьян. Глава 2. Временное прекращение Юрьева дня и торжественное возобновление царем Борисом Юрьева дня и вольности перехода крестьян. 1844? // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 12. 32 л.

Глинка Сергей Николаевич. «Мое цензорство» (Записки). 30-е гг. XIX в. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 669. 16 л.

Глинка Сергей Николаевич. Мои Записки. От начала 1825 до половины июля 1830 года. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 660. 91 л.

Глинка Сергей Николаевич. Отрывок из Записок. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 665. 4 л.

Глинка Сергей Николаевич. 1. Записки его. Разрозненные листы. 2. Содержание второй части его Записок, от 1800 до 1812 года. Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Е.х. 663. 25 л.

Глинка Сергей Николаевич. Письма (3) к Старчевскому Адальберту Викентьевичу // РО ИРЛИ. Ф. 583. Е.х. 375. 5 л.

Глинка Сергей Николаевич. Письма его (3) Михайловскому-Данилевскому Александру Ивановичу // РО ИРЛИ. Ф. 527. Е.х. 127. Л. 10-11.

Глинка Сергей Николаевич. Письмо его к издателю «Современника» // РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Е.х. 159. 4 л.

[Евдокимов И. В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. 237 л.

[Евдокимов И. В.] Статьи-доклады «Сергей Николаевич Глинка», «Pro domo sua» по поводу доклада о С. Н. Глинке. Черновая запись доклада о С.Н. Глинке. 1913 // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 120. 26 л.

Максимович Михаил Александрович. Письмо к Виктору Павловичу Гаевскому. 1854 г. // ОР РНБ. Ф. 171. Е.х. 171. 3 л.

Мое цензорство. Из «Записок» С. Н. Глинки // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 10. 51 л.

Письма Глинки Сергея Николаевича к Глинке Ф.Н. с приписками Глинки М.В. 13 марта 1831 г. – 16 января 1846 г. // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Е.х. 220. 12 писем на 21 л.

Письма С. Н. Глинки к Д. П. Руничу // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Е.х. 121. Л. 160-167.

Хвостов Дмитрий Иванович. Письмо издателю «Русского вестника» // ОР РНБ. Ф. 191. Оп. 1512. Е.х. 28. 2 л.

Опубликованные сочинения С. Н. Глинки:

Драматические произведения:

Антонио Гамбо, сопутник Суворова на горах Альпийских : героическая драма в одном действии, с хорами и балетами, почерпнутая из подлинного анекдота Сергеем Глинкою. – М. : Тип. С. Селивановского, 1817. – 27 с.

Боян, русской песнопевец древних времен : пролог с хорами и балетами на случай открытия нового императорского театра в Москве 1808 года апреля 13, сочиненный Сергеем Глинкою. Музыка господина Кашина. – М. : Вольная тип. Федора Любия, 1808. – 15 с.

Минин : отечественная драма в трех действиях, в стихах. – М. : Тип. Платона Бекетова, 1809. – 48 с.

Михаил, князь Черниговский : трагедия в пяти действиях. – М. : Тип. Платона Бекетова, 1808. – 107 с.

Наталья, боярская дочь : героическая драма, в четырех действиях с хорами. – М. : Тип. Платона Бекетова, 1806. – 69 с.

Одне сутки царствования Нурмаголы, или Торжество любви и добродетели, истинное происшествие, почерпнутое из Тавернierова путешествия в Персию и Индию : героическая опера в двух действиях. – М.: Тип. С. Селивановского, 1817. – 54 с.

Ольга прекрасная : героическая опера в двух действиях, во времена язычества. – М.: Тип. Платона Бекетова, 1808. – 64 с.

Осада города Полтавы, или Клятва полтавских жителей: героическая драма в одном действии. – М. : Тип. Платона Бекетова, 1810. – 32 с.

Сумбека, или Падение Казанского Царства: трагедия в пяти действиях. – М.: Тип. С. Селивановского, 1817. – 75 с.

Сумбека, или Падение Казанского Царства. – М.: Тип. Платона Бекетова, 1806. – 79 с.

Сочинения С. Н. Глинки различных жанров:

Биография вице-адмирала, сенатора и кавалера Николая Ивановича Шешукова. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1831. – 26 с.

Благодарная песнь богу любви и милосердия, написанная по прочтении высочайшего манифеста, воспоследовавшего 6 октября 1831 г. – М., 1831. – 8 с.

Были и небылицы и гражданское начальное учение И. Екатерины II. – М., 1832.

Вера, верность и слава донцов. Из Русского вестника прошедших и сего 1813 года. – М.: Тип. С. Селивановского, 1813. – 52 с.

Военные подвиги полковника Леонтия Яковлевича Неклюдова, некоторые подробности о частной его жизни и о происшествиях от 1799 до 1808 г. – М. : Унив. тип., 1825. – 60 с.

Воспоминания о императрице Елисавете Алексеевне с кратким начертанием ее жизни. – М. : Тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1827. – 42 с.

Все из любви к царю. Исторический рассказ… за Байкалом. – СПб., 1841.

Голос души и сердца благодарного отца семейства. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1832. – 14 с.

Два послания. Первое к Петру Тимофеевичу Баснину, русскому гражданину и сибирскому уроженцу, второе: Орфей-самоучка и Красный плащ – к Николаю Алексеевичу Полевому. – М. : Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1832. – 22 с.

Два хора на всерадостнейшее венчание на царство государя императора Николая Первого и государыни императрицы Александры Феодоровны 1826 года августа 22 дня. – М., 1826. – 6 с.

Две повести в стихах [Репринт. воспроизведение изд. 1831 г.] -Ереван : Гркери ашхар, 1990. – 41 с.

Две повести в стихах, почерпнутые из древних армянских летописей. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1831. – 41 с.

Добродетели женщин. – М., 1824. – 102 с.

Его превосходительству Николаю Андреевичу Небольсину, благодетелю слепца Алексея Фролова, в день его ангела. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1833. – 2 с.

Ее превосходительству Елисавете Михайловне Кологривой, второй матери моего семейства. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1833. – 2 с.

Экспромты, высказанные С.Н. Глинкою. – Казань : Унив. тип., 1833. – 7 с.

Есть лучший мир. В воспоминание июля 29 дня 1844 года, по случаю горестного события, посетившего царский дом и Россию. – СПб., 1844. – 7 с.

Жертва памяти Илье Алексеевичу Холодилову, [одному из ревностнейших членов существующего при Академии Общества любителей коммерческих знаний]. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост.яз., 1831. – 4 с.

Жизнь Суворова, им самим описанная, или собрание писем и сочинений его, изданных с примечаниями Сергеем Глинкою. Ч. 1-2. – М. : Тип. С. Селивановского, 1819. – Ч. 1. – 146 с. ; Ч. 2. – 314 с.

Записки // Русский вестник. – 1841. – Т. 3. – №№ 8-9 ; 1842. – Т.7. – №№ 7-8 ; 1863. – Т. 44. – № 4 ; 1865. – Т. 58. – № 7 ; 1866. – Т. 61. – №№ 1-2 ; Т. 62. – № 3 ; Т. 63. – № 5 ; Т. 64. – № 7 ; 1867. – Т. 72. – № 12.

Записки Сергея Николаевича Глинки. – СПб. : журнал «Русская старина», 1895. – 380 с.

Записки // Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания. – М., 1996. – С. 19-165.

Записки. – М. : Захаров, 2004. – 464 с.

Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года. С присовокуплением статей: 1) Александр I и Наполеон; 2) Наполеон и Москва. – СПб. : Тип. Рос. акад., 1837. – 370 с.

Записки о 1812 годе. Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. – СПб. : Тип. Рос. акад., 1836. – 401 с.

Записки о 1812 годе. Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения // Мы были дети 1812 года. Записки, страницы воспоминаний. – Воронеж, 1989. – С. 131-190.

Зеркало нового Парижа от 1789 до 1809 года; изданное Сергеем Глинкою. Ч. 1-2. – М. : Унив. тип., 1809. – Ч. 1. – 147 с. ; Ч. 2. – 173 с.

Историческая панорама вселенной, или обозрение важнейших стран земных, достопамятнейших событий и деяний великих мужей. Ч. 1- М. : Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1829. – Ч. 1. – 169 с.

Историческая панорама древнего и нового мира, с прибавлением обозрения духа событий древней Руси и новой России. Ч. 1-2. – М. : Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1832. – Ч. 1. – 177 с. ; Ч. 2. – 213 с.

История жизни и царствования Александра Первого. Ч. 1 – М. : Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1828. – Ч. 1. – 180 с.

К портрету князя Александра Николаевича Голицына, при переходе моем на новоселье. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1832. – 4 с.

Картина историческая и политическая новой Греции. – М. : Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1829. – 127 с.

Картина историческая и политическая Порты Оттоманской, от начала существования поколения турецкого до взятия Константинополя и до падения греческой державы, с присовокуплением о войнах турков со времени вторжения их в Европу до 1830 года. – М. : Тип. Н. Степанова, при Имп. театре, 1830. – 308 с.

Корпусные воспоминания. (Из записок С.Н. Глинки). – СПб., 1845. – 26 с.

Московский альманах на 1828 год истории, словесности и нравственности, изданный Сергеем Глинкою. – М. : Тип. Семена, 1828. – 239 с.

Московский альманах для прекрасного пола, изданный на 1826-й год Сергеем Глинкою. – М. : Ширяев и Смирдин, 1825. – 295 с.

Московский альманах для юных русских граждан, или Новая ручная энциклопедия с картинками. – М. : Унив. тип., 1830. – 186 с.

Московский альманах на 1829 год, издаваемый Сергеем Глинкою. – М. : Тип. Семена, 1829. – 156 с.

Мысли королевы Христины о турках; воззвание к Государям Христианским, по случаю вооружения Турок против Венеции и стихи Волтера на войну Россиян с Турками, и ода его на войну в Греции. – М., 1828.

Мысли по случаю выставки в Москве изделий русской отечественной промышленности. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1831. – 21 с.

На акт в Московской практической академии, происходивший июля 11, 1832 года. – М. : Тип. Августа Семена, 1832. – 3 с.

На кончину Николая Александровича Головина. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1831. – 3 с.

На кончину Екатерины Михайловны, супруги Его превосходительства Павла Ивановича Арсеньева. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1832. – 4 с.

Надпись к портрету генерал-адъютанта Николая Мартияновича Сипягина. – М. : Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1828. – 3 с.

«Незабудочка». Московский альманах на 1827-й год, изд. Сергеем Глинкою. – М. : Унив. тип., 1826. – 195 с.

Нечто об умственном образовании Суворова и описание его им самим. – [Б.м. : Б.и., б.г.] – 20 с.

Новая игра для детей и картины природы и искусств с присовокуплением нравственных стихотворений. – М. : Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1826. – 58 с.

Новое собрание русских анекдотов, или Прибавление к пяти частям русских анекдотов, изданных Сергеем Глинкою. – М. : Тип. С. Селивановского, 1829. – 243 с.

О библейском и духовном красноречии по отношению к общей нравственности и словесности. Ч. 1-2. – М. : Унив. тип., 1829. – Ч. 1. – 147 с. ; Ч. 2. – 180 с.

О собрании произведений отечественной кисти и о самобытной жизни в живописи. – СПб. : Тип. Штаба Отд. корпуса вн. стражи, 1845. – 20 с.

Обед, данный в купеческом собрании его превосходительству Ивану Петровичу Мятлеву, 7 декабря 1832 г. – Русскому купечеству на новый 1833 г. – М. : Унив. тип., 1832. – 4 с.

Обозрение внутренности Турции Европейской, почерпнутое из древних и новых писателей. С присовокуплением 12-ти картинок, изображающих окрестности Константинополя, древние и новые памятники зодчества, находящихся в стенах его. – М. : Тип. Решетникова, 1829. – 94 с.

Обозрение истории армянского народа / [Арменовед. благотворит. о-во]. – [Репринт. воспроизведение изд. 1832 г.] – Ереван : Гркери ашхар, [1991?]. – 294 с.

Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи. Ч. 1-2. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1832-1833. – Ч. 1. – 1832. – 273 с. ; Ч. 2. – 1833. – 294 с.

Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении, почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1831. – 142 с.

Описание переселения армян азербайджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. Почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою. – Баку : Элм, 1990. – 142 с.

Описание столичного города Санкт-Петербурга : в 3 ч. – СПб., 1794.

Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою. Ч. 1-3. – СПб. : Тип. С. С. Глинки и К°, 1841. – Ч. 1. – 197 с. ; Ч. 2. – 253 с. ; Ч. 3. – 278 с.

Памяти князя А.Н. Голицына. – Спб., 1844. – 7 с.

Первый и последний ответ сочинителя Русской истории г. издателю Славянина. – М. : Тип. С. Селивановского, 1828. – 16 с.

Песнь Великой Екатерине. – СПб. : при Имп. Шляхетном сухопутном кадетском корпусе, 1796. – 8 с.

Письмо в Македонию, к митрополиту города Кастории от московского обывателя грека Николая Ивановича Стереупола, сочиненное майором и кавалером Сергеем Николаевичем Глинкою. – М. : Унив. тип., 1833. – 6 с.

Повествование и рассказы из русской истории для детей. – СПб. : Тип. С. С. Глинки и К°, 1841. – 54 с.

Подарок русскому солдату. – СПб., 1818.

Подвиги добродетели и славы русских в Отечественную и заграничную войну, почерпнутые из Русского вестника, и изданные Сергеем Глинкою. – М. : Тип. С. Селивановского, 1816. – 133 с.

Пожарский и Минин, или пожертвования россиян. – М. : Тип. Платона Бекетова, 1807. – 11 с.

Пожарский и Минин, или пожертвования россиян. – Смоленск : Печатано при Губернском правлении, 1807. – 8 с.

Послание к Д. И. Л. Стихи // Сев. вестн. – 1805. – Ч. IV (май). – С. 161.

Послание к воинам Тихого Дона, по случаю пожалования им ныне царствующим государем императором сабли покойного государя императора Александра Первого. – М. : Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1826. – 8 с.

Послание к воспитанникам Коммерческой практической академии о достоинстве гражданина. – М. : Тип. С. Селивановского, 1829. – 7 с.

Прибавление к Русской истории Сергея Глинки, или Записки и замечания о происшествиях 1812, 13, 14 и 15 годов, им самим изданные… [В 2х ч.]. – М. : Унив. тип., 1818-1819. – Ч. 1. – 1818. – 135 с. ; Ч. 2. – 1819. – 20 с.

Призыв души к любви небесной. По случаю кончины вел. кн. Елисаветы Михайловны, супруги владетельного герцога Адольфа Нассауского 1845 янв. 16. – СПб. : Тип. Штаба Отд. корпуса вн. стражи, [1845]. – 27 с.

Просьба С. Н. Глинки о выдаче ему пособия на издание его сочинений // Рус. старина. – 1901. – № 9. – С. 480.

Речь о нравственном основании купеческого сословия, силе внутренней промышленности и наследственных добродетелях российского купечества, читанная на торжественном акте после открытых испытаний в Московской практической коммерческой академии, июля 11 дня 1827 года, почетным членом состоящего при оной Академии Общества любителей коммерческих знаний С. Глинкою. – М. : Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1827. – 20 с.

Речь Приама к Ахиллесу // Сев. вестн. – 1805. – Ч. IV (май). – С. 191-193.

Рукописи С. Н. Глинки. Каталог. – Л., 1963. – 23 л.

Русская история в пользу воспитания, сочиненная Сергеем Глинкою. – 1-е изд. – Ч. 1-8. – М.: Унив. тип., 1817-1818. – Ч. 1. – 1817. – 161 с.; Ч. 2. – 1817. – 186 с.; Ч. 3. – 1817. – 166 с.; Ч. 4. – 1817. – 160 с. ; Ч. 5. – 1817. – 186 с.; Ч. 6. – 1818. – 167 с.; Ч. 7. – 1818. – 296 с.; Ч. 8. – 1818. – 351 с.

Русская история в пользу воспитания, сочиненная Сергеем Глинкою. 2-е изд. Ч. 1-8. – М.: Унив. тип., 1818-1819. – Ч. 1-2. – 1818. – 404 с.; Ч. 3-4. – 1818. – 331 с.; Ч. 5. – 1818. – 186 с.; Ч. 6. – 1818. – 166 с.; Ч. 7. – 1819. – 324 с.; Ч. 8. – 1819. – 352 с.

Русская история, сочиненная Сергеем Глинкою. 3-е изд., доп. Ч. 1-14. – М.: Унив. тип., 1823-1825. – Ч. 1. – 1823. – 228 с.; Ч. 2. – 1823. – 228 с.; Ч.

3. – 1823. – 185 с.; Ч. 4. – 1823. – 173 с.; Ч. 5. – 1823. – 215 с.; Ч. 6. – 1823. – 203 с.; Ч. 7. – 1823. – 231 с. ; Ч. 8. – 1823. – 208 с. ; Ч. 9. – 1823. – 263 с.; Ч. 10. – 1823. – 194 с.; Ч. 11. – 1824. – 258 с.; Ч. 12. – 1824. – 221 с.; Ч. 13. – 1824. – 225 с.; Ч. 14. – 1825. – 103 с.

Русская песня графу Матвею Ивановичу Платову на подвиг знаменитого Донского войска по занятии Москвы врагами и по изгнании из отечества. – М.: Тип. С. Селивановского, 1814. – 8 с.

Русские анекдоты военные, гражданские и исторические, изданные Сергеем Глинкою. Ч. 1-3. – М.: Унив. тип., 1820. – Ч. 1. – 215 с.; Ч. 2. – 134 с. ; Ч. 3. – 183 с.

Русские анекдоты военные, гражданские и исторические, изображающие свойства и знаменитые деяния русских в различных состояниях, с присовокуплением некоторых стихотворений, изданные Сергеем Глинкою. Ч. 1-2. – М.: Унив. тип., 1811. – Ч. 1. – 172 с.; Ч. 2. – 189 с.

Русские анекдоты военные и гражданские, или Повествование о народных добродетелях россиян древних и новых времен, изданные Сергеем Глинкою. Ч. 1-5. – М.: Тип. С. Селивановского, 1822. – Ч. 1. – 236 с.; Ч. 2. – 135 с.; Ч. 3. – 260 с.; Ч. 4. – 169 с.; Ч. 5. – 312 с.

Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и отечеству. Кн. 1-2. – СПб.: Тип. А. Сычева, 1842. – Кн. 1. – 56 с.; Кн. 2. – 63 с.

Русские исторические и нравоучительные повести; сочинение Сергея Глинки. – М.: Унив. тип., 1810. – 330 с.

Русские исторические и нравоучительные повести. Ч. 1-3. – М.: Унив. тип., 1819-1820. – Ч. 1. – 1819. – 213 с.; Ч. 2. – 1820. – 138 с.; Ч. 3. – 1820. – 208 с.

Русские песни и романсы. – М. : Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1832. – 119 с.

Русское Чтение. Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия, изд. Сергеем Глинкою. Ч. 1-2. – СПб. : Тип. Штаба Отд. корпуса вн. стражи, 1845. – Ч.1. – 314 с. ; Ч. 2. Дух века Екатерины Второй. – 330 с.

Русское Чтение, издаваемое Сергеем Глинкою. Вып. 1-4. – СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса вн. стражи, 1845. – Вып. 1. Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия. – 1845. – 74 с.; Вып. 2. То же. – 1845. – 75-143с.; Вып. 3. То же. – 1845. – 144-256 с. ; Вып. 4. То же. 1845. – 257-312 с.

Селим и Роксана, или Превратность жизни человеческой. Восточная повесть. – М.: При Губернской тип. у А. Решетникова, 1798. – 96 с.

Сельский день или полезное препровождение времени. – М., 1821. – 98 с.

Сердечное желание его императорскому высочеству великому князю Александру Александровичу в 17 день марта 1845 года и навсегда. – СПб., 1845. – 7 с.

Сила ласки. И. М. Снегиреву, издателю русских пословиц. Мая 8-го 1835. – М.: Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1835. – 4 с.

Собрание новых романсов и песен, с прибавлением некоторых мелких стихотворений, изданное Сергеем Глинкою. – М.: Унив. тип., Ридигир и Клаудий, 1798. – 100 с.

Сорок басен для детей из лучших древних писателей выбранные Сергеем Глинкой. – М., 1828.

Соч. Сергея Глинки. Ч. 1-4. – М.: Тип. С. Селивановского, 1817.

Стихи Государыне императрице Александре Феодоровне по случаю благосклонного ее внимания к трудам моим. – М.: Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1826. – 6 с.

Стихи на окончание испытания в предметах учения воспитанников Московской практической коммерческой академии. – М. : Тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1831. – 4 с.

Стихи на освобождение из темниц его императорским величеством Александром Первым. – М.: При Губернской тип. у А. Решетникова, 1801. – 7 с.

Стихи на прибытие государя императора в Москву 29 сентября сего 1830 года. – М., 1830. – 8 с.

Стихи на торжественный въезд государя императора Николая Первого, в престольный град Москву, 25 июля 1826 года. – М., 1826. – 6 с.

Стихи по случаю восприятия от купели… великой княжны Елисаветы Михайловны. – М.: Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1826. – 7 с.

Стихи славному Хандошкину, или торжество дарований и чувства. – М., 1803.

Страшный суд: духовная песнь, на две половины разделенная. – М.: При Губернской тип. у А. Решетникова, 1799. – 8 с.

Тайные злодеяния и явные лжи и обманы Наполеона Бонапарта, выбранные из разных французских книг, вновь вышедших, и изданные Сергеем Глинкою. – М.: Тип. С. Селивановского, 1816. – 94 с.

Театр света, или Изображение достопамятнейших происшествий древних и новых времен, нравов и словесности. Ч. 1-8. – М. : Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1823-1824. – Ч. 1. – 1823. – 183 с.; Ч. 2.

– 1823. – 158 с.; Ч. 3. – 1823. – 175 с.; Ч. 4. – 1823. – 208 с.; Ч. 5. – 1823. – 142 с.; Ч. 6. – 1823. – 186 с.; Ч. 7. – 1824. – 132 с.; Ч. 8. – 1824. – 131 с.

Торжественная песнь по случаю благодарственного молебствия, происходившего в Москве, в присутствии государя императора Николая Первого и августейшего его дома, о победе, одержанной российскими войсками над персиянами. Соч. Сергея Глинки. – М.: Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1826. – 11 с.

Царица Наталия Кирилловна: русская повесть, в десяти песнях. – М.: Тип. Платона Бекетова, 1809. – 139 с.

Чувствования московского жителя во всерадостнейший день тезоименитства государя императора Николая Первого. – М., 1826. – 8 с.

Чувствования московского жителя по случаю горестного известия о кончине государыни императрицы Елисаветы Алексеевны. – М., 1826. – 12с.

Чувствования московского жителя при ввезении в древнюю русскую столицу тела покойного государя императора Александра Первого. С портретом Александра Благословенного… – М., 1826. – 20 с.

Lettre de l'editeur du Journal Russe au redacteur d'un journal etranger. – М., 1821.

Сочинения, переведенные С. Н. Глинкой:

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 г., сочиненные Федором Глинкою, а на французский язык переведенные Сергеем Глинкою. – М. : Тип. Августа Семена, 1821. – 225 с.

Искусство учиться прогуливаясь, или ручная Энциклопедия для воспитания; сост. графом Ангальтом. – М.: Унив. тип., 1829. – 189 с.

История ума человеческого от первых успехов просвещения до Эпикура, изданная Сергеем Глинкою. – М.: Тип. Платона Бекетова, 1804. – 229 с.

Новый Езоп для детей или Нравоучительный цветник с раскрашенными и вырезанными картинами для составления из них игры, относящейся к басням, переведенный Сергеем Глинкою. – М., 1829.

Поэма о нынешних происшествиях или воззвание к народам о единодушном восстании против турок. Сочинение Вольтера. Подражание Сергея Глинки. С историческими примечаниями сочинителя и подражателя. – М.: Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1828. – 30 отд. л.

Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою сообразно французскому подлиннику Г. Лекоента де Лаво с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями. – М.: Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1824. – 402 с.

[Гофман Франсуа Бенуа]. Странная предприимчивость или Притворной жокей: опера в одном действии. – М.: При Губернской тип. у А. Решетникова, 1800. – 71 с.

[Гофман Франсуа Бенуа]. Тайна : опера в одном действии, подведенная под музыку г. Солье. – М.: При Губернской тип. у А. Решетникова, 1800. – 71 с.

Эрмитажная галерея, гравированная штрихами с лучших картин, оную составляющих и сопровождаемая историческим описанием, сочиненным Камилем, уроженцем женевским. Т. 1. – СПб., 1805.

Юнговы ночи. – М., 1803. – 62 с.

Периодические издания, возглавлявшиеся С.Н. Глинкой:

Новое дет. чтение. – М., 1821-1823.

Плутарх в пользу воспитания. Ч. 1-6. – М., 1821-1823.

Рус. вестн. – М., 1808-1824.

Переписка С. Н. Глинки:

Письма С. Н. Глинки:

Аракчееву А.А. (2). 1808 // Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I / Н. Дубровин. – СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1883. – С. 6-8.

Аракчееву А. А. 8 февр. 1817 // Рус. старина. – 1901. – № 9. – С. 480.

Бартеневу Ю. Н. 7 марта 1840 // Рус. старина. – 1898. – № 1. – С. 102.

Гречу А. Н. 13 окт. 1842 // Вестн. всемир. истории. – 1900. – № 6. – С. 86.

Гречу Н. И. (4). 1827-1841 // Рус. арх. – 1869. – С. 603-606.

Державину Г. Р. 21 марта 1807 г. // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота / Г. Р. Державин. – СПб., 1876. – Т. 6. – С. 201-203.

Державину Г.Р. 8 мая 1807 г. // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота / Г. Р. Державин. – СПб., 1876. – Т. 6. – С. 203-204.

Жуковскому В. А. 15 сент. 1844 // Рус. арх. – 1899. – № 5. – С. 90-91.

Из бумаг Н. И. Греча. Письма А. С. Стурдзы, А. С. Пушкина, Н.И. Греча, С. Н. Глинки, Бестужева. – М., 1870. – С. 600-608.

Михайловскому-Данилевскому А. И. (8). 1823-1825 // Ист. вестн. – 1892. – № 8. – С. 295-300.

Московскому цензурному комитету (2). 1823 // Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – СПб., 1889. – Кн. 2. – С. 267-272.

Никитенко А.В. (6). 1842-1847 // Рус. старина. – 1898. – № 5. – С. 341-343.

Писареву А.А. 1828 // Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – СПб., 1889. – Кн. 2. – С. 274-275.

Плетневу П.А. (6). 1844-1845 // Рус. арх. – 1905. – № 1. – С. 535-536.

Плетневу П.А. // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. – 1903. – № 2. – С. 101-102.

Погодину М.П. (4). 1827-1845 // Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1-22 / Н. Барсуков. – СПб., 1888-1910. – Кн. 2. – 1889. – С. 114-115 ; Кн. 3. – 1890. – С. 3-4 ; Кн. 8. – 1894. – С. 33-34.

Полевому К.А. 19 янв. 1835 // Записки / К.А. Полевой. – СПб., 1888. – С. 352-353.

Пушкину А.С. 26 марта 1836 // Полн. собр. соч. : в 17 т. / А.С. Пушкин. – М., 1997. – Т. 16. – С. 98.

Сербиновичу К. С. 18 февр. 1840 // Рус. старина. – 1895. – № 2. – С. 222.

Хвостову Д. И. 1831 // Рус. старина. – 1892. – № 8. – С. 421.

Письма к С. Н. Глинке:

Письмо Калайдовича К. Ф. к Глинке С. Н. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. – СПб., 1866. – С. 0177 примечаний.

Письмо Карамзина Н. М. к Глинке С. Н. // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. – М., 1866. – Ч. 2. – С. 400.

Письмо Карамзина Н. М. к Глинке С. Н. 8 марта 1825 г. // Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. – СПб., 1866. – С. 441.

Письмо Погодина М. П. к Глинке С. Н. // Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – СПб., 1894. – Кн. 8. – С. 34.

Письмо Пушкина А. С. к Глинке С. Н. Около (не позднее) 26 марта 1836 // Полн. собр. соч. : в 17 т. / А. С. Пушкин. – М., 1997. – Т. 16. – С. 98.

Письмо графа Ростопчина Ф. В. к издателю Русского Вестника Глинке С.Н. 29 марта 1813 // Рус. арх. – 1876. – № 12. – С. 432.

Письма современников С. Н. Глинки, в которых он упоминается:

Письмо Венелина Погодину // Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – СПб., 1890. – Кн. 3. – С. 84.

Письмо Вяземского П.А. к Бибикову Д. Г. 2 сент. 1830 // Старая записная книжка. 1813-1877 / П.А. Вяземский. – М., 2003. – С. 593-594.

Письмо Вяземского П.А. к Бибикову Д. Г. // Рус. арх. – 1899. – № 5. – С. 87-88.

Письмо Вяземского П.А. Пушкину А.С. 18 и 25 сент. 1828 // Полн. собр. соч. : в 17 т. / А.С. Пушкин. – М., 1996. – Т. 14. – С. 27-29.

Письмо Вяземского П.А. к Хитровой Е.М. // Рус. арх. – 1899. – № 5. – С. 83-87.

Письмо кн. Голицына С.М. к кн. Ливену // Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – СПб., 1890. – Кн. 3. – С. 22.

Письмо Давыдова Д. В. Пушкину А. С. 23 нояб. 1836 // Полн. собр. соч.: в 17 т. / А. С. Пушкин. – М., 1997. – Т. 16. – С. 194.

Письмо Карамзина Н.М. к Дмитриеву И.И. 10 февр. 1825 г. // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. – М., 1866. – Ч. 1. – С. 400.

Письмо Карамзина Н.М. к Шишкову А.С. // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. – М., 1866. – Ч. 1. – С. 399-400.

Письмо Каченовского М.Т. в Московский цензурный комитет. 1828 г. (2) // Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – СПб., 1889. – Кн. 2. – С. 265-266, 268-269.

Письмо Писарева А.А. к князю Ливену. 2 апр. 1829 г. // Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – СПб., 1889. – Кн. 2. – С. 275.

Письмо Плетнева П.А. Пушкину А.С. 29 марта 1829 // Полн. собр. соч.: в 17 т. / А.С. Пушкин. – М., 1996. – Т. 14. – С. 41.

Письмо Погодина М.П. к Шевыреву // Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – СПб., 1890. – Кн. 3. – С. 3.

Письмо Полевого Н.А. к Полевому К.А. 12/20 ноября 1841 г. // Записки / К.А. Полевой. – СПб., 1888. – С. 540.

Письмо Пушкина А.С. Вяземскому П.А. 14 и 15 авг. 1825 // Полн. собр. соч.: в 17 т. / А.С. Пушкин. – М., 1996. – Т. 13. – С. 209-210.

Письмо Пушкина А.С. Вяземскому П.А. 14 марта 1830 // Полн. собр. соч.: в 17 т. / А.С. Пушкин. – М., 1996. – Т. 14. – С. 68-69.

Письмо Снегирева Анастасевичу // Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – СПб., 1890. – Кн. 3. – С. 5.

Письмо Сомова О.М. Пушкину А.С. 20 нояб. 1829 // Полн. собр. соч.: в 17 т. / А.С. Пушкин. – М., 1996. – Т. 14. – С. 52.

Письмо Трощинского Д.П. к Каразину В.Н. от 25 янв. 1808 г. // Русская жизнь в начале XIX в. / Н.Ф. Дубровин // Рус. старина. – 1900. – № 10. – С. 57.

Письмо Шишкова А.С. к Бардовскому Я. И. от 19 июля 1811 г. // Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. В 2 т. – Берлин, 1870. – Т. 1. – С. 318-321.

Мемуары современников С.Н. Глинки:

Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания (1812-1826) / С.Т. Аксаков // Собр. соч.: в 5 т. / С.Т. Аксаков. – М., 1966. – Т. 3. – С. 5-142.

Батюшков К. Н. Видение на брегах Леты / К.Н. Батюшков // Полное собрание стихотворений / К.Н. Батюшков. – М.-Л., 1964. – 354 с.

Белинский В.Г. [Рецензия] / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. / В.Г. Белинский. – М., 1955. – Т. 6. – С. 341. – Рец. на кн. : Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и отечеству: в 2 кн. / С. Н. Глинка. – СПб.: В тип. А. Сычева, 1842. – Кн. 1. – 55 с.; Кн. 2. – 62 с.

Белинский В.Г. [Рецензия] / В. Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. / В. Г. Белинский. – М., 1955. – Т. 9. – С. 238-239. – Рец. на кн. : Русское чтение. Отечественные и исторические памятники XVIII и XIX столетия : в 4 вып. / С. Н. Глинка. – СПб. : Тип. Штаба Отд. корпуса вн. стражи, 1845. – Вып. I. – 74 с.

Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. / Ф.Ф. Вигель. – М.: Захаров, 2003. – Кн. 1. – 608 с.; Кн. 2. – 752 с.

Воейков А.Ф. Дом сумасшедших / А.Ф. Воейков // Поэты 1790-1810-х годов / сост. М.Г. Альтшуллер, Ю.М Лотман. – Л., 1971. – С. 297.

Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка / П.А. Вяземский // Записки / С.Н. Глинка. – М., 2004. – С. 435-446.

Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813-1877 / П.А. Вяземский. – М. : Захаров, 2003. – 960 с.

Глинка Ф.Н. Взгляд на прошедшее / Ф.Н. Глинка // Москвитянин. – 1846. – № 2. – С. 37-38.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера / Ф.Н. Глинка. – М.: Воениздат, 1987. – 383 с.

Греч Н.И. Записки о моей жизни / Н.И. Греч. – М.: Книга, 1990. – 392 с.

Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти / М.А. Дмитриев. – М.: Тип. Грачева и комп., 1869. – 297 с.

Кононов А.А. Из записок (Посвящается П.В. Анненкову) / А.А. Кононов // Библиогр. зап. – 1859. – Т.2. – № 10. – С. 305-312.

Корсаков А. Н. Воспоминания московского кадета / А. Н. Корсаков // Рус. арх. – 1879. – Кн. 2. – № 7. – С. 304-326.

Лажечников И. И. Новобранец 1812 года (Из моих памятных записок) / И. И. Лажечников // Собр. соч. И. И. Лажечникова : в 8 т. / И. И. Лажечников. – СПб., 1858. – Т. 7. – С. 270-272.

Михайловский-Данилевский А. И. Записки / А. И. Михайловский-Данилевский // Ист. вестн. – 1892. – № 8. – С. 295-300.

Моск. телеграф. – 1825. – № 10. – С. 79.

Панаев И. И. Литературные воспоминания / И. И. Панаев. – М. : Правда, 1988. – 448 с.

Полевой К. А. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого / К. А. Полевой // Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. / Н. А. Полевой. – Л., 1934. – С. 250-258.

Славянин. – 1828. – № 30. – С. 150.

Шаликов П. И. О Русском вестнике / П. И. Шаликов // Аглая, издаваемая П. И. Шаликовым. – 1808. – Ч. 2. – Кн. 1. Апрель. – С. 56-60.

Шаликов П. И. К издателю Русского вестника / П. И. Шаликов // Аглая, издаваемая П. И. Шаликовым. – 1808. – Ч. 3. – Кн. 2. Август. – С. 45-60.

Шаликов П. И. Скромное благодеяние / П. И. Шаликов // Аглая, издаваемая П. И. Шаликовым. – 1809. – Ч. 3. – Кн. 2. Ноябрь. – С. 38-41.

Ярославский В. И. Записки / В. И. Ярославский // Киев. старина. -1887 (Сент.) – Т. 19. – С. 109-152.

Исследовательская литература:

Акопян Э. А. Арменоведческие взгляды А. Н. Радищева и С. Н. Глинки (К изучению русско-армянских литературных и научных связей XVIII – нач. XIX в.) / Э. А. Акопян // Литературные связи : исследования и материалы. – Ереван, 1981. – Т. 3 – С. 93-125.

Аленов С. Г. Предисловие / С. Г. Аленов, А. Ю. Минаков // Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. – Воронеж, 2001. – Вып. 1. – С. 3-8.

Альтшуллер М. Г. Александр Семенович Шишков / М. Г. Альтшуллер // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 19-92.

Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : У истоков русского славянофильства / М. Г. Альтшуллер. – М. : Новое лит. обозрение, 2007. – 448 с.

Альтшуллер М. Г. Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX в. : Друг Просвещения и Московский Зритель / М. Г. Альтшуллер // XVIII век. – Л., 1975. – Сб. 10. – С. 105.

Арапов П. Летопись русского театра / П. Арапов. – СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1861. – 386 с.

Аурова Н. Н. Идеи просвещения в первом кадетском корпусе (конец XVIII – первая четверть XIX в.) / Н. Н. Аурова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1996. – № 1. – С. 34-42.

Багдасарян В. Э. Бецкой И.И. / В. Э. Багдасарян // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : Энциклопедия. – М., 2005. – С. 48-50.

Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1-22 / Н. Барсуков. – СПб. : Изд. А. Д. и П. Д. Погодиных, 1888-1910. – Кн. 2. – 1889. – С. 265-275 ; Кн. 3. – 1890. – С. 3-85 ; Кн. 8. – 1894. – С. 33-34.

Богданович М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время / М. И. Богданович. – СПб. : Тип. Ф. Сущинского, 1870. – Т. 3. – С. 75.

Божерянов И. Н. Сергей Николаевич Глинка / И. Н. Божерянов // Рус. вестн. – 1895. – № 3. – С. 155-174.

Бокова В. М. Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. / В. М. Бокова // Очерки русской культуры XIX в. – М., 2003. – Т. 4. Общественная мысль. – С. 17-152.

Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия начала XIX века (1800-1815) / В. А. Бочкарев // Учен. зап. // Куйбышев. пед. ин-т. -1959. – Вып. 25. – С. 404-448.

Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. / В. Н. Бочкарев // Отечественная война и русское общество. 1812-1912. – М., 1911. – Т. 2. – С. 194-220.

Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. / Н. Н. Булич. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. – Т. 1. – 381 с.

Вацуро В. Э. Сквозь «умственные плотины» / В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. – М. : Книга, 1986. – 382 с.

Велижев М. Об источниках «петровской» концепции С.Н. Глинки / М. Велижев // Петр Великий. – М., 2007. – С. 34-67.

Велижев М. «Сусанинский миф» : становление канона / М. Велижев, М. Лавринович // Новое лит. обозрение. – 2003. – № 63. – С. 186-204.

Володина Т. А. Русская история С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. / Т. А. Володина // Вопр. истории. -2002. – № 4. – С. 147-161.

Володина Т. А. Сергей Николаевич Глинка / Т. А. Володина // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 142-170.

Галахов А. Д. Историческая хрестоматия нового периода русской словесности / А. Д. Галахов. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1864. – Т. 2. – С. 215-225.

Галахов А. Д. Русская патриотическая литература. 1805-1812 / А. Д. Галахов // Филол. зап. – 1867. – Вып. 1. – С. 1-32.

Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г. / Г. Н. Геннадии. – Берлин : Тип. Розенталя и Комп., 1876. – Т. 1 А – Е. – С. 220-223.

Горностаев М. В. Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин: страницы истории 1812 г. / М. В. Горностаев. – М. : ИКФ «Каталог», 2003. – 60 с.

Горностаев М. В. Федор Васильевич Ростопчин / М. В. Горностаев // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж, 2005. – С. 113-141.

Греков В. Н. Глинка С. Н. / В. Н. Греков // Русские писатели. XIX век. Библиогр. слов. / под. ред. П. А. Николаева. – М., 1996. – Ч. 1. – С. 154-156.

Гросул В. Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шацилло, Р. Г. Эймонтова. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 400 с.

Гусев В. А. Русский консерватизм : основные направления и этапы развития / В.А. Гусев. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 235 с.

Данилов В. В. М. П. Каченовский и С. Н. Глинка под Иваном Великим / В. В. Данилов // Рус. старина. – 1908. – № 9. – С. 466-472.

Данилов В. В. С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измайлов в Московском цензурном комитете / В. В. Данилов // Изв. Отд. рус. яз. и лит. – 1928. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 507-524.

Данилов С. С. Очерки по истории русского драматического театра / С. С. Данилов. – М.-Л. : Искусство, 1948. – 588 с.

Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Н. Ф. Дубровин // Рус. старина. – 1900. – № 10. – С. 53-81.

Дурылин С. Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 года / С. Н. Дурылин. – М. : Наука, 1943. – 123 с.

Евдокимов И. В. Забытый патриот 1812 г. / И. В. Евдокимов // С.-Петерб. ведомости. – 1912. – 29 авг. – № 195. – С. 7-26.

Ерошкина А.Н. Администратор от культуры (И.И. Бецкой) / А.Н. Ерошкина // Русская культура последней трети XVIII в. – времени Екатерины II. – М., 1997. – С. 74-75.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. / В. М. Живов. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 591 с.

Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века / П. Р. Заборов. – Л. : Наука, 1978. – 245 с.

Замотин И. И. «Русский вестник» Глинки / И. И. Замотин // Отечественная война и русское общество. 1812-1912. – М., 1911. – Т. 5. – С. 130-138.

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А.Л. Зорин. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 416 с.

История русской журналистики XVIII-XIX вв. / под ред. проф. А.В. Западова. – М.: Высш. шк., 1973. – 518 с.

Казаков Р. Б. Крестьянство и власть в сочинениях Н. М. Карамзина: проблемы источниковедения / Р. Б. Казаков // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования: материалы XVI науч. конф. Москва, 30-31 янв. 2004 г. – М., 2004. – С. 87-98.

Карабанов А. Основание 1750 русского театра, кадетами первого кадетского корпуса. К столетнему юбилею / А. Карабанов. – СПб.: В тип. Воен.-учеб. заведений, 1849. – 109 с.

Карпачев М.Д. Альтернативы русской консервативной бюрократии к. XIX в. / М.Д. Карпачев // Логос: Философский журнал. – 2005. – № 4. – С. 200-210.

Карпачев М.Д. Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи / М. Д. Карпачев // Очерки русской культуры XIX в. – М., 2003. – Т. 4: Общественная мысль. – С. 197-399.

Карпачев М. Д. Политический консерватизм дворянской фронды в России в канун Великих реформ 1860-х гг.: опыт исторической ретроспекции / М. Д. Карпачев // Социальные конфликты в условиях системных трансформаций. – Воронеж, 2005. – С. 114-125.

Кизеветтер А.А. Один из реформаторов русской школы / А.А. Кизеветтер // Исторические очерки / А.А. Кизеветтер. – М., 1912. – С. 129-148.

Киселева Л. Н. Глинка С. Н. / Л. Н. Киселева // Русские писатели. Библиогр. слов. / под ред. П. А. Николаева. – М., 1989. – Т. 1. – С. 576-578.

Киселева Л. Н. Еще раз о Сергее Николаевиче Глинке – читателе «Слова о полку Игореве» / Л. Н. Киселева // Finilis luodecum lusris: Сб. ст. к 60-летию профессора Ю. М. Лотмана. – Таллин, 1982. – С. 97-100.

Киселева Л. Н. Журнал «Зритель» и две концепции русского патриотизма в русской литературе 1800-х гг. / Л. Н. Киселева // Учен. зап. / Тартус. гос. ун-т. – 1985. – Вып. 645. – С. 3-20.

Киселева Л. Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807-1812) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Л. Н. Киселева. – Тарту, 1982. – 16 с.

Киселева Л. Н. К языковой позиции «старших архаистов» (С.Н. Глинка, Е.И. Станевич) / Л.Н. Киселева // Учен. зап. / Тартус. гос. ун-т. – 1983. – Вып. 620. – С. 18-30.

Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н. Глинки (1807-1812) / Л.Н. Киселева // Учен. зап. / Тартус. гос. ун-т. – 1981. – Вып. 513. – С. 52-72.

Киселева Л.Н., С.Н. Глинка и кадетский корпус (из истории «сентиментального воспитания» в России) / Л.Н. Киселева // Учен. зап. / Тартус. гос. ун-т. – 1982. – Вып. 604. – С. 48-64.

Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. / Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.

Ключевский В. О. Два воспоминания / В. О. Ключевский // Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский. – М., 1990. – Т. 9. Материалы разных лет. – С. 5-28.

Колюпанов Н. Биография А. И. Кошелева / Н. Колюпанов. – М.: Тип. Грачева и комп., 1889. – Т. I, кн. 2. – С. 373-410.

Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825) / Ю.Е. Кондаков. – СПб.: Нестор, 1998. – 224 с.

Кулешов В. И. История русской литературы / В.И. Кулешов. – М.: Академич. проект : Фонд «Мир», 2005. – 800 с.

Лотман Ю. М. Пути развития русской прозы 1800-1810-х гг. / Ю.М. Лотман // Учен. зап. / Тартус. гос. ун-т. – 1961. – Вып. 104. – С. 1-18.

Лотман Ю. М. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Учен. зап. / Тартус. гос. ун-т. – 1975. – Вып. 358. – С. 168-254.

Лупарева Н. Н. «Божество-хранитель» : образ Петра I в исторической концепции С. Н. Глинки / Н. Н. Лупарева // Новик : сб. науч. работ аспирантов и студентов Воронеж. гос. ун-та. – Воронеж, 2005. – Вып. 10. – С. 52-64.

Лупарева Н. Н. Деятельность и взгляды С. Н. Глинки: историография вопроса / Н. Н. Лупарева // Новик : сб. науч. работ аспирантов и студентов Воронеж. гос. ун-та. – Воронеж, 2007. – Вып. 12. – С. 136-152.

Лупарева Н.Н. Образ идеального русского человека в исторической концепции С.Н. Глинки / Н.Н. Лупарева // Консерватизм в России и мире:

прошое и настоящее. Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время. Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время: сб. материалов науч. конф. – Воронеж, 2005. – С. 12-30.

Лупарева Н. Н. «Русский вестник» / Н. Н. Лупарева, А. Ю. Минаков // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2005. – С. 473-474.

Лупарева Н. Н. С. Н. Глинка в споре о «старом» и «новом» слоге русского языка в начале XIX столетия / Н. Н. Лупарева // Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук : межвуз. науч. сб. – Воронеж, 2009. – Вып. 7. – С. 52-56.

Лупарева Н. Н. Проблема крепостного права в публицистике и исторических сочинениях С. Н. Глинки / Н. Н. Лупарева // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – № 1 (56). – Вып. 9. – С. 66-72.

Мазаев М. Глинка С.Н. / М. Мазаев // Эниклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. – М., 1993. – Т. 4. Герарди – Дюма. – С. 128-129.

Мартин А. «Воспоминание» и «пророчество»: возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» / А. Мартин // Исторические метаморфозы консерватизма. – Пермь, 1998. – С. 85-102.

Мартин А. «Россия есть Европейская держава…»: Проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли эпохи Александра I (А.С. Шишков, С.Н. Глинка, А.С. Стурдза) / А. Мартин // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1998. – Выпуск 5. Политика и культура в контексте истории. – С. 14-22.

Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С. Н. Глинки (1808-1812) / А. Мартин // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 85-116.

Мельгунов С. Глинка С.Н. / С. Мельгунов // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. – Т. 15. Гирке-Город. – С. 143-145.

Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха / Б.С. Мейлах. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – 698 с.

Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России / А. О. Мещерякова. – Воронеж: Изд. дом «Китеж», 2007. – 264 с.

Минаков А.Ю. А.С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – № 7 (62). – Вып. 10. – С. 143-150.

Минаков А.Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX в. в России / А.Ю. Минаков // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманитар. науки. – 2009. – Вып. 12. – С. 12-17.

Минаков А.Ю. Глинка Сергей Николаевич / А.Ю. Минаков // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2005. – С. 109-110.

Минаков А. Ю. Идеал государственного и общественного устройства в воззрениях русских консерваторов первой четверти XIX в. / А.Ю. Минаков // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманитар. науки. – 2010. – Вып. 6. – С. 154-159.

Минаков А.Ю. Масонство и русский консерватизм / А.Ю. Минаков // Российская империя в исторической ретроспективе: сб. науч. тр. V Междунар. науч. конф., г. Белгород, 28-29 янв. 2010 г. – Белгород; Чернигов, 2010. – С. 71-75.

Минаков А. Ю. Опыт типологизации течений в русском консерватизме первой четверти XIX в. / А. Ю. Минаков // Российская империя : стратегии стабилизации и опыты обновления. – Воронеж, 2004. – С. 267-280.

Минаков А. Ю. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка А.С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма / А.Ю. Минаков // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. – Воронеж, 2002. – С. 239-253.

Минаков А. Ю. Роль событий 1812 года в становлении русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Консерватизм в России и Западной Европе : сб. науч. работ. – Воронеж, 2005. – С. 7-18.

Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века / А.Ю. Минаков. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011. – 560 с.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: главные направления и тенденции изучения / А.Ю. Минаков // Отеч. история. – 2005. – № 6. – С. 133-142.

Минаков А.Ю. Франкобесие / А. Ю. Минаков // Родина. – 2002. – № 8. – С. 18-19.

Мирзоев Е.Б., С.Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России / Е.Б. Мирзоев. – М. : Институт бизнеса и политики, 2010. – 164 с.

Можаева Г. В. Погодин М. П. (1800-1875) / Г. В. Можаева // Историки России. Биографии. – М., 2001. – С. 138.

Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. / В.К. Надлер. – Рига: Н. Киммель, 1886. – Т. 1. – 378 с.

Общество литераторов в Нижнем Новгороде в 1812 г. // Сев. пчела. – 1845. – № 72. – С. 285-286.

Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901-1914) / И. В. Омельянчук. – Киев : МАУП, 2006. – 744 с.

П. И. Шаликов // Поэты 1790-1810-х годов / сост. М. Г. Альтшуллер, Ю. М Лотман. – Л., 1971. – С. 630.

Парсамов В.С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза. Из истории религиозных идей александровской эпохи / В.С. Парсамов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 180 с.

Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры: Первая половина XIX века / В. В. Познанский. – М.: Мысль, 1975. – 223 с.

Пономарева Е.А. 1812-й год в детских альманахах С.Н. Глинки / Е.А. Пономарева // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. – Бородино, 1994. – С. 50-54.

Попов А. Н. Эпизоды из истории 1812 г. / А. Н. Попов // Рус. арх. – 1892. – Кн. 2. – С. 413.

Попов И. В. Преддекабристская публицистическая критика о патриотизме / И. В. Попов // Писатель и критика. XIX век : Межвуз. сб. науч. трудов. – Куйбышев, 1987. – С. 3-27.

Поэты 1790-1810-х годов / сост. М. Г. Альтшуллер, Ю. М Лотман. – Л.: Сов. писатель, 1971. – 911 с.

Предтеченский А. В. «Русский вестник» С. Н. Глинки / А.В. Предтеченский // Из творческого наследия / А. В. Предтеченский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 118-132.

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. / А. В. Предтеченский. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 456 с.

Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века / Ф.Я. Прийма. – Л.: Наука, 1980. – 251 с.

Проскурин О. Литературные скандалы пушкинской эпохи / О. Проскурин. – М.: ОГИ, 2000. – 368 с.

Пушкин А.С. Отрывок из литературных летописей / Полн. собр. соч.: в 17 т. / А.С. Пушкин. – М., 1996. – Т. 11. – С. 77-81.

Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Исторические очерки / А.Н. Пыпин. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885. – 543 с.

Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России / А.В. Репников. – М.: Academia, 2007. – 520 с.

Репников А.В. Метаморфозы русского консерватизма : от С.С. Уварова до Никиты Михалкова / А.В. Репников // Отеч. история. – 2001. – № 3 – С. 105-111.

Сивков К. Глинка С. Н. / К. Сивков // Русский биографический словарь. – М., 1995. – [Т.]: «Герберский-Гогенлоэ». – С. 290-297.

Смит Э. Национализм и модернизм : Критический обзор современных теорий, наций и национализма / Э. Смит. – М. : Праксис, 2004. – 464 с.

Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 / Е.В. Тарле. – М.: Воениздат, 1992. – 303 с.

Тартаковский А.Г. А.С. Пушкин и А.Н. Радищев. Заметки источниковеда (Окончание) / А.Г. Тартаковский // Отеч. история. – 1999. – № 2. – С. 142-171.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге / А.Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1991. – 286 с.

Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковед. изуч. / А.Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1980. – 312 с.

Твардовская В.А. Достоевский в общественной жизни России / В.А. Твардовская. – М.: Наука, 1990. – 340 с.

Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания) / В.А. Твардовская. – М.: Наука, 1978. – 280 с.

Трофимов И.Т. Писатели Смоленщины. Био-библиографический справочник / И.Т. Трофимов. – Смоленск: Смолен. кн. изд-во, 1959. – 231 с.

Уортман Р. С. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. / Уортман Р. С. – М. : ОГИ, 2004. – Т. 1. – 605 с. ; Т. 2. – 796 с.

Федоров Б. М. Пророческое вдохновение поэта [Глинки Сергея Николаевича] / Б. М. Федоров. – СПб. : Тип. Н. Тиблена и К°, 1865. – 4 с.

Федоров Б.М. Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки / Б.М. Федоров. – СПб., 1844. – 31 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.

Ходнев А.И. История императорского вольного экономического общества с 1765 до 1865 / А.И. Ходнев. – СПб., 1865. – С. 258.

Холодковский В. М. Наполеон ли поджег Москву? / В. М. Холодковский // Вопр. истории. – 1966. – № 4. – С. 31-43.

Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (к. 1850-х – сер. 1870-х гг.) / И.А. Христофоров. – М.: Рус. слово, 2002. – 441 с.

Цимбаев Н.И. Либералы сороковых годов / Н. И. Цимбаев // Очерки русской культуры XIX в. – М., 2003. – Т. 4. Общественная мысль. – С. 164-196.

Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 274 с.

Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX в. / В.Н. Шульгин. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 496 с.

Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I / A. Martin. – DeKalb : Northern Illinois University Press, 1997. – 294 p.

Martin A. The invention of “Russianness” in the late 18th – early 19th century / A. Martin // Ab Imperio. – 2003. – № 3. – P. 119-134.

Walker F. Reaction and Radicalism in the Russia of Tsar Alexander I: The Case of Brothers Glinka / F. Walker // Canadian Slavonic papers. – 1979 (Dec.) – Vol. 21, № 4. – P. 490-502.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава I. Становление идейно-политических взглядов Сергея Николаевича Глинки 33
§ 1. Детство Сергея Николаевича Глинки. Обучение в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе 33
§ 2. Военная служба. Начало литературной деятельности С. Н. Глинки 43

Глава II. С. Н. Глинка во главе «Русского вестника» 59
§ 1. Начало издания «Русского вестника». Антизападнический пафос журнала 59
§ 2. Консервативно-националистическая программа «Русского вестника» 76
§ 3. Прекращение издания журнала. «Русский вестник» в глазах общественности 103

Глава III. Деятельность С. Н. Глинки в период Отечественной войны 1812 года 123
§ 1. «Шатобриан московского ополчения»: роль С. Н. Глинки в московских событиях 1812 г. 123
§ 2. Патриотическая риторика и антифранцузская пропаганда «Русского вестника» накануне и в период Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 130
§ 3. Отечественная война 1812 года в воспоминаниях С. Н. Глинки 135

Глава IV. Эволюция идейно-политических взглядов С. Н. Глинки (вторая половина 1810-х – 1840-е гг.) 145
§ 1. Педагогические проекты С. Н. Глинки 145
§ 2. «Цензор без страха и упрека»: С. Н. Глинка в Московском цензурном комитете 153
§ 3. Восточный вопрос в сочинениях С. Н. Глинки 159
§ 4. Последние годы жизни. Эволюция идейно-политических взглядов С. Н. Глинки 162

Заключение 179

Список источников и литературы 185

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Акопян Э.А. *10, 27, 176, 199*
Аксаков С.Т. *25, 31, 123, 127, 136, 138, 140, 141, 143, 154, 156, 157, 158, 173, 174, 198, 202*
Александр Невский *90, 91, 94, 118, 130*
Александр I *5, 14, 26, 28, 30, 31, 45, 48, 55, 65, 66, 112, 123, 124, 133, 139, 140, 141, 152, 155, 163, 169, 170, 173, 174, 176, 180, 182, 188, 189, 191, 193, 194, 195, 196, 201, 204, 205, 206, 207, 208*
Алексей Михайлович Романов *100, 111, 116, 118, 132, 142, 143*
Аленов С.Г. *183, 199*
Альтшуллер М.Г. *57, 113, 117, 199*
Ангальт Ф.Е. *36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 54, 55, 150, 173, 195*
Аракчеев А. А. *61, 62, 106, 112, 152, 196*
Аурова Н. Н. *54, 201*

Б

Багдасарян В.Э. *54, 201*
Бантыш-Каменский Н.Н. *129*
Бардовский Я.И. *121, 199*
Барклай-де-Толли М.Б. *138*
Барсуков Н. *32, 122, 175, 201*
Батюшков К.Н. *24, 32, 108, 121, 129, 199*
Бекетов П. *64, 187, 192, 195*
Белинский В. Г. *163, 177, 199*
Бенитцкий А. П. *107*
Бенкендорф А.Х. *158*
Бецкий И. И. *35, 36, 54, 201, 203*
Бибиков Д. Г. *25, 32, 142, 158, 175, 197, 198*
Блудов Д. Н. *154*
Богданович М. И. *5, 26, 201*
Божерянов И. Н. *5, 26, 113, 201*
Бокова В. М. *28, 201*
Болтин И. Н. *146*
Борис Годунов *164, 166, 177, 186*
Бочкарев В. Н. *6, 26, 58, 112, 201*
Булич Н. Н. *5, 6, 8, 11, 26, 201*

В

Валуев А. П. *129*
Валуев П. С. *125*
Вацуро В. Э. *156, 174, 201*
Велижев М. *14, 15, 28, 77, 94, 115, 119, 120, 172, 201*
Вигель Ф. Ф. *25, 32, 59, 110, 111, 199*
Виноградов В. В. *117*
Владимир Мономах *82, 90, 97, 116, 118, 119, 131*
Владислав IV *33*
Воейков А. Ф. *24, 109, 147, 199*
Волкова А. А. *63*
Володина Т. А. *13, 14, 28, 45, 146, 172, 201, 202*
Вольтер Ф.-М. А. де *16, 31, 35, 39, 40, 46, 67, 68, 69, 72, 75, 85, 98, 113, 114, 118, 159, 164, 175*
Врасский Н. *63*
Вяземский П. А. *25, 32, 48, 57, 65, 110, 113, 122, 126, 128, 129, 132, 141, 142, 158, 171, 172, 175, 179, 183, 184, 197, 198, 199*

Г

Гаевский В. П. *21, 175, 186*
Галахов А. Д. *5, 26, 202*
Геннади Г. Н. *173, 202*
Гиллельсон М. И. *156, 174, 201*
Глинка А. П. *19*
Глинка А. С. *154*
Глинка (Каховская) А. Я. *33*
Глинка В. Н. *34*
Глинка Василий С. *21, 30, 141, 154, 185*

Глинка Владимир С. *154*
Глинка Г. Н. *34*
Глинка Е. Н. *34*
Глинка И. Н. *34*
Глинка М. С. *154*
Глинка Н. И. *33, 34*
Глинка Н. Н. *34*
Глинка П. С. *154*
Глинка Сергей С. *154*
Глинка Софья С. *154*
Глинка Ф.Н. *12, 16, 19, 21, 24, 25, 32, 34, 41, 55, 63, 128, 141, 178, 186, 199, 195*
Глинка Ф.С. *154*
Глинка Я.Я. (Викторин Владислав) *33*
Голенищев-Кутузов П. И. *63, 47*
Голицын А.Н. *17, 152, 153, 155, 189*
Голицын С.М. *156, 158, 198*
Горчаков Д.П. *47*
Греч А.Н. *24, 31, 178, 196*
Греч Н.И. *24, 31, 170, 171, 178, 196, 199*
Гросул В.Я. *18, 29, 202*

Д
Давыдов Д. В. *59, 198*
Данилевский Н. Я. *13*
Данилов В. В. *174, 175, 202*
Дашкова Е. Р. *62, 63*
Демулен К. *39*
Державин Г. Р. *16, 24, 31, 42, 49, 50, 51, 53, 57, 58, 59, 63, 113, 123, 196*
Дидро Д. *35*
Дмитриев И. И. *25, 32, 174, 198*
Дмитриев М. А. *25, 32, 57, 110, 122, 126, 141, 152, 173, 175, 199*
Дмитрий Донской *51, 91, 110, 130*
Долгорукий В. *19*
Долгорукий Я. Ф. *19*
Долгоруков Ю. В. *44, 46, 48*
Достоевский Ф. М. *13, 18, 29, 208*
Дохтуров Д. С. *103*
Дурылин С. Н. *9, 27, 138, 144, 202*

Е
Евдокимов И. В. *6, 7, 8, 21, 26, 42, 46, 53, 56, 126, 140, 141, 142, 144, 178, 186, 202*
Екатерина II *14, 19, 20, 30, 34, 36, 40, 42, 44, 64, 96, 97, 98, 99, 138, 147, 163, 164, 167, 168, 176, 177, 187, 193*
Ерошкина А. Н. *54, 203*
Ефимович И. Н. *48*

Ж
Живов В.М. *116, 117, 203*
Жуковский В.А. *151, 163, 176, 177, 196*

З
Замотин И. И. *7, 8, 26, 121, 203*
Зорин А. Л. *14, 28, 58, 140, 203*
Зотов Н. М. *64, 82, 91, 110, 118*

И
Иван IV *19, 80, 91, 166*
Иванов Ф. *63*
Измайлов А. Е. *107, 108*
Измайлов В. В. *155, 157, 174, 202*
Итенберг Б. С. *18, 29, 202*

К
Казаков Р. Б. *120, 203*
Калайдович К.Ф. *25, 32, 111, 125, 197*
Каменский П. П. *170*
Кампе И. Г. *40*
Каразин В. Н. *51*
Карамзин Н. М. *4, 13, 14, 16, 17, 25, 32, 40, 59, 71, 83, 86, 88, 114, 120, 146, 147, 148, 153, 172, 174, 180, 181, 182, 197, 198*
Карпачев М. Д. *26, 203*
Катков М. Н. *18, 29, 203*
Качановский М. Т. *156, 157, 198*
Кизеветтер А. А. *54, 203*
Кирьянов Ю. И. *18, 29, 204*
Киселева Л. Н. *10, 11, 12, 27, 28, 35,*

39, 54, 55, 56, 84, 86, 117, 203, 204
Клушин А. И. *40*
Ключевский В. О. *54, 204*
Княжнин Я. Б. *10, 16, 40, 43, 44, 56*
Коленкур А.-О.-Л. *66, 71*
Колюпанов Н. *30, 120, 121, 144, 204*
Кондаков Ю. Е. *204*
Кондильяк Э. Б. де *47, 71, 82, 91, 118*
Коменский Я. А. *35*
Корсаков А. Н. *25, 32, 151, 173, 200*
Костюшко Т. *168*
Кошелев А. И. *30, 120, 121, 144, 204*
Крылов И. А. 40
Крюковский М. В. *51*
Кукольник Н. В. *170*
Кулешов В. И. *144, 204*
Кутузов М.И. *43, 44, 138*

Л
Лавринович М. *14, 28, 120, 172, 201*
Лажечников И.И. *25, 32, 127, 141, 200*
Лафонтен Ж. де *151*
Лебедев Н. П. *34*
Левек П.-Ш. *71*
Леклерк Н. Г. *71*
Леонтьев К. Н. *13*
Леопольд I *36*
Лесаж А. Р. *42, 56*
Лесепс Ж.-Б. Б. *138*
Ливен К. А. *155, 156, 159, 198*
Лобанов-Ростовский Д. И. *157*
Локк Дж. *54, 91, 118*
Ломоносов М. В. *16, 59, 96*
Лотман Ю. М. *10, 27, 117, 204*
Людовик XVIII *137*

М
Магницкий М. Л. *14*
Макаров П. И. *107*
Максимович М. А. *21, 157, 175, 186*
Малиновский А. Ф. *129*
Мартин А. *17, 29, 39, 54, 55, 111, 121, 140, 143, 205, 209*
Мартынов И. И. *47*
Матвеев А. С. *64, 110, 118*
Медокс М. Е. *47*
Мейлах Б. С. *9, 27, 205*
Мельгунов С. П. *8, 27, 113, 205*
Меншиков А. Д. *92*
Мерзляков А.Ф. *66*
Мещерякова А. О. *141, 206*
Милорадович М. А. *62, 104, 120*
Мильтон Д. *20*
Минаков А. Ю. *15, 26, 28, 111, 112, 113, 117, 122, 123, 140, 141, 143, 184, 200, 206*
Мирзоев Е.Б. *15, 16, 28, 207*
Михаил Федорович Романов *80, 91, 116, 118, 120, 139, 147*
Михайловский-Данилевский А. И. *21, 152, 174, 196, 200*
Можаева Г. В. *172, 184, 207*
Монтескье Ш. Л. *16, 71*

Н
Надлер В.К. *126, 141, 207*
Наполеон Бонапарт *20, 41, 49, 50, 59, 60, 65, 66, 104, 123, 128, 129, 130, 132, 133, 136, 137, 138, 139, 141, 163, 169, 176, 189, 194, 208, 209*
Нарежный В.Т. *56*
Нарышкина Н.К. *64, 91, 110, 118, 195*
Николай I *14, 155, 170, 195*
Николев Н.П. *46, 63*
Новиков Н.И. *16, 150*

О
Озеров В.А. *42, 51*
Остерман-Толстой А.И. *104*

П
Павел I *44, 112, 169*
Палицын А. Я. *46*
Парсамов В. С. *26, 207*

Песталоцци И.Г. *82*
Петр I *19, 30, 48, 64, 82, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 110, 118, 119, 131, 147, 162, 164, 166, 167, 168, 186, 204*
Писарев А.А. *155, 156, 197, 198*
Плавильщиков П.А. *51*
Платов М.И. *104, 120, 149, 172, 173, 193*
Плетнев П.А. *21, 197, 198*
Победоносцев К.П. *13, 182*
Погодин М.П. *25, 32, 110, 122, 148, 157, 172, 175, 183, 184, 201, 207*
Познанский В. В. *9, 10, 11, 27, 207*
Полевой К. А. *25, 31, 32, 151, 163, 171, 173, 174, 178, 197, 198, 200*
Полевой Н. А. *32, 147, 156, 157, 158, 170, 173, 198, 200*
Полетика П. И. *42*
Полоцкий С. *64, 116*
Померанцев В. П. *46*
Попов А. И. *5, 207*
Попов И. В. *12, 28, 207*
Предтеченский А. В. *8, 9, 10, 27, 65, 112, 113, 119, 121, 207*
Прийма Ф. Я. *10, 27, 56, 207*
Проскурин О. *13, 28, 107, 108, 117, 121, 208*
Пушкин В. Л. *129*
Пушкин А. С. *157, 175, 197, 198*
Пыпин А. Н. *5, 6, 26, 208*

Р

Радищев А. Н. *10, 27, 40, 43, 44, 56, 176, 199, 200, 208*
Раевский Н. Н. *104*
Репников А. В. *18, 29, 117. 208*
Робеспьер М. *36, 69*
Ростопчин Ф. В. *4, 6, 9, 12, 13, 14, 17, 59, 60, 61, 62, 105, 106, 112, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 133, 135, 141, 142, 197, 206*
Ртищев Ф. *100*
Рунич Д. П. *21, 48, 49, 53, 57, 58, 105, 185, 186*
Руссо Ж.-Ж. *16, 35, 39, 40, 52, 53, 54, 74, 77, 82, 84, 85, 91, 99, 108, 118, 181*

С

Салтыков С. П. *47*
Сандунов С. Н. *46*
Сегюр П. де *49*
Селивановский С. А. *128, 187, 188, 191, 193*
Сербинович К. С. *24, 31, 171, 178, 197*
Сивков К. *7, 26, 53, 56, 140, 173, 208*
Сигизмунд III *33*
Скопин-Шуйский М. *59, 130*
Смит Э. *177, 208*
Сперанский М. М. *123, 170*
Станевич Е. И. *12, 28, 117, 204*
Старчевский А. В. *21, 171, 178, 186*
Стерн Л. *43*
Стурдза А. С. *17, 180, 207*
Суворов А.В. *59, 112, 131, 142, 143, 187, 188, 190*
Сумароков А. П. *59, 96, 163, 176, 191*
Сусанин И. *102, 120*

Т

Тарле Е. В. *141, 208*
Татищев В. Н. *146*
Твардовская В. А. *18, 29, 208*
Теплова С. С. *157*
Толстой Л. Н. *22, 136*
Толь К. Ф. *42*
Трощинский Д. П. *51, 199*
Турчанинов П. П. *42*

У

Уолкер Ф. *16, 17, 28, 209*
Уортман Р. *17, 29, 144, 208*
Успенский Б. А. *117, 204*

Ф
Федоров Б. М. *5, 26, 140, 173, 174, 208*
Фишер А. *152*
Фонвизин Д. И. *16*

Х
Хвостов Д. И. *21, 47, 63, 109, 110, 186, 197*
Херасков М. М. *50, 59*
Хитрова Е. М. *25, 32, 158, 175, 198*
Хобсбаум Э. *209*
Ходнев А. И. *55, 209*
Холодковский В. М. *142, 209*
Хомяков А. С. *183*
Христофоров И. А. *18, 209*
Хрущев Д. А. *45, 46*

Ц
Цимбаев Н.И. *18, 26, 29, 183, 184, 209*

Ш
Шаликов П.И. *24, 31, 47, 63, 105, 106, 121, 170, 200*
Шатобриан Ф.Р. де *123, 129*
Шатров Н.М. *46*
Шафиров П.П. *92*
Шацилло К.Ф. *18, 29, 202*
Шевченко М.М. *26*
Шихматов (Ширинский-Шихматов) С.А. *12*
Шишков А.С. *4, 6, 8, 9, 12, 13, 14, 16, 17, 25, 29, 32, 63, 83. 84, 85, 86, 87, 88, 105, 107, 109, 121, 123, 148, 153, 155, 163, 172, 180, 181, 182, 198, 199, 200, 206*
Шлецер А.-Л. *65, 111, 146*
Шульгин В.Н. *18, 209*
Шушерин Я.Е. *46*

Щ
Щербатов М. М. *146*

Э
Эймонтова Р. Г. *18, 29, 202*

Ю
Юнг Э. *47*
Юсупов Н. Б. *157, 158*

Я
Ярославский В. И. *25, 45, 56, 200*

научное издание

«Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки

монография

Автор:
Лупарева Надежда Николаевна

Научный редактор:
доктор исторических наук Минаков А.Ю.

Редактор:

Дизайн обложки и компьютерная верстка:
Калайчиди Е.Н.

Сдано в набор 11.06.2011. Подписано в печать 15.09.2011 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,9. Уч.-изд. л. 26,8. Тираж 500 экз. Заказ N 5941.

Отпечатано в ООО «**Новый взгляд**»
394016, г. Воронеж, ул. Славы, 13а
Тел. (473) 272-73-73